

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

В.А. Кузнецов

ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ
*К истории
золотоордынских городов
Северного Кавказа*



Нальчик • 2014

УДК – 904(470.6)
ББК – 63.444(235.7)–425
К – 89

Печатается по решению Ученого совета Института
гуманитарных исследований КБНЦ РАН

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Б.Х. Бгажноков

Рецензент

кандидат исторических наук, доцент

В.А. Фоменко

Кузнецов В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 160 с.

Книга посвящена одному из наиболее крупных и ярких памятников золотоордынского времени Северного Кавказа – городищу Верхний Джулат (Татартуп). В монографии доктора исторических наук В.А. Кузнецова впервые обобщены археологические и другие исторические источники об этом средневековом городе. Работа богато иллюстрирована.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: историков, учителей и учащихся школ, студентов и всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-91766-084-4

©Кузнецов В.А., 2014
© КБИГИ РАН, 2014

INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCHES
OF THE KBSC OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

V.A. Kuznetsov

UPPER DZHULAT

*From the history
of the cities of the Golden Horde
in the North Caucasus*



Nalchick • 2014

УДК – 904(470.6)
ББК – 63.444(235.7)–425
К – 89

It is printed according to the solution of the Academic council
of FSBUS of Institute of humanitarian researches KBSC of RAS

Scientific Editor

doctor of history

B.H. Bgazhnokov

Reviewer

candidate of history

V.A. Fomenko

Kuznetsov V.A. Upper Dzhulat. From the history of the cities of the Golden Horde in the North Caucasus. – Nalchik: Publications department of KBIHR RAS, 2014. – 160 p.

The book is dedicated to one of the largest and most striking sights of the Golden Horde period of the North Caucasus – ancient settlement Upper Dzhulat (Tatartup). The book doctor of historical sciences, V.A. Kuznetsov was first synthesized archaeological and other historical sources of this medieval town. The work is richly illustrated.

The book is intended for a wide circle of readers, historians, teachers and students of schools, students and anyone interested in history.

ISBN 978-5-91766-084-4

© Kuznetsov V.A., 2014
© KBIHR RAS, 2014



От автора

Двенадцатый век в Центральной Азии ознаменован ростом могущества татаро-монгольских племен и формированием раннефеодальных государственных образований. На съезде монгольских феодалов в 1206 г. вождь племени борджигинов Тимучин был провозглашен великим ханом – Чингисханом. Начались знаменитые завоевательные походы Чингисхана. В 1227 г. монголами было разгромлено государство тангутов Си Ся, а его население уничтожено. В 1234 г. та же участь постигла государство чжурчженей Цзинь на территории Северного Китая. Одновременно шло завоевание Средней Азии. В походе Чингисхана 1219 г. против государства Хорезм участвовало 150 тыс. монгольских воинов. В 1221 г. Хорезм пал. Перед завоевателями открылась дорога на запад.

Летом 1220 г. Чингисхан отправил в разведывательный поход на Кавказ, Крым, Русь корпус Джебе и Субедея; 31 мая 1223 г. состоялась известная битва татаро-монголов с русским войском на р. Калке. Монголы победили, и в 1224 г. корпус Джебе вернулся в Монголию.

В 1235 г. на Курултае (съезде монгольских феодалов) в Каракоруме было принято решение о крупном походе на Кавказ и Русь. В 1237–1240 гг. татаро-монголы обрушились на Восточную Европу и Северный Кавказ. Осенью 1238 г., после победы над черкесами и гибели их государя Тукара, монголы приступили к завоеванию алан Центрального Кавказа и после полуторамесячной осады взяли аланскую столицу – город М-к-с. В 1239 г. монголы вели военные действия в Дагестане, но окончательно покорить народы Северного Кавказа им не удавалось, борьба продолжалась. В середине XIII в. Плано Карпини писал о побежденных, но не покоренных, «комуков», «алан», или «ас», «тарков» и «чиркасов». В 1278 г. татаро-монголы совершили поход против аланского города Дедакова, который взяли штурмом и сожгли. Этот поход имел большое значение, ибо он нашел отражение в древнерусских летописях, зафиксировавших упорное сопротивление завоевателям: «супротивных без числа избиша».

К этому времени огромная, лоскутная Монгольская империя распалась на части. Старший сын Чингисхана Джучи в 1224 г. стал ханом

улуса Джучи – с 1240 г. монгольского государства Золотая Орда, основанного ханом Батыем. В Золотую Орду входила значительная территория, в том числе Северный Кавказ. Внук Чингисхана Хулагу положил начало еще одной династии-ильханов Хулагидов, правивших к югу от Золотой Орды в Иране, Ираке, Закавказье. Вскоре между Джучидами и Хулагидами началась борьба, шедшая с переменным успехом до XV в., когда Золотая Орда распалась на более мелкие феодальные ханства: Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское. Войны между Джучидами и Хулагидами не привели к изменению границ – ильханы удержали Закавказье, Джучиды остались властителями Дербента и Северного Кавказа.

Такова кратко предыстория нашей темы, это небольшое введение в общеисторический контекст эпохи. Его необходимо знать, чтобы лучше представлять происходившее в XIII–XIV вв. на Северном Кавказе, в его центральной части. Нашествие XIII в. и завоевание татаро-монголами принципиально изменило характер и особенности исторического процесса на Северном Кавказе, преобразило его лицо и открыло начало новой эпохи позднего Средневековья. Не будь этих тяжелых, кровавых событий. Северный Кавказ сейчас был бы иным. В этом научное и практическое значение проблем, связанных с историей Золотой Орды на Северном Кавказе. Но не все эти проблемы мы знаем, в некоторых делаем лишь первые шаги и их объективное, лишенное паранаучной фантастики познание – дело не близкого будущего.

Одна из таких проблем – это проблема возникновения и развития золотоордынских городов на Северном Кавказе. Джучиды умели не только воевать и разрушать, но и строить. Золотоордынские города Поволжья (городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор) археологами изучаются давно, вокруг них сложилась целая литература. На Северном Кавказе такой традиции нет, кроме городища Маджар на р. Куме. Поэтому каждое исследование этой эпохи и ее памятников в нашем регионе является шагом вперед по пути накопления источников, их анализа и синтеза.

Кроме Маджар, который, несомненно, был в XIV–XV вв. крупнейшим ордынским городом и рынком Центрального Кавказа (ему будет посвящена специальная работа Э.Д. Зиливинской), в этом регионе существовали еще два городища, считающиеся городами эпохи Золотой Орды. Это Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии и Верхний Джулат или Татартуп в Северной Осетии. Оба городища лежат на берегах реки Терек, на расстоянии 35 км друг от друга. В недавнем исследовании Л.Ф. Недашковского показаны золотоордынские города Нижнего Поволжья и формировавшие их округа, т.е. территории, тяготеющих к городу [Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010]. Применительно к Северному Кавказу

мы имеем прямое свидетельство о существовании области Джулат на реке Терек. Сюда в 1395 г. пришел «завоеватель вселенной» Тамерлан, чтобы дать своему войску отдых и провиант перед генеральным сражением с золотоордынским ханом – Тохтамышем. Очевидно, что «область Джулат» восточных источников это и есть область на Тереке, где в XIV в. реально существовали Верхний и Нижний Джулаты. Интересные данные есть в дагестанском источнике XVI в. (когда память о событиях XIV в. была еще жива) «Тарихи Дербенд-наме», где говорится о том, что правитель Ирана Ануширван (VI) на территории Дагестана основал несколько городов и среди них Кичи-Маджар и Уллу-Маджар, но «пункты эти теперь называются иначе...»; Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются Джулад и Татар (Татартуп. – В.К.); последнее название происходит от того, что после разрушения города большую часть новых его обитателей составили татары – выходцы из Крыма» [Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 32]. Источник сложный, наличие в нем интерполяций очевидно, но сведения о Джулате (Нижнем. – В.К.) и Татартупе (Верхнем. – В.К.) кажутся верными, хотя требующими проработки.

В одной из монографий я сделал небольшой экскурс по теме об области Джулат в системе золотоордынских владений на Центральном Кавказе XIV в. [Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. С. 345]. Сейчас не вижу оснований пересматривать свои подходы, данная работа этому не противоречит. Однако остается вопрос: Какой из двух Джулатов был центром области Джулат?

Не буду останавливаться на других неясных вопросах, их много. Давайте исходить не из того, чего нет, а из того, что есть. Сектор археологии Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН готовит двухтомную обобщающую работу под названием «Золотоордынские города Северного Кавказа», где будут даны результаты исследований городов Верхний Джулат, Нижний Джулат и Маджар. В северокавказской историографии такое издание предпринимается впервые. Его авторы – непосредственные участники и руководители археологических раскопок Маджар (Э.Д. Зиливинская), Нижнего Джулата (И.М. Чеченов), Верхнего Джулата (В.А. Кузнецов).

В заключение должен подчеркнуть, что в исследовании Верхнего Джулата ведущую роль сыграли Евгений Игнатьевич Крупнов – начальник Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ) Института археологии АН СССР, и Ольга Викторовна Милорадович – прекрасный человек и археолог-полевик. Пусть эта небольшая скромная монография будет венком благодарной памяти нашим старшим коллегам и учителям.

В.А. Кузнецов



Введение

Один из основных древних путей, соединявших юг Восточной Европы и Северный Кавказ с Закавказьем и Ближним Востоком, с севера направлялся к верховьям Терека. Здесь начиналась так называемая Военно-Грузинская дорога, получившая широкую известность, особенно в раннесредневековых мусульманских источниках, как Дар-и Алан – ворота алан, по Масуди, X в. [Минорский В.Ф. 1963. С. 203]. В Дарьяльском ущелье этот кратчайший путь в Грузию контролировался сильной и все еще почти не изученной крепостью [Калат ал-Лан Масуди; см.: Минорский В.Ф. Там же. С. 204], датированной предварительно VIII–X вв. [Круглов. 1937. С. 247. Рис. 3; Цитланадзе Л.Г. 1967. С. 13–14; Сланов А.А. 2014. С. 276–279].

Минуя Предкавказье, этот путь к верховьям Терека неизбежно проходил через Эльхотовские ворота – место прорыва Терека на север, через невысокий Терско-Сунженский хребет с высотными отметками до 926 м (гора Заманкул). Длина Эльхотовской долины около 8,5 км, ширина – до 3 км, но в северной оконечности она сужается и представляет собой узкое дефиле между рекой и склонами хребта. Этот проход было достаточно легко контролировать. Необходимость надежного контроля Эльхотовских ворот вполне объяснима – южнее лежала сердцевина Восточной Алании – Осетинская, или Владикавказская равнина. В.Ф. Миллер давно высказался в пользу отождествления Владикавказской равнины с областью Ардоз, упоминаемой в армянской географии VII в. «Ашхарауиц» [Миллер В.Ф. 1887. С. 106–107]. К В.Ф. Миллеру присоединился В.А. Кузнецов, писавший: «... в области Ардоз мы можем видеть один из наиболее экономически развитых и политически значимых районов восточной Алании,

освоенных древними иранцами по крайней мере с сарматской (по М.П. Абрамовой, со скифской) эпохи» [Кузнецов В.А. 2003. С. 15]. Высокая плотность сармато-аланского населения в области Ардоз в первые века н.э. подтверждена новейшими раскопками Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева катакомбного могильника II–IV вв. н.э. у «земляного» городища «Каууат» близ с. Брут [Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009], а также раскопками огромного катакомбного могильника Ф. Дзуцева у Беслана (более 800 могил).

Из вышесказанного следует, что район Эльхотовских ворот имел большое военно-стратегическое значение для области Ардоз как центра Восточной Алании в эпоху раннего Средневековья (до XIII в). Очевидно, что Эльхотовские ворота должны были быть защищены от нападений с севера – в степном Предкавказье после гуннского нашествия в конце IV – начале V в. господствовали кочевые племена тюрок, позже хазар.

Судя по некоторым данным, Эльхотовские ворота имели оборонительные сооружения. Так, в 1912 г. «любитель древностей» Ф.С. Гребенец (Панкратов) отметил близ Эльхотова огромный «Тамерланов вал», пересекающий долину поперек вплоть до горы [Гребенец Ф.С. 1915. С. 8]. В своей брошюре о Татартупском минарете Л.П. Семенов упоминает уже не «Тамерланов вал», а «Тамерланов ров», о котором у кабардинцев и других горцев существует много преданий [Семенов Л.П. 1947. С. 21]. Это чисто терминологическая путаница. В марте 1979 г. В.А. Кузнецов и геодезист СКАЭ С.А. Пирогов с вершины Терско-Сунженского хребта у балки Соколовской четко видели светло-желтую полосу шириной 6–8 м, протянувшуюся поперек долины до Терека. Видимо, это остатки распаханного глиняного вала или глинобитной стены как на Нижнем Джулате [Кузнецов В.А. 2003. С. 24; Чеченов И.М. 1967. С. 220. Рис. 17, 20], или на Зилгинском городище [Аржанцева И.А., Деоник Д.В. 1989. С. 77–78, 92]. Поскольку данный объект археологическому исследованию не подвергался, сказать о нем что-либо определенное мы не можем, хотя сам факт существования объекта весьма нагляден.

Охранную службу Эльхотовских ворот могли нести аланы, в предмонгольский период X–XII вв. (очевидно, и в более раннее время) обитавшие в двух крупных поселениях: Змейском, исследовавшимся в 1957 г. В.Б. Ковалевской [Ковалевская-Деоник. 1967. С. 37–50] и Верхне-джулатском О.В. Милорадович [Кузнецов В.А., Милорадо-

вич О.В. 1961. С. 110–111]. В частности, Змейское поселение, расположенное на древней речной террасе близ Змейского кирпичного завода, признано связанным с обширным Змейским катакомбным могильником X–XII вв., а в нем обнаружено немало импортных предметов. Это позволяет думать о наличии на одном из упомянутых аланских поселений X–XII вв. местного рынка, связанного с функционированием крупного торгового пути уже в X–XII вв., возможно, и раньше. Сейчас раскопки Змейского катакомбного могильника, начатые в 1950 г. С.С. Кусаевой и В.А. Кузнецовым, успешно продолжает Р.Ф. Фидаров, исследовавший более 500 катакомб. К сожалению, материал об этом пока не опубликован.

Все эти обстоятельства местной истории сыграли свою роль после татаро-монгольского вторжения, погрома и образования в 40-х гг. XIII в. феодального государства Золотая Орда (улуса сына Чингис-хана Джучи). Как известно, территория большей части равнины Северного Кавказа, включая Пятигорье, Предкавказье, нынешние Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, вошла в состав золотоордынской государственности [Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1937. С. 66; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. С. 61–62]. Эльхотовские ворота оказались на территории Золотой Орды. Выгодное географическое местоположение этой местности, надо полагать, не укрылось от внимания золотоордынских властей: при хане Тохте (1290–1312) для купцов и товаров вновь открылась Кавказская дорога благодаря обмену послами и дипломатической переписке между Джучидами и Хулагидами. Но в 1306 г. борьба между ними возобновилась. Строительство, начатое при Тохте, стало крупным при Узбекхане (1313–1342), введшим ислам в качестве государственной религии [Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1937. С. 68]. На фоне общей строительной активности следует особо выделить строительство золотоордынских городов в Нижнем Поволжье [Fedorov-Davydov. 1984. Недашковский. 2010; Зиливинская Э.Д. 2008. Зиливинская Э.Д. 2009], Крыму [Крамаровский М.Г. 2003. С. 506–525], на Северном Кавказе, чему посвящена настоящая монография. Как считал В.Л. Егоров, каждая область в Золотой Орде имела свой административно-политический центр, «который нередко был единственным городом в ней». [Егоров В.Л. 1969. С. 47].

Городище Верхний Джулат или Татартуп в долине, называемой по-осетински «Арджи нараг» – «Теснина Арга» на левом

берегу Терека, часто упоминается в кавказоведческой литературе, периодической печати, в архивных материалах, фигурирует на старых картах Кавказа. Так, на карте Георга Трайтеля 1774 г. в Большой Кабарде помещены разоренный город Маджар на р. Куме, разоренный город Хаха на р. Буйволе и в Малой Кабарде – разоренный город Sucat (Джулат) на р. Терек (правда, не ясно – это Верхний или Нижний Джулат?). Нередко Татартуп упоминается как раритет в фольклоре кабардинцев, осетин [Семенов Л.П. 1947. С. 20–21] и даже в горногрузинской области Раче упоминается (сказание «Джуджеби, Темирбий и Шибижи») «дальняя крепость Татартуп» [Дзидзигури Ш. 1971. С. 70].

В «Представлении астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде» от 24 апреля 1775 г. говорится о выгодном географическом положении Верхнего Джулата, или Татартупа: «Сей же град лежит в самом сердце гор, прикрывает Малую Кабарду от Большой и делает лутчую дорогу в Грузию» [Кабардино-русские отношения. 1957. С. 314].

Мы не будем рассматривать предшествующую историографическую традицию, ибо это было обстоятельно сделано Л.П. Семеновым в его работе о Татартупском минарете [Семенов Л.П. 1947]. Подчеркнем главное – наличие в данной местности большого древнего городища на обоих берегах Терека, но полностью разрушенного и относящегося к периоду господства Золотой Орды. Единственной уцелевшей постройкой оставался Татартупский минарет. В 1914 г. анонимный автор в газете «Терские ведомости» опубликовал статью о развалинах городища Татар-Туп и засвидетельствовал следы бывших строений, остатках кирпича, тесаных известняковых плит, массы битой посуды, многих других вещей. Но главное: «в громадном количестве разбросаны всевозможной величины курганы, то отдельные, то группами, от 200 до 400 штук» [На развалинах. 1914. С. 2–3]. Сведения о курганных группах вполне достоверны, это кабардинские могильники. Сейчас они почти полностью уничтожены.

В настоящее время археологически изучены Татартупский минарет, остатки двух мечетей (одна из них с остатками второго минарета), четыре христианских храма. Таким образом складывается впечатление, что все виденные Гильденштедтом кирпичные здания усилиями СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова в конце 50 – начале 60-х гг. прошлого столетия были найдены и

раскопаны, но к ним добавлены христианские и мусульманские погребения, еще две церкви, вымощенная городская площадь, склеп на правом берегу Терека и более мелкие объекты. Все это позволяет нам попытаться приступить к воссозданию хотя бы самой общей картины жизни золотоордынского города в центральной части Предкавказья.

Объекты, исследованные О.В. Милорадович, излагаются по опубликованным ею отчетным статьям в виде обширных перепечаток. Полагаем это оправданным для удобства читателей, ибо публикации основной исследовательницы Верхнего Джулата не только важны, но и были помещены в специальных малотиражных и труднодоступных изданиях. Изложение материала начинаем с мусульманских памятников, характеризующих государственную религию Золотой Орды*.

* К сожалению, мы не располагаем графической и фотографической фиксацией покойных исследователей Верхнего Джулата Е.И. Крупнова и О.В. Милорадович, относящейся к изученным ими объектами, приводимым ниже. Этот материал можно найти в издании «Средневековые памятники Северной Осетии». М., 1963 (МИА СССР. № 114).



МУСУЛЬМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1.1. Малая мечеть

Была исследована О.В. Милорадович в 1958 г., она находилась в 300 м к югу от Татартупского минарета, обнаружена по скоплению битого кирпича на дневной поверхности. Здание полностью разрушено, но хорошо сохранившаяся кладка фундамента из речного булыжника на прочном известковом растворе позволила полностью восстановить его план. Ширина стен в фундаменте от 0,80 до 1,0 м, глубина фундамента – до 1,50 м. В северо-восточном углу здания находилось массивное четырехугольное основание несохранившегося минарета. Размеры основания 2,60 x 2,40 м, фундамент основания впущен в землю на глубину до 2,80 м, кладка тщательная и очень прочная. От ствола минарета на основании уцелели несколько рядов кирпичной кладки. В противоположной, южной стене имелась культовая ниша – михраб, – обращенная в сторону Мекки. Ее внутренние размеры 1,15 x 1,15 м, за пределы южной стены михраб выступал на 0,50 м. Следов входа в мечеть не сохранилось, но по мнению О.В. Милорадович, он располагался в северной стене рядом с минаретом [*Там же*. С. 69]. Само здание в плане вытянутый четырехугольник, ориентированный почти строго по линии север-юг, общая длина мечети с минаретом и михрабом – 13,0 м.

В интерьере мечеть имела шесть пилястр: четыре в углах, две в середине западной и восточной стен. Пилястры должны были нести кирпичные подпружные арки, делившие интерьер на два равных компартимента. В стыках арок были кирпичные тромпы, осуществлявшие переход от квадрата к кругу – к сфере купола. Следовательно, мечеть была двухкупольной. Такими представляются вероятные объемы здания.

Как говорилось, мечеть была возведена из стандартного кирпича с размерами 23–24 x 23–24 см при толщине 5 см, но о характере техники кладки судить трудно. Единственную для этого возможность дает участок стены, упавшей внутрь мечети при ее разрушении. Но он в высоту имел всего 0,70 м. Как свидетельствует О.В. Милорадович, «кирпичи положены плашмя простой кладкой в перевязь с толщиной швов в 3–4 см. Внутренняя сторона стенки была покрыта ровным слоем серой штукатурки толщиной 5–7 мм» [*Там же*. С. 68. Рис. 3]. Площадь мечети в интерьере очень невелика – всего 39 кв. м, и это указывает на численно весьма скромный приход даже для магальной мечети. В северо-восточном углу сохранился небольшой участок пола мечети. Он был глинобитным на слое галечника.

Никакого датирующего материала при раскопках мечети не было обнаружено, и О.В. Милорадович датировала ее XIII в. на основании тождества строительных материалов и техники церкви 1 и данной мечети [*Там же*. С. 69]. Нам такая датировка представляется ошибочной, ибо она не коррелируется с хорошо известными историческими фактами, которые нельзя не учитывать. Ислам стал государственной религией Золотой Орды при хане Узбеке, который был активным проводником этой религии, как и его преемник хан Джанибек (1342–1357). Резиденция Джанибека находилась в Маджаре, о чем говорит надпись на плите [*Ртвеладзе Э.В.* 1970. С. 253–254]. Значит, к этому времени Маджар был уже отстроен и данный процесс целиком приходится на правление Узбека, т.е. на первую половину XIV в. Есть достаточно оснований считать, что магальная мечеть Верхнего Джулата появилась в это время.

1.2. Татартупский минарет

Это знаковый памятник, в историографии символизирующий Верхний Джулат и неизменно привлекавший внимание всех побывавших в «Арджи-нараг». В 1742 г. известный русский историк В.Н. Татищев (1686–1750) писал: «Другой град на реке Терке, от Кизляра с 200 верст, Тартуп именуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою круглою...» [*Гурвич Д.М.* 1956. С. 160], т.е. он Татартупский минарет принял за церковь. Благо-

даря тому, что минарет до конца XX в. (в 1981 г. он был обрушен узбекскими горе-реставраторами) и был обмерен и зафиксирован под руководством О.В. Милорадович архитектором Н.В. Дура, мы получили надежный археолого-архитектурный источник по истории Верхнего Джулата.

Минарет представляет собой кирпичный конический (слегка суживающийся кверху) ствол, стоящий на кубической формы основании. Общая высота минарета 20,80 м. Верхняя часть минарета не сохранилась, но на карте 1831 г. «Дорога через Кавказ от Екатериноградской станицы до Тифлиса» (автор неизвестен) минарет изображен с острым коническим, очевидно, железным перекрытием, увенчанным исламским символом – полумесяцем. Однако на «Карте пограничной линии Российской империи между Каспийским и Азовским морями земель близ линий лежащей» 1782 г. [Кузнецов В.А. 2003. С. 125. Рис. 35,3], т.е. более ранней, такого перекрытия с полумесяцем нет. Вероятно, в промежутки между 1782–1831 гг. минарет был отремонтирован. К 70-м годам XIX в. наверху было утрачено, на что указывает хороший рисунок минарета на переплете одной из кавказоведческих книг того времени [Сборник сведений... 1872]. Данный старый рисунок наиболее точен.

Минарет состоит из двух частей: первая – прямоугольный в плане цоколь, ориентированный строго по странам света, с размерами СЮ – 3,55 м; ЗВ – 4,25 м и высотой в 2,35 м. Сложен цоколь из хорошо обожженного кирпича, чередующегося с каменными блоками на растворе. С восточной стороны цоколя имеет входной проем.

Вторая круглоствольная часть минарета – кирпичная, конической формы, двухчастная; она расположена в восточном конце цоколя, у самого его края (с запада цоколь выступает на 0,65 м за пределы ствола как бы в виде небольшого контрфорса, возможно, сооруженного для защиты от талых вод речки).

Ствол минарета расчленяет двойной сталактитовый пояс. Он имел как декоративное, так и конструктивное назначение, ибо поддерживал балкончик – шерефе, с которого муэдзин призывал правоверных к молитве. Завершение минарета не сохранилось, и мы не знаем, каким было его покрытие.

На верх минарета ведет расположенная внутри винтовая лестница. Ствол минарета сложен из обожженного квадратно-

го кирпича со сторонами от 21 до 25 см и толщиной 4–5 см на известковом растворе с шириной швов 2–3 см. Раствор хорошо сглажен и с внешней стороны не заходит на кирпич. Кирпичная кладка простая, с перевязкой швов. Толщина стен в нижней части минарета в два с половиной кирпича (0,7 м), в верхней – в полтора (0,4 м).

Внутри минарета сверху донизу проходит кирпичный вертикальный пятиугольный столб, вокруг него и вьется конструктивно с ним связанная винтовая лестница, кирпичные ступени которой высотой 0,3 м покрыты дубовыми досками. Их насчитывалось 67. Лестница начинается от входной площадки и заканчивается в высшей точке минарета. Несомненно, когда-то минарет и лестница были выше. Обследовавший минарет в 1771 г. академик Гильденштедт насчитал тогда в лестнице 72 ступени.

С лестницы имеется выход в виде дверного проема с полукруглым сводом (высотой 1,55 м и шириной 0,5 м), расположенный на высоте 15,45 м, ведущий на балкон. Ниже этого выхода по одной вертикали расположено одно над другим два световых окна – щели. Первое – на высоте 5,75 м, второе – на высоте 11,25 м. Размеры их одинаковы (0,8 м высота с внешней стороны, ширина 0,18 м). Внутри минарета над дверью на балкон, в стене, расположены девять маленьких прямоугольных ниш. Площадь их от 28 до 20 кв. см.

Ствол украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является сталактитовый, под выступами которого расположены правильно размещенные бирюзового цвета поливные «тарелки» 8 см в диаметре. Три кирпичами ниже помещается пояс таких же поливных тарелок, чередующихся с кирпичными ромбами. Еще ниже, так же, через небольшой интервал, пояс, рисунок которого подражает куфической надписи. Орнамент его сохранился неполностью, как видно, когда-то он был более сложным. Эту орнаментированную часть минарета замыкает пояс чередующихся ромбов и «тарелок», далее которого до самого низа идет гладкое поле красной кирпичной кладки, расчлененной белыми рядами раствора. Остатки еще одного орнаментального пояса имеются у самой верхней части минарета, геометрический рисунок которого выполнен кирпичиками (торцевой частью половинок). Наконец, отметим, что в 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере видел надпись на цоколе Татартупского

минарета [Лавров Л.В. 1966. С. 26]. Очевидно, это была строительная надпись, которая содержала информацию, способную ответить на основные спорные вопросы истории минарета. Теперь ее нет.

1.3. Большая мечеть

Татартупский минарет был построен в 2,50 м к западу от большой мечети, обнаруженной раскопками 1960 г. и дошедшей до нас в скрытых землях развалинах. Эта мечеть рядом с минаретом и входным проемом, обращенным к минарету, показана на карте 1782 г. (Карта пограничной линии. 1782). Минарет и кирпично-каменное здание мечети стояли на самом берегу речки, вытекавшей из ущелья, именуемого осетинами Далат Ком, и впадавшей в Терек. Речка, когда-то многоводная, теперь пересохла.

От мечети до наших дней сохранились фундамент, часть стен и остатки пола. Восточная часть здания почти на одну треть находилась под насыпью проезжей дороги и не могла быть исследована. По вскрытым раскопками О.В. Милорадович двум третям мечети можно определить прямоугольное в плане, несколько неправильной формы здание (северо-западный угол острый – 80°, юго-западный – тупой – 100°), ориентированное с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Северная и южная стороны мечети длинные, западная и восточная – короткие. Полностью исследованная западная стена определяет ширину мечети с внешней стороны, равную 11,4 м, с внутренней – 9,7 м. Стены, северная и южная в длину, раскопаны до 13,8 м. О действительной их длине можно судить на основании промеров, сделанных Гильденштедтом. Виденная им когда-то мечеть стояла уже в развалинах, но не была еще покрыта землей.

По Гильденштедту, мечеть имела в длину 28 шагов, в ширину 14, следовательно, северная и южная стороны ее в два раза были длиннее западной, т.е. равнялись 22,8 м с внешней стороны и 19,4 м с внутренней. Таким образом внутренняя площадь здания составляла 198 кв. м.

Мечеть выстроена на широком, но неглубоком фундаменте, сложенном из речных булыжников разных размеров, залитых известковым раствором. Ширина фундамента до 1,5 м, глубина

залегания – 0,4–0,5 м у южной и западной стен и до 0,75 м – у северной стены, обращенной к реке. Большие речные валуны лежат рядами, они забутованы мелким булыжником и кусками битого кирпича. Вдоль стен внутри здания, на верхнем уровне фундамента на расстоянии 2–3 м друг от друга находились большие плоские, округлой формы специально подобранные камни. На них и на выступающей части фундамента, выровненных густым слоем глинистого раствора с примесью гальки, лежала кирпичная кладка пола.

Цокольная часть стен, сложенная из булыжника и кирпича, во многих местах сохранившая внутри мечети штукатурку, имела ширину 0,8 м и среднюю высоту 0,4 м. Стены над цоколем сохранились очень неравномерно, но не более чем на 1 м. Они сложены из подтесанных камней, обожженного кирпича и блоков туфогенного песчаника на известковом растворе. Кирпич в мечети всюду жженный, квадратный, тех же размеров, что и в минарете, с вариациями сторон от 21 до 25 см и толщиной в 3–4 см. Только пол сложен из кирпича большего размера (40 x 40 см).

Стены уже цоколя, выступающего на 0,15 м внутрь здания. Наибольшую высоту их дает возможность определить упавшая целиком и неразвалившаяся часть южной стены здания, уцелевшая до 6 м в высоту. По ней можно составить представление о характере кладки стен почти до самого их верха. В кладке ряды подтесанного булыжника и блоки туфогенного песчаника прослаиваются рядами кирпича. В верхней части стен кирпич лежал плашмя, в нижней – поставлен на торец. Иногда кирпич лежит как бы стопками, образуя между камней вертикальные кирпичные прослойки. Среди целых кирпичей в кладках стен имеются и их обломки, а также обломки кровельной черепицы. Раствор употреблен очень обильно: в его серо-белую массу включен мелкий галечник.

В южной стене мечети михрабная ниша, выраженная и в фундаменте. Она расположена не посередине стены, а ближе к ее западному концу, в 7,5 м от северо-западного угла здания. Ниша имеет прямоугольные очертания и выступает за внешние пределы стены на 0,7 м в западном конце и на 0,5 м – в восточном. Внешняя длина ее 3,33 м, внутренние размеры 1,35 x 1 м. Ширина внешней стенки, сложенной из валунов, – 0,4 м; сохранившаяся высота 0,85 м. Две боковые стены (западная и восточная) – кирпичные; кладка их уцелела плохо.

Во время раскопок при расчистке михраба найдено много обломков облицовочных кирпичей с бирюзовой поливой. Два из них обнаружены на полу *in situ*. Очевидно, пол михраба, а возможно, и его стены были украшены бирюзовой поливой. Снаружи михраб был отштукатурен. К кирпичной кладке его боковых стен шириной до 1 м с обеих сторон примыкает по большому подтесанному камню размером 0,75 x 0,35 м.

Это самые большие из камней в кладке южной стены мечети. В этой стене с внутренней ее стороны над цоколем имеется неглубокая продольная ниша глубиной 0,15 м и длиной 5,5 м, расположенная на участке от михраба до юго-западного угла здания.

В западной стене мечеть имеет выход в виде дверного проема, расположенного в 2,5 м от входа в Татартупский минарет, для сообщения с которым он и служит. Вход в минарет и западный выход из мечети имеют разные уровни: вход в минарет выше на 1 м. Этот дверной проем мечети хорошо сохранился; он имеет ширину 1,4 м и расположен в 2,9 м от северо-западного угла мечети, почти напротив входа в минарет. Дверной порог на уровне цоколя выложен мелким булыжником и имеет кирпичную ступень, спускающуюся внутрь мечети. Длина ступени – 1,85 м, ширина в один кирпич – 0,23 м, высота в два кирпича, лежащих плашмя на фундаменте. Не удалось выяснить, как сообщались эти два входа, так как нет никаких следов лестницы.

В западной стене мечети с каждой стороны от дверного проема находятся в стене над цоколем неглубокие (0,15 м) ниши, подобные нишам южной стены. Дверь в западной стене мечети нельзя считать основным входом в нее; главный вход был расположен, очевидно, в северной ее стене. Напротив михраба в 9 м от северо-западного угла мечети сохранился небольшой наружный выступ. Возможно, это остатки портала здания. Выступ имел размеры 0,7 x 0,25 м и был сложен из кирпичей.

Северная стена уцелела хуже других, за исключением ее участка длиной 2,2 м у северо-западного угла здания. Тут цоколь состоит из ряда булыжников, положенных на фундамент, и трех рядов кирпича, лежащих плашмя на растворе; в нижний из них входят четыре обломка кровельной черепицы небольших размеров.

Сохранились остатки кирпичного пола мечети. Большие кирпичи размером 40 x 40 x 5,5 см лежали правильными рядами на толстом слое известкового раствора с примесью крупного

галечника. Кирпичи сохранились неполностью, а те, что уцелели, раздавлены и потрескались. На полу сохранилось 75 кирпичей. На некоторых из них остались участки поливы бирюзового цвета, которая покрывала как верхнюю поверхность, так и боковую, торцовую. Полива обнаружена в нескольких пунктах пола, и поэтому можно предположить, что он либо весь был цветным, либо, что вернее, поливными кирпичами были выложены отдельные его участки.

В центральной части мечети между большими кирпичами пола шла полоса шириной 0,5 м из мелких кирпичей, обычных для кладки стен мечети (24 x 24 x 5 см). Продолжением ее служила полоса вымостки из мелкого (до 0,25 м) булыжника, лежавшего на том же уровне, что и вся кладка пола. Такая же вымостка из камня имела с северной стороны. Крупные кирпичи (40 x 40 см) располагались как бы тремя полосами, разделенными булыжными дорожками; сохранность пола настолько плоха, что нельзя четко определить характер его кладки.

От покрытия мечети не осталось ничего, кроме обломков черепицы, среди которых нет настолько выразительных, чтобы судить о ее величине и форме. Можно все же сказать, что черепица была плоской, красного (кирпичного) цвета и имела невысокие прямые бортики. Крупная черепица другого типа найдена над двумя погребениями, обнаруженными под полом мечети. Эта черепица совершенно одинаковая с той, которая известна на городище по раскопкам джунатской церкви, явно не имела никакого отношения к зданию мечети и была принесена откуда-то специально для покрытия могилы.

Каким было перекрытие мечети, осталось невыясненным; большое продолговатое зального типа помещение не имеет никаких внутренних устоев. Очевидно, не может быть и речи о купольном перекрытии. Вероятно, крыша была плоской, как это мы знаем по другим памятникам мусульманского Востока, или двускатной. Но и в этом случае здание нуждалось в опорах, без которых нельзя было бы покрыть пролет шириной в 10 м. Этими опорами могли служить деревянные столбы, от которых не осталось никаких следов. Такие деревянные столбы известны в мечетях до XIX в. [Любимова Т.Н. 1961].

Суммируя все данные полевого исследования, можно сказать, что мечеть была крупным, почти прямоугольным кирпичным зданием, длинной осью ориентированным с запада

на восток с небольшим отклонением к северу. Стены мечети в высоту имели не менее 6 м. Мечеть внутри была оштукатурена, быть может, расписана (в строительном мусоре найдены фрагменты штукатурки со следами красной краски) и украшена облицовкой из глазурованного кирпича бирюзового цвета. Мечеть имела два входа – один главный, несохранившийся, и второй – в западной стене, очевидно, для сообщения с минаретом. В южной стене мечети – михраб. Можно добавить еще одну деталь, отмеченную Гильденштедтом, – стены имели продолговатые щели, которые, по его мнению, служили для доступа воздуха (четыре щели в северной стене и две – в западной).

Характерны для мечети некоторая асимметрия и небрежность в строительной технике. Однако обращает на себя внимание исключительная прочность кладки. Так, например, часть южной стены высотой в 6 м, стоявшая как бы в виде останца, когда мечеть была уже в развалинах, рухнула целиком, очевидно, подмытая водами разлившейся речки во время ее половодья. При этом стена не развалилась, а легла целиком, полностью сохранив ряды кладки из песчаника и булыжника, разделенные прослойками кирпича на растворе.

О том, что стена была подмыта водой, говорят речные отложения в виде илистого слоя высотой 0,5 м, обнаруженные на поверхности всего пола мечети. Слой этот образовался в период, когда мечеть еще не была разрушена – и в самом илистом слое, так же, как и под ним, нет еще строительного мусора. Среди ила и гравия в небольшом количестве находились черепки глиняной посуды, по-видимому, занесенные сюда водой.

Над этим слоем лежал другой, толщиной 0,4–0,5 м. Это слой плотно слежавшегося строительного мусора, в состав его входят булыжник в основном небольших размеров (крупный, очевидно, выбран местным населением для нужд строительства), кирпичи, среди них в небольшом количестве глазурованные бирюзового цвета, обломки кровельной черепицы, много известкового раствора и несколько обломков глиняных сосудов. При расчистке здания вещей найдено очень мало; нет ничего, что имело бы непосредственное отношение к мечети, кроме строительных материалов и обломков керамики.

Некоторые религиозные обряды, связанные с исламством, требовали в определенные моменты употребления глиняной посуды, например, во время омовения покойника, после чего

посуда передавалась в мечеть, и т.д. К сожалению, в Татартупской мечети не найдено целых сосудов, а в их обломках не представляется возможным выделить относившиеся непосредственно к мечети. Среди этих фрагментов три, принадлежат поливным сосудам. Это первые находки поливной посуды среди огромного количества керамики, добытой за три года работы СКАЭ на городище (кроме еще одного обломка из IV раскопа 1959 г.).

Неполивная керамика мечети обычна для городища, она такая же, как и в культурном слое во всех других раскопах. Один из поливных фрагментов относится к красноглиняной чаше с двусторонней зеленой поливой; он обнаружен близ михраба, два других, найденные в центральной части мечети, также красноглиняные с поливой бирюзового цвета.

Химический анализ полив* этих фрагментов, а также двух архитектурных образцов дал возможность разбить их по составу поливы на две группы. К первой из них со свинцовой поливой относится обломок зеленой чаши, в составе стекла прослеживается заметная примесь окиси магния, так что точнее она должна быть названа свинцово-известковой глазурью. В стекле, кроме того, отмечено повышенное содержание окиси алюминия и окиси титана. По этому же рецепту изготовлена полива на обломке сосуда IV раскопа. Глазурь такого же состава известна на керамике городища Маджары, подобные поливы зарегистрированы в Любече. Однако накопленных данных еще недостаточно для каких-либо сопоставлений.

Ко второй группе с бессвинцовой поливой из натриево-магниево-кальцево-кремнеземного стекла относятся остальные образцы керамики: два обломка сосудов с поливой бирюзового цвета и два архитектурных фрагмента. Один – обломок кирпича пола Татартупской мечети, второй – часть орнаментальной тарелочки из минарета – оба они с поливой того же бирюзового цвета.

Хотя рецепт всех образцов второй группы в основном одинаков, все-таки есть некоторые различия: глазурь обломков бирюзовых сосудов содержит повышенное количество окисей алюминия и титана. Присутствие этих же элементов составляет специфику поливы первой группы. Полива на архитектурных образцах имеет пониженное содержание окисей алюминия и титана.

* Химические анализы полив произведены в лаборатории МГУ Ю.Л. Шаповой, ею также сообщены все данные, связанные с результатами этих анализов.

Полива состава архитектурных образцов встречается на керамике городища Маджары, Царевском, на среднеазиатской керамике, найденной в Новгороде, на изразцах среднеазиатских мечетей Гур-Эмир и Биби-Ханым. От всех среднеазиатских образцов поливы Верхнего Джулата отличаются тем, что они нанесены на красноглиняный черепок. Сходная же по составу полива в Средней Азии наносится, как правило, на кашинную керамику.

Аналогии джулатской поливе, как мы видели, нередки, но тем не менее нет еще достаточных оснований для решения вопроса происхождения ее рецептов.

Кроме керамики, внутри здания мечети найдено несколько железных гвоздей, два ножа, три железных наконечника черешковых стрел, обломки турецких глиняных курительных трубок и куски бутылочного стекла. Среди находок нет ничего, что могло бы указывать на дату постройки здания.

Под куполом мечети обнаружены два погребения. Оба покрыты обломками крупной кровельной черепицы*. Над погребением около западной стены (погребение 9) насчитывалось до 40 таких обломков. Это погребение хорошей сохранности. Скелет взрослого мужчины длиной 1,75 м лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, а лицом и всей верхней частью туловища было повернуто к югу; ноги вытянуты, правая рука протянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала поперек живота. В ногах погребенного много угля; вещей нет. Над черепом – большой булыжник. Над завалом черепицы также много угля.

Второе погребение с черепицей (погребение 7) находилось под полом мечети у северной стены. В узкой щели шириной 0,7 м у самого фундамента лежал череп взрослого человека лицом вниз и некоторые другие его кости в обломках – бедренные, тазовые, ключица, среди которых попадались угольки. Кости обложены камнями и покрыты кусками крупной черепицы, как и в предыдущем погребении. Вещей нет.

Несколько погребений вскрыто близ стен, снаружи мечети.

Мечеть окружало кладбище, но полное отсутствие вещей не дает возможности определить его дату.

Погребение 1 обнаружено в 10 м от минарета к югу, в траншее, заложенной для исследования площади, окружавшей Татартуп-

* Эта черепица совершенно тождественна черепице, найденной в джулатской церкви и, по-видимому, никакого отношения к мечети не имеет.

ский минарет. Южнее его сохранился развал булыжника, очевидно, оставшегося от булыжной вымостки площади вокруг мечети. После снятия булыжника на глубине 1–1,3 м от современной поверхности под завалом строительного мусора – битого кирпича и черепицы, а также обломков красной средневековой керамики – была вскрыта могильная яма, границы которой полностью определить не удалось, но глинистый выброс из которой ясно был виден в профиле раскопа. Скелет подростка длиной 1,2 м лежал на спине с руками, скрещенными на тазе, головой на запад. У коленной чашечки левой ноги найден кусок рога оленя. Никаких вещей нет. Вокруг скелета прослежены следы стенок деревянного гроба.

Погребение 2 обнаружено на расстоянии 1,6 м к северу от погребения:

1. На глубине 1,35 м от поверхности расчищен скелет взрослого человека длиной 1,9 м. Он лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, лицо было повернуто к югу, руки лежали на тазовых костях. На груди – обломок железного кольца. Близ костяка – обломок рога (длина 20 см). Над костяком скопление кусков истлевшего дерева, очевидно, от крышки гроба; рядом со скелетом, на одном с ним уровне, близ черепа и в других местах прослежены остатки дерева от стенок гроба.

Погребение 3 находилось в 1,95 м к югу от погребения 1. Над погребением зафиксирована небольшая каменная выкладка из нескольких булыжников. Скелет взрослого человека длиной 1,52 м лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, лицо было повернуто к югу. Ноги вытянуты, руки на тазовых костях. Вещей нет. Под костяком несколько угольков и следы деревянного гроба.

Погребение 4 вскрыто близ мечети в 0,9 м от ее южной стены на глубине 1,2 м от поверхности. Скелет взрослого человека, сильно потревоженный, но с хорошо сохранившимся черепом, ориентирован головой на запад. Положение рук и ног неопределимо. На груди большой камень, с правой стороны следы гроба в виде полосы длиной около 1 м и шириной 3–4 см. В области головы большое скопление углей. Вещей нет.

Погребение 5 было обнаружено на расстоянии 1,2 м от южной стены мечети (за ее пределами). На глубине 1,35 м найден скелет взрослого человека длиной 1,7 м, лежавшего на спине с вытяну-

тыми ногами, головой на запад. Левая рука – вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте и кистью лежала на краю таза. Вещей нет. Справа и слева от костяка – следы дерева от гроба.

Погребение 6 находилось всего в 0,4 м от северной стены (вне мечети) и параллельно ей. Глубина могилы 1,1 м от поверхности. В слое речного галечника расчищен скелет ребенка лет пяти-шести длиной около 1 м, лежавшего головой на запад. Кости очень плохой сохранности. Вещей нет.

Погребение 8* вскрыто за южной стеной мечети в 0,25 м от нее, на глубине 1,4 м от поверхности. Скелет ребенка длиной 0,48 м лежал головой на запад в маленьком гробике из кирпичей, покрытом сверху двумя кирпичами размером 23 x 23 x 4 см и 24 x 22,5 x 4,5 см.

Во всех погребениях можно найти следы мусульманской обрядности: вещей нет, большинство погребенных ориентировано головой на запад, лицо обращено к югу, к почитаемой мусульманами Мекке. Находки кусочков рога в двух погребениях (2 и 3) и следы деревянных гробов, возможно, связываются с погребальным обрядом средневековых кабардинцев [Милорадович О.В. 1954. С. 349].

В 1984г. при земляных работах близ Татартупского минарета рабочие обнаружили и разрушили около 20 древних могил в грунте, а также два могильных сооружения из кирпичей и камней. Доследование проводил сотрудник музея СОГУ Р.Ф. Фидаров, установивший, что эти захоронения относятся к мусульманскому кладбищу, расположенному вокруг Большой мечети, исследованной О.В. Милорадович в 1960 г. Тогда ею были вскрыты 9 могил с погребениями по мусульманскому обряду [Милорадович О.В. 1963. С. 66]. Нумерация объектов, фиксированных Фидаровым, продолжает нумерацию Милорадович. Информация об этом материале и помещаемые здесь чертежи были любезно представлены Р.Ф. Фидаровым В.А. Кузнецову. Погребение 10 рабочими было разрушено, но по их словам, костяк лежал вытянутым на спине, головой на запад и без вещей. Погребальное сооружение представляет грунтовую гробницу, у которой длинные (северная и южная) стены сложены из квадратного кирпича на глиняном растворе, восточная торцевая стенка состояла из речного булыжника. Западная стенка была снесена бульдозером. Перекрытие

* О погребениях 7 и 9 сказано ранее.

составляли три каменные плиты и половина разбитого каменного жернова. Пол грунтовый, со следами угольной подстилки. Длина гробницы – 1,97 м ширина по основанию 0,93 м, высота – 0,60–0,63 м, размеры кирпича 24 x 24 x 4 см, 24,5 x 4 см.

В погребении 11 стёны аналогичной гробницы были снесены бульдозером, сохранился нижний ряд кладки из плит туфогенного песчаника. Длина гробницы 2,55 м, камеры 1,90 м, ширина до 0,45 м. Костяк был положен вытянутым головой на запад, лицом к югу. Находок не было. По мнению Р.Ф. Фидарова, с которым мы согласны, применение жернова и угольной подстилки указывает на местный погребальный обряд (аналогии в Змейском катакомбном могильнике).

Если учесть мусульманские погребения XIII–XIV вв. в аланских катакомбах Змейского катакомбного могильника (3 км), исследованных Р.Ф. Фидаровым (об этом см. ниже), складывается впечатляющая картина начавшейся с середины XIII в. исламизации алан, остававшихся на предгорной равнине после нашествия татаро-монголов и подчинившихся их власти. Картина вполне убедительная, ибо наблюдения Р.Ф. Фидарова над археологическими артефактами находят подтверждения у антропологов. Так, В.П. Алексеев, изучавший серию черепов из мусульманского некрополя Верхнего Джулата, отметил отчетливо выраженные особенности европеоидной расы при отсутствии следов монголоидной примеси. Это дало право считать население местным [Герасимов М.М., Рудь Н.М., Яблонский А.Т. 1987. С. 217].

1.4. Исламизация Северного Кавказа в эпоху Золотой Орды и Верхний Джулат

Начало строительства каменных зданий связано, очевидно, с расцветом городища Верхний Джулат. Мы пока не знаем точных причин и времени гибели города, его здания разрушались медленно. До наших дней уцелел лишь один Татартупский минарет. К концу XVIII в. развалины его мечети видел Гильденштедт.

В.И. Долбежев, посетивший это место, писал только о Татартупском минарете; он уже не мог найти следов храма [Dolbescheff. 1884. С. 138].

Всего на городище Верхний Джулат зафиксировано несколько памятников мусульманской культовой архитектуры: две ме-

чети, три минарета [*Klaproth J.* 1823. С. 175] и мавзолей. В 6 км вверх по Тереку стоял еще один минарет, подобный Татартупскому, а также мавзолей. Среди этих памятников мы вправе считать большую Татартупскую мечеть соборной. Она и ее минарет расположены в центре застроенной части городища. В средневековых городах соборные мечети стояли в самых оживленных районах, нередко на многолюдных рыночных площадях [*Пугаченкова Г.А.* 1938. С. 167].

Малая мечеть в таком случае могла быть мечетью квартальной. К сожалению, обе исследованные мечети и минарет, не имея никаких надписей, может быть, и существовавших на них когда-то, как это часто бывало на других памятниках мусульманского мира, не сохранили имен своих зодчих и данных о времени сооружения. Определению дат их постройки может помочь установление времени проникновения в данный район ислама. Мусульманская религия, связанная с арабами и распространявшаяся очень медленно даже в завоеванном ими Дагестане, не проникла на Западный Кавказ [*Шихсаидов А.Р.* 1957].

Северный Кавказ уже в XIII в. вошел в состав Золотой Орды. Местное население в горах долго сопротивлялось и, как указывают путешественники XIII в., вело ожесточенную продолжительную борьбу с татаро-монголами. Но жители равнинных районов, в том числе, очевидно, и городища Верхний Джулат, были вскоре покорены [*Карпини П.* 1911. С. 190].

Золотоордынский период Северного Кавказа изучен очень слабо. Нет специальных обобщающих работ, посвященных этому вопросу. Советские исследователи, занимавшиеся проблемами средневековой истории Северного Кавказа, уделяли татаро-монгольскому завоеванию не много места. Достоверно локализован только город Маджары на Куме – крупный населенный пункт Северного Кавказа в золотоордынское время, торговый, ремесленный и административный центр, имевший право на чеканку своей монеты.

Очень заманчивым является отождествление городища Верхний Джулат (Татартуп) с яским городом Деяковым [*Пчелина Е.Г.* 1963. С. 152–161], являющееся пока спорным, но уже имеющим последователей и получившим некоторое подтверждение раскопочными работами СКАЭ в 1958–60 гг. Если это предположение оправдается окончательно, – уточнятся многие све-

дения русских летописей и восточных письменных источников, относящиеся к пребыванию в этих районах татаро-монголов: разрушительные набеги татарского хана Менги-Тимура (1271 г.), убийство в лагере Узбек-ханом тверского князя Михаила (1319 г.), походы Тамерлана и его битва с Тохтамышем (1395 г.) – наиболее значительные из них. Во всяком случае городище Верхний Джулат (Татартуп) не находилось в стороне от названных событий. Об этом говорят данные топонимики и фольклора северокавказских народов. Так, например, второе, более позднее наименование городища Татартуп в литературе связывается с татарами и объясняется как подошва татар, или татарская ставка [Семенов. 1895. С. 450], татарский стан [Караулов М.А. 1912. С. 246], татарский холм [Вейденбаум О. 1888. С. 224]. Шора Ногмов на основании кабардинских преданий делал вывод о том, что Джулат стал называться Татартупом с тех пор, как тут поселился с татарами их хан Кадже-Берды [Ногмов Ш. 1947. С. 73]. Народные предания сохранили имена и других ханов Золотой Орды, связанные с этим пунктом, например, хана Жанибека (Там же) и, что особенно важно, Берке-хана. В ногойской песне поется: «Я видел обладателя золотого лука, который властвовал над Татартупом и Джулатом и назывался султан Берке-хан и Ал-тун-Берды-Бек» [Семенов Н.С. 1895. С. 424].

Г. Кокиев убедительно доказал, что султан Берке-хан и Алтун-Берды-Бек не кто иной, как хан Золотой Орды Берке (1258–1266) (Кокиев Г. 1929). Упоминание имени Берке-хана важно для нас потому, что с ним связано начало исламизации золотоордынского общества. Берке-хан первым из ханов Золотой Орды принял мусульманство [Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. С. 80]. Письменные источники рассказывают об этом событии. Ибн-Халдун, арабский историк XIV в., пишет, что Шейх (Эальбахер-зи, от которого Берке принял новую религию) «обязал его открыто проповедовать его (ислам). Он (Берке) распространял его между всем народом своим, стал строить мечети и училища во всех своих владениях...» [Тизенгаузен В.Г. 1884. С. 379]. А.Ю. Якубовский считал, что хотя хан Берке еще не проводил политики полной исламизации, но кое-какие шаги уже предпринимал в этой области, будучи сам мусульманином, а также, возможно, в угоду Египту, который настаивал на скорейшей исламизации Золотой Орды [Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. С. 78–79].

Так или иначе, мусульманство начинается с этого времени, хотя и медленно, просачиваясь в разные уголки золотоордынской территории. Большую роль в распространении ислама сыграли мусульманские купцы [Там же. С. 27]. Все это говорит за то, что на Северный Кавказ в XIII в. могло начаться активное проникновение мусульманской религии. Количество памятников, связанных с мусульманством, увеличивается в XIV в. Арабский путешественник ибн-Батута, посетивший Северный Кавказ в 1333 г., рассказывает о соборной мечети в ставке султана, именуемой Биш-Даг (Пятигорье). Соборную молитву он совершал также в гор. Маджары, что указывает на то, что и там была соборная мечеть [Тизенгаузен В.Г. 1884. С. 287. 301]. Маджары к этому времени уже стали значительным центром мусульман Северного Кавказа.

Султан, которому, по словам ибн-Батуты, принадлежала ставка Биш-Даг (ныне Пятигорск), не кто иной, как Узбек-хан, имя которого хорошо известно на Северном Кавказе. Оно связано и с городищем Верхний Джулат, где Узбек-хан «исправил галу (город) Татартуп» [Гребенец Ф.С. 1915. С. 3]. Узбек-хан ревностно и решительно насаждал мусульманство, которое в его правление стало официальной религией Золотой Орды. Он извещал египетского султана, что в его государстве осталось уже очень мало неверных [Тизенгаузен В.Г. 1884. С. 163]. При Узбек-хане развернулось огромное строительство, в его столице Сарай-берке было множество мечетей и других зданий. Кроме Поволжья, хан Узбек и его наместники строили мечети и в других районах своих владений: в Солхате, в Крыму, в Ургенче и т.д. Время хана Узбека вполне могло быть и временем строительства мусульманских памятников на городище Верхний Джулат. К этому же времени, очевидно, относится и постройка мечети и минарета на городище Нижний Джулат.

Памятники Нижнего Джулата впервые были обследованы СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова в 1947 г. Как говорится в его отчетной статье, общая площадь городища до 10 га. Найдено много квадратных кирпичей, неполированная и полированная керамика, труба водопровода, кости животных, фрагмент известковой плитки с арабской надписью, наконец, — «руины кирпичной башни для оборонно-дозорных функций», позже переделанной в минарет [Крупнов Е.И. 1948. С. 329]. Эти остатки минарета были раскопаны, открыт кирпичный цоколь.

Таким образом, мы видим на Центральном Кавказе уже целый комплекс памятников мусульманской монументальной архитектуры. Все они создавались из кирпича, как известно уже о некоторых из них, в сочетании с речным булыжником. Кирпич во всех этих памятниках по своим размерам одинаков.

В Маджарах, где известно очень много развалин, кирпичи имеют следующие размеры (*Городцов В.А.* 1911. С. 162–200]: 22,2 x 22,2 x 4; 21,65 x 21,65 x 4,4; 22,25 x 22,25 x 4,45; 23,85 x 23,85 x 4,43; 23,85 x 23,85 x 4,4; 24,4 x 24,4 x 5,5 (в см).

Стороны кирпича на городище Верхний Джулат составляют от 21 до 25 см при толщине в 4–5 см; на городище Нижний Джулат – 23 см (с небольшими отклонениями) при толщине – 5–6 см.

Не считая размеры кирпича вполне датирующим признаком, можно все же отметить, что такая стандартность кирпича является чертой определенных традиций в строительной технике, объединяющей все данные памятники. Небольшие отклонения в 1–2 см объясняются, очевидно, нестандартностью формовочных рамок у мастеров разных артелей, изготовлявших кирпич [*Рыбаков Б.А.* 1948. С. 258].

Следует остановиться на одном предмете, являющемся непременно элементом почти всех рассматриваемых нами мусульманских памятников, – на глазурованной керамике, служившей украшением зданий. В Татартупской мечети эти поливные кирпичи бирюзового цвета украшали михраб и пол мечети. На Татартупском минарете глазурованные тарелки бирюзового цвета составляли его орнаментальный пояс. Поливные изразцы этого же цвета найдены и в подъемном материале с городища Нижний Джулат. В развалинах гор. Маджар на Куме их огромное количество [*Минаева Т.М.* 1953. С. 150; *Ртвеладзе Э.В.* 1975. С. 19]; но кроме бирюзовых, тут имеются поливы и других расцветок. Поливная керамика широко распространена в архитектурных памятниках всего мусульманского мира [*Орбели И.А.* 1923. С. 5, 8]. Очень типична она и для всех золотоордынских зданий.

Татартупский минарет конструктивно очень близок многим кирпичным круглостовольным минаретам, поставленным на кубическое основание. Более ранние из них (X–XI вв.) были массивными, почти не суживающимися кверху цилиндрами, с тяжелым силуэтом, как, например, минарет в Термезе 1032 г. (*Денике Б.П.* 1939. С. 20) или минарет Сынык-калэ 1078–1079 гг. в Азербайджане [*Щеблыкин И.П.* 1943. С. 9]. Со временем (XIV–XV вв.) минаре-

ты приобретают стройность и легкость, которая и наблюдается в Татартупском минарете, тем самым связывая его с памятниками более позднего времени. Сталактиты, использованные в оформлении Татартупского минарета, начиная с XII в., когда они появились впервые в Египте, являются специфической принадлежностью всего мусульманского искусства [Гартман К.О. 1936. С. 148]. Так же широко используются в этом искусстве, особенно в орнаментации минаретов, пояса с надписями, исполненными почерком куфи, или стилизованные подражания им. Известно также много минаретов, в украшение которых введены элементы цветной поливы. Можно указать как одну из аналогий минарет из Куня-Ургенча в Хорезме XIV в. [Денике Б.П. 1939. С. 27]. Очень своеобразным является введение в орнаментику Татартупского минарета поливных тарелок. Этот мотив находит аналогию в памятниках Дунайской Болгарии, где для отделки зданий в XIV в. (Месемврийские памятники) применялись поливные чашечки диаметром 6–8 см [Цапенко М.И. 1952. С. 155].

Зодчие, строители, каменщики, как и другие ремесленники того времени, подвергались особо далеким передвижениям. Татаро-монголы уводили в плен лучших специалистов у завоеванных ими стран и народов. В столицах Золотой Орды работали мастера из Крыма, Средней Азии, Сирии, Египта, Византии и феодальной Руси. Далеко за пределами своей родины строили зодчие Азербайджана и Армении. Поэтому пока трудно определить, из какой культурной области Средневековья могли быть строители мусульманских зданий на городище Верхний Джулат.

Несомненно, более глубокий архитектурный анализ специалистов в дальнейшем, а также будущие раскопки на городище Верхний Джулат дадут новые сведения и окончательно уточнят датировку его памятников. Пока можно отнести постройку малой мечети, Татартупского минарета и большой мечети к XIV в., ко времени владычества хана Узбека, когда наступил расцвет строительной деятельности во всем золотоордынском государстве.

Основные выводы и общая картина исламизации Северного Кавказа в рассматриваемое время, сделанные в работе О.В. Милорадович, принципиальных возражений не вызывают и принимаются нами. Напомним их. Согласно Милорадович, «на Северный Кавказ в XIII в. (в конце его) могло начаться проникновение мусульманской религии». Путешествовавший по Кавказу в 1793–1794 гг. П.С. Паллас издал рисунок уникального камня с

куфическими буквами XI–XII вв. из с. Маслов Кут на Ставрополье [Лавров Л.И. 1966. С. 23]. Количество памятников, связанных с мусульманством, увеличивается в XIV в. [Милорадович О.В. 1963. С. 84]. Далее приводится известное свидетельство Ибн-Батуты, в 1333 г. посетившего ставку хана Узбека в местности Бишдаг, т.е. Бештау, близ современного Пятигорска. Здесь он побывал в соборной (следовательно, большой, но следов ее пока не найдено) мечети. [Тизенгаузен В.Г. 1884. С. 287]. Ибн-Батута приводит также важные и не комментированные нами данные о том, что в столице Золотой Орды, гор. Сарай на Нижней Волге, живут шесть разных народов и среди них «аланы (al-As), которые мусульмане» [Алемань А. 2003. С. 340]. Свидетельство Ибн-Батуты об аланах-мусульманах говорит в пользу высказывания О.В. Милорадович о проникновении мусульманской религии к аланам уже к концу XIII в. А. Алемань считает, что «аланы, похоже, единственный, полностью мусульманский народ в ал-Сара (Sarai). Принимая во внимание, что хан Узбек был одним из главных защитников и распространителей исламской веры в Орде, это могло указывать на близость к власти (или даже выдающееся положение) аланов» [Там же]. Согласно весьма вероятному предположению А. Алеманя, аланское население Сарая представляло военный контингент на службе у монгольских ханов. Военное наемничество северокавказских алан – факт, хорошо известный.

Данное свидетельство Ибн-Батуты, убедительно трактованное А. Алеманем, относится к группе аланских воинов, живших с семьями в Поволжье, в ордынской столице Сарая. Можно сказать, что это особый случай принятия аланами новой религии «на стороне» и вне Алании, что ее территория до событий XIII в. оставалась вне исламского влияния и подвергалась только христианскому влиянию со стороны Византии, Абхазии и Грузии. Но это не так, и проблема проникновения мусульманства в глубь Алании задолго до татаро-монгольского нашествия XIII в. обозначилась весьма серьезно.

Ссылаясь на труд Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского О.В. Милорадович писала, что большую роль в распространении ислама сыграли мусульманские купцы [Милорадович О.В. 1963. С. 84]. Следует полагать, что многовековое функционирование так наз. Великого шелкового пути из Константинополя в Китай через Среднюю Азию и Согд вовлекло в поставки не только китайско-

го, но и согдийского шелка «занданечи» местных среднеазиатских купцов. Согдийский шелк в материале из известного скального могильника VIII–X вв. Мощевая балка в долине р. Большая Лаба решительно преобладает: это самая многочисленная и разнообразная группа шелковых тканей, в три раза превышающая «общее количество всех прежде известных в мире подобных находок» [Иерусалимская А.А. 1992. С. 13]. Ясно, что согдийский шелк на Запад везли не китайские и тем более не византийские купцы. Это, конечно, были среднеазиатские купцы, а они были мусульмане со «стажем». Трасса ВШП пролегла к черноморским портам Абхазии через Западную Аланию [Кузнецов В.А. 1993. С. 16–67]. Следовательно, мусульманские купцы со своим товаром должны были постоянно посещать Западную Аланию.

Прямым свидетельством сказанного являются не только находки согдийских тканей. В ходе наших раскопок Нижне-Архызского городища в начале 1960-х годов были найдены три обломка плит с арабскими куфическими надписями. Две из них находились в кладке стен церкви № 2, третья обнаружена случайно около бетонного моста через р. Большой Зеленчук [Кузнецов В.А. 1993. С. 95. Рис. 64; Романова Г.Б. 2009. С. 383–386]. Одна из плит имела точную дату «ал-аввал четыреста тридцать шестого года», т.е. 26.09–25.10.1044 г. [Лавров Л.И. 1966. С. 60]. По мнению Л.И. Лаврова, другая надпись: «Во имя Бога милостивого, милосердного. Нет божества кроме Бога, Мухаммед – посланник Бога» – также датируется по почерку XI–XII вв. и скорее всего она строительная. Она может свидетельствовать о наличии в Нижнем Архызе мусульманской постройки (мечети?) и захоронений. Оценивая эти факты, Л.И. Лавров в частном письме В.А. Кузнецову писал: «До сих пор арабских надписей XI века на камнях на Северном Кавказе за пределами Южного Дагестана никто не находил»*.

Найденные эпиграфические памятники документально говорят о присутствии на Нижнем Архызском городище в середине XI в. мусульманского населения. Скорее всего это могли быть среднеазиатские торговцы шелком, имевшие в Нижнем Архызе удобный рынок сбыта. Так могло состояться первое (или одно из первых) знакомств кавказских алан с мусульманским вероучением.

По-видимому, знакомство было завершено межконфессиональным столкновением, при этом разбитые мусульманские

* Письмо Л.И. Лаврова В.И. Кузнецову от 30.08.1961 г.

надгробья (что само по себе было кощунственным) демонстративно оказались вложенными в кладку строившейся христианской церкви.

Таким образом, мы вносим существенные коррективы в представления О.В. Милорадович о начальном этапе исламизации Северного Кавказа. Совершенно очевидно, что данный процесс начался задолго до Золотой Орды, хотя на том этапе он мог иметь спорадический характер. Начальный этап скорее всего был связан с арабским влиянием: напомним, что само название Джулат имеет, по Л.И. Лаврову, арабскую этимологию [«зулат» – навес, беседка, сарай; *Лавров Л.И.* 1980. С. 212]. Утверждение О.В. Милорадович о насаждении ислама среди алан, адыгов турецкими ханами в XV–XVII вв. [*Милорадович О.В.* 1963. С. 83] представляется ошибочным.

Период активного мусульманского строительства на Верхнем Джулате О.В. Милорадович связывает с деятельностью хана Узбека, как уже говорилось выше, сделавшего ислам государственной религией Золотой Орды. Согласно О.В. Милорадович, именно при Узбеке строились мусульманские памятники и Верхнего Джулата, и Нижнего [*Там же.* С. 85]. При хронологическом сближении Верхнего и Нижнего Джулатов аргументом для О.В. Милорадович являлся стандартный и квадратный, характерный для золотоордынского строительства кирпич, однако с несовпадающими размерами 21 x 25–х 4–5 см на Верхнем Джулате, 23 x 5 x 6 см на Нижнем Джулате [*Там же.*]. Эту разницу в размерах исследовательница, ссылаясь на Б.А. Рыбакова, объясняет нестандартностью формовочных рамок мастеров-кирпичников. Возможно, что это так. Но остается вопрос: не объясняется ли разница в размерах кирпича разницей во времени? В таком случае Верхний Джулат может оказаться объектом более ранним, отстроенным действительно при Узбеке в первой половине XIV в. В таком случае большая часть мусульманского строительства на Верхнем Джулате должна датироваться первой половиной XIV в. Далее мы придерживаемся этой даты. Четких данных о строительстве в XIII в. на Верхнем Джулате нет.

В своей публикации О.В. Милорадович фактически не решила вопрос о происхождении единственного уцелевшего здания Верхнего Джулата – Татартупского минарета – и заключила, что «пока трудно определить, из какой культурной области Средне-

вековья могли быть строители мусульманских зданий на городище Верхний Джулат» [Там же. С. 86]. Этот непроработанный (хотя и важный) О.В. Милорадович вопрос нуждается в комментариях, к которым переходим. Они уже были изложены в статье 2002 г. [Кузнецов В.А. 2002. С. 135–142]. Не претендуя на окончательность суждений и выводов, мы попытаемся восполнить данный пробел и осмыслить историю сооружения Татартупского минарета и прилегающей к нему соборной мечети Верхнего Джулата, поставив эту строительную историю в прямую связь с историей Золотой Орды на Северном Кавказе.

Вопрос о происхождении Татартупского минарета, научно зафиксированного здания Верхнего Джулата, принципиально важен для осмысления и исторической интерпретации как других, не полностью уцелевших архитектурных памятников городища, так и для истории Верхнего Джулата в целом. В этом смысле Татартупский минарет представляет ценный источник исторической информации, и этот источник должен быть использован. С каким регионом мусульманского зодчества имеет генетические связи Татартупский минарет?

По этому поводу в литературе высказано несколько различных мнений. М.Г. Сафаргалиев считал Татартупский минарет имеющим «много общего с минаретом Куня-Ургенч в Хорезме, построенном при Узбеке» [Сафаргалиев М.Г. 1956. С. 132]. С этим согласиться невозможно, ибо минареты Татартупа и Куня-Ургенча имеют настолько разные пропорции и архитектурные образы, не говоря уже о технике кладки и декоре, что их принадлежность к разным архитектурным школам кажется несомненной. Второй подход принадлежит О.В. Милорадович, которая затруднялась в определении генетических истоков Татартупского минарета (см. выше), но все же пыталась осторожно сопоставить его с Куня-Ургенчем и Термезом в Средней Азии и Сынык-кале в Азербайджане [Милорадович О.В. 1963. С. 86]. Но по только что указанным причинам эти аналогии не срабатывают. Наконец, еще одна попытка в последние годы предпринята Э.Д. Зиливинской и Е.И. Нарожным. Э.Д. Зиливинская в своей статье [Зиливинская Э.Д. 1998. С. 26–33], докладе на XX «КЧ» [Зиливинская Э.Д. 2008. С. 621] сравнивает мечети Джулата с Джума-мечетью Дербента. Для Е.И. Нарожного этого оказалось достаточно, чтобы сделать твердый вывод: «... эти наблюдения, в принципе, дают

все основания для того, чтобы архитектурные истоки джулатских архитектурных памятников рассматривать как примеры воздействия дагестанской архитектуры... однако В.А. Кузнецов эту работу не учитывает» [Нарожный Е.И. 2003. С. 153].

На наш взгляд здесь просто нечего учитывать. Достаточно внимательно посмотреть пятитомный труд по истории архитектуры Дагестана С.О. Хан-Магомедова [Хан-Магомедов С.О. 1998–2005], где детально опубликованы минареты и мечети Дагестана, и станет ясно, что это разные архитектурные традиции и школы. Видимо, не случайно Е.И. Нарожный ни одной дагестанской архитектурно-типологической параллели не привел, а Джума-мечеть Дербента не убеждает, ибо это здание имеет эпиграфическую дату: 115 г. хиджры, т.е. 733–734 гг., и сообщается, что мечеть «упала» и была восстановлена в 770 г. хиджры, т.е. в 1368–1369 гг. архитектором Тадж ад-Дином из Баку [Хан-Магомедов С.О. 2002. С. 143–145. Рис. 82–87]. Основа здания относится к первой половине VIII в., хронологический разрыв с мечетями Джулата 600 лет – слишком велик, весь облик Джума-мечети Дербента никак не соотносится с известным нам обликом мечетей Верхнего Джулата. Наконец, такая «мелочь», как отсутствие у Джума-мечети Дербента минарета.

Здесь кстати будет заметить, что Э.Д. Зиливинская, на которую ссылается Е.И. Нарожный, признает «близкое сходство Татартупского минарета с минаретом в Шамхоре» [Зиливинская Э.Д. 1006. С. 621; Зиливинская Э.Д. 206. С. 820], более того – пишет о том, что наиболее близким аналогом Татартупскому минарету «является минарет в Шамхоре, известный по рисунку Г. Гагарина». К этому же выводу пришел и В.А. Кузнецов: «Татартупский минарет, хотя и имеет некоторое сходство, меньше по размерам и скромнее по исполнению» [Зиливинская Э.Д. 2011. С. 45]. Этой исследовательницей признаны азербайджанские истоки генезиса Татартупского минарета, на чем давно настаивал В.А. Кузнецов [Кузнецов В.А. 2003. С. 129–130].

Вернемся к вопросу о происхождении Татартупского минарета и, возможно, джулатских мечетей.

Ближайшие к Золотой Орде мусульманские регионы – Средняя Азия, Дагестан и Азербайджан. Общеизвестно сильное среднеазиатское влияние на культуру Золотой Орды. В сферу среднеазиатского воздействия был включен и северокавказский зо-

лотоордынский город XIV в. Маджары на р. Куме [*Ртвеладзе Э.В.* 1972. С. 156; *Ртвеладзе Э.В.* 1973. С. 275, 276; *Волкова Н.Г.* 1972. С. 15; *Ртвеладзе Э.В.* 1975. С. 16–23; *Зиливинская Э.Д.* 2012. С. 38]. На Верхнем Джулате такого влияния среднеазиатской культуры не просматривается, и в этом огромное и еще не объясненное отличие Верхнего Джулата от Маджар. Очевидно, что Верхний Джулат находился в зоне действия иных культурных традиций и инноваций.

Представляется, что существенной была струя, связанная с Азербайджаном и отразившаяся, в частности, в строительной культуре Верхнего Джулата. Возвращаясь к Татартупскому минарету, отметим, что пропорции и общий абрис сближают его с минаретами ширвано-апшеронского круга мусульманских памятников Азербайджана XIII–XV вв. [*Бретаницкий Л.С.* 1960. С. 43 и сл.] Имеем в виду Сингала-Месджид в Баку, минарет Ханеги на р. Пирсагат XIII в., кстати завершающийся таким же выступающим карнизом, как на Татартупском минарете [см. Атлас к путешествию... 1895. Табл. III, VII]; минарет Шихово XIV в., минареты Джума-мечети Бакинской крепости XV в., и магальной мечети Дербента [*Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А.* 1963. С. 71 и сл., рис. 163, 164, 189; *Бретаницкий Л.* 1966. С. 158 и сл., рис. 83, 149; *Щеблыкин И.П.* 1943. С. 13, 23, 40]. Вместе с тем надо отметить, что есть и некоторая разница – минареты ширвано-апшеронского круга более приземисты, кладка и декор их только из камня. В Татартупском минарете винтовая лестница шла до конца ствола, и это может свидетельствовать о том, что минарет имел два балкончика-шерефе. В Северном Азербайджане минареты с двумя шерефе неизвестны. Впрочем, здесь не все ясно, ибо есть сведения о том, что в начале XX в. жители близлежащего с. Эльхотово «возобновили внутреннюю лестницу» [*Горепекин Ф.И.* 1910. С. 28]., т.е. могли нарастить ее до конца ствола.

Особый интерес для нас представляет так называемый «Шамхорский столп» XII–XIII вв. близ г. Шамхор в Западном Азербайджане, южнее долины р. Куры. Это минарет, сложенный из кирпича, но более вытянутый вверх, нежели Татартупский [*Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А.* 1963. С. 75].

Памятники сближает не только архитектурный образ, но и то, что оба они возведены из кирпича. Это существенно потому, что техника кирпичной кладки была популярна на юге Азер-

байджана, тогда как на севере господствовала каменная кладка [Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. 1963. С. 53]. Данное обстоятельство побуждает нас при поиске параллелей на почве Азербайджана на первый план выдвинуть минареты не ширвано-апшеронского, а южного ареала средневекового мусульманского зодчества Азербайджана. Заметим, что если ширвано-апшеронская школа хорошо известна благодаря изысканиям Л.С. Бретаницкого, другие азербайджанские локальные школы, например, арранская или тебризская, изучены слабо, но именно здесь могут находиться истоки архитектуры Татартупского минарета.

Дело не только в профессиональном владении техникой кирпичной кладки. На территории Золотой Орды кирпич в строительстве практиковался весьма широко, и только на этом основании делать выводы о влиянии южного Азербайджана было бы не совсем правильно. Но мусульманское зодчество южного Азербайджана и Ирана дает прямые аналогии в архитектурном декоре, необъяснимые какой-либо случайностью. Так, на кирпичной башне» (tomb tower) 1300 г. в г. Рее (Северный Иран) можно видеть орнаментальные пояса с применением ромбических кирпичей и кирпичей, поставленных под углом [Wilber D.N. 1955. Fig. 42], как мы это видим в орнаментации Татартупского минарета [Милорадович О.В. 1963. Рис. 106 в], т.е. применение одних декоративных приемов. В том же труде Д.Н. Уилбера можно указать минареты XIV в. Дар-ал-Батих в Исфагане, типологически сходные с Татартупским минаретом [Wilber D.N. 1955. Fig. 163]. Все это, с учетом аналогии Шамхора, подводит нас к версии о юго-западных — азербайджанских и иранских — истоках архитектуры и декора Татартупского минарета.

Дополнительную ясность в рассматриваемый вопрос вносит анализ техники кладки, использованной в кубическом основании Татартупского минарета. Ни О.В. Милорадович, ни Е.И. Крупнов в своих публикациях на данные обстоятельства внимания не обратили. Имеем в виду смешанную технику, когда хорошо отесанные каменные блоки лежат в обрамлении кирпичей — как бы в кирпичных рамках [Милорадович О.В. 1963. С. 72. Рис. 6а]. Та же техника применена в основании стен соборной мечети около минарета [Милорадович О.В. 1963. С. 73. Рис. 14] и в ряде других зданий Верхнего Джулата, на которых здесь не останавливаемся. Рассматриваемая техника кладки не имеет местной традиции в

предшествующий дозолотоордынский период и местных корней, бесспорно являясь новацией.

В XIII в. данная техника кладки появляется в Закавказье. В Грузии она выявлена при раскопках старого Тбилиси [*Джанаридзе О.М.* 1955. Рис. 1–3. Табл. 1, 1], в Азербайджане в раскопках Старой Ганджи – при вскрытии оборонительных стен, башен и т.д. И.М. Джафарзаде называет эту кладку «ганджинской» и характеризует ее так: «Особенность названной кладки заключается в том, что здесь булыжник вставлен в клетку, составленную из 2–3 стоящих по бокам и лежащих сверху и снизу обожженных кирпичей. Клетки расположены параллельными рядами, один над другим через четыре или пять рядов кирпичей» [*Джафарзаде И.М.* 1949. С. 25, 42, 44–46. Рис. 16]. В Старой Гандже встречены и полы, выложенные крупным квадратным кирпичом [*Джафарзаде И.М.* 1949. С. 61. Рис. 27], как это можно видеть в соборной мечети Верхнего Джулата. Старая Ганджа дает близкие типологические параллели, а географически вписывается в намеченный выше ареал Юго-Западного Азербайджана, который мог быть исходной почвой Татартупского минарета и соборной мечети. Хронологически Старая Ганджа предшествует и стыкуется с золотоордынским строительством Верхнего Джулата, ибо датируется XI–XIII вв. [*Альтман М.М.* 1949. С. 3].

Поскольку интересующая нас кладка встречена и в старом Тбилиси, возможно возражение, что на Верхний Джулат она могла быть занесена из Грузии. Подобные идеи со ссылками на квадратный кирпич уже высказывались [*Дидебулидзе З.Ш.* 1975. С. 25–32; *Виноградов В.Б., Голованова С.А.* 1981. С. 151]. Применительно к Татартупскому минарету они неприемлемы. Грузия – христианская страна, и строительство мечетей и минаретов ей совершенно не свойственно. Кроме того, грузинскими исследователями установлено, что «кирпич не является основным характерным строительным материалом для грузинской архитектуры», он использовался лишь как вспомогательный материал (из кирпича были возведены только Кинцвисский и Тимотусубанский храмы XII–XIII вв. и дворец в Гегути). [*Джгамая Д.К.* 1969. С. 103, 104]. В данном случае версия о грузинских истоках для нас отпадает.

Следует, кстати, отметить, что «ганджинская» техника кладки (примем это обозначение условно) не представляет чего-то из

ряда вон выходящего и присущего только Закавказью. В рассматриваемое нами время в обширном ареале как мусульманской, так и христианской архитектуры формируется так называемый живописный стиль, характеризующийся стремлением к оживлению и обогащению архитектурного декора, превращению фасадов культовых зданий в многоцветные ковры. Живописный стиль коснулся и техники кладки, создавая узорчатые комбинации из кирпичей, кирпичей в сочетании с тесаным камнем и т.д. Примеры можно указать как в храмах Балкан (например, Месемврия в Болгарии), так и в гражданских постройках Константинополя [например, Текфур-Сарай в Константинополе. *Wulzinger K.* 1925. Р. 81. Fig. 37]. Декоративный прием обрамления тесаного блока рамкой из кирпичей в XIII–XIV вв. распространился также широко в христианском зодчестве – на тех же Балканах этот прием отмечен, например, в церкви св. Апостолов в Солуни [*Мавродинов Н.* 1955. С. 153, 154. Рис. 110] и в храме св. Климента в Охриде [*Krautheimer R.* 1965. Fig. 176 b]. Кстати, согласно *Л.И. Лаврову*, Татартупский минарет опоясан орнаментом, состоящим из многократного повторения слова «Аллах», изображенного в стилизованной куфической форме [*Лавров Л.И.* 1982. С. 189]. Но, разумеется, этот сравнительный материал показывает только популярность живописного стиля и, в частности, «ганджинской» техники кладки на огромной территории. Это явление, взятое в целом. Что касается Татартупского минарета и соборной мечети, которой он принадлежал, то типологическое сходство с Шамхорским минаретом XIII в. (детальное сравнение провести нельзя, ибо Шамхорский минарет разрушен) и «ганджинская» техника кладки позволяют сделать заключение об ирано-азербайджанских истоках Татартупского минарета и о возможном происхождении зодчего и строительных мастеров из Юго-Западного Азербайджана. Применение «ганджинской» техники кладки в цоколе Татартупского минарета и минарета соборной мечети городища Нижний Джулат, близ станции Котляревской, уже отмечено *И.М. Чеченовым* и *Э.Д. Зиливинской* в их статье о мечети Нижнего Джулата [*Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д.* 1999. С. 204].

Обратимся к историческим источникам. В золотоордыскую эпоху большая охота с участием масс войск была своеобразными маневрами и проверкой боеготовности накануне войны [*Исаен-*

ко А.В. 1992. С. 99–107]. Для охоты отводились специальные районы. Одним из них на южном направлении была область Джулат, использовавшаяся как зимовье, зимняя ставка, позволявшая в зимнее время устраивать охоту в богатых дичью притеречных лесах. Готовясь к походу в Азербайджан в ходе междоусобной борьбы Джучидов и Хулагидов, хан Золотой Орды Узбек в сентябреноябре 1318 г. прибыл с войском и свитой в область Джулат, где была устроена большая охота [Карамзин Н.М. 1833. С. 181]. Там же 22 ноября 1318 г. состоялись суд и казнь тверского князя Михаила. Собрал ополчения местных вассалов [«в то же время съехалось бесчисленное множество от всех языков...» – Кучкин В.А. 1966. С. 176], в январе 1319 г. Узбек с огромной армией прошел Дербент и вторгся во владения ильхана Абу-Саида в Азербайджане. По свидетельству Вассафа, Узбек достиг гробницы Пир-Хуссейна и Ханеги на р. Пирсагат, а на следующий день ордынские войска вышли на берега Куры [Там же. С. 176, 177, 182; Али-Заде А.А. 1936. С. 326]. Потерпев поражение, войска Узбека вернулись на Северный Кавказ не позже сентября 1319 г., ибо в октябре того же года ставка Узбека была уже у Азовского моря [Там же. С. 179].

В контексте описанных событий следует полагать, что и на обратном пути из Азербайджана Узбек проследовал через Вехний Джулат, где были отпущены местные ополчения. Это подразумевает некоторое время на остановку. Здесь есть смысл напомнить, что в 1914–1915 гг. владикавказский краевед Ф.С. Панкратов опубликовал выписки из не дошедшей до нас старинной рукописи, находившейся в архиве командира Моздокского полка генерала Султана Казы-Гирея (40-е годы XIX в.). Происхождение рукописи и ее автор неизвестны. В одной из опубликованных Панкратовым выписок говорится, что хан Узбек в 1319 г. приходил с ордою и «исправил гала Татартуп» [«гала» по-тюркски – «укрепление», «крепость» – Газета «Терские ведомости». № 137 от 27.06.1914 г.; Гребенец Ф.С. 1915. С. 3]. Конечно, упомянутая «старинная» рукопись, неясно даже на каком языке написанная, – источник, достаточно сомнительный, не прошедший научной верификации, и с этим приходится считаться. Тем не менее, Л.И. Лавров был склонен доверять выписке Ф.С. Панкратова [Лавров Л.И. 1946. С. 169], тогда как В.А. Кучкин считал материал недостоверным [Кучкин В.А. 1966. С. 179, 180]. Не настаивая на достоверности названной рукописи и выписок Панкратова, полагаем возможным

эти сведения учесть, ибо они контролируются и подтверждаются приведенными выше достоверными источниками о походе хана Узбека в Азербайджан в 1319 г.

В таком случае, в чем состояло «исправление» укрепления Тартуп? Можно допустить, что Верхний Джулат после неудачи 1319 г. и в ожидании ответного удара Абу-Саида был дополнительно укреплен. Но главное для нас допущение состоит в том, что во время похода 1319 г. в Юго-Западный Азербайджан войска Узбека, очевидно, захватили и увели с собой на Северный Кавказ группу азербайджанских мастеров-строителей. По распоряжению Узбека, активно насаждавшего в своем государстве ислам, эта группа строителей и начала сооружение соборной мечети, а рядом с нею – кирпичного минарета с применением «ганджинской» техники кладки, этой своеобразной «визитной карточки» мастеров. Соборная мечеть и минарет явились архитектурными доминантами, вокруг которых формировался центр золотоордынского города, и поэтому можно предположить, что ряд других объектов вокруг строился позже Тартупского минарета.

Если исходить из приведенных выше соображений, вытекающих из исторического контекста, строительство с применением «ганджинской» кладки на Верхнем Джулате должно было начаться после 1319 г., т.е. с 20-х годов XIV в., и тогда же могли быть сооружены Тартупский минарет и соборная мечеть. Можно возразить, что в 1356–1357 гг. золотоордынская армия во главе с ханом Джанибеком, перейдя Терек и миновав Дербент, вторглась в Ширван, перешла Куру и даже захватила г. Тебриз. Пленные мастера из Азербайджана могли быть приведены на Северный Кавказ и в ходе этого похода Золотой Орды; такая возможность не исключена [История народов ... 1988. С. 212]. Тем не менее предпочтительным кажется время похода хана Узбека в 1319 г., ибо в 60-х годах XIV в. в Орде началась «великая змятня» – острые феодальные междоусобицы, строительная активность в отношении мусульманских зданий после смерти Узбека сократилась. Видимо, к тому же времени, 20–40-м гг. XIV в., следует относить также строительство большой мечети на Нижнем Джулате. В свое время Е.И. Крупнов, первым археологически обследовавший основание Нижне-джулатского минарета и принявший его за оборонительную башню, отметил «поразительное сходство» этой башни с основанием Тартупского минарета

[Крупнов Е.И. 1948. С. 326]. Идентичность строительной техники отмечают также И.М. Чеченов и Э.Д. Зиливинская [Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. 1999. С. 205].

На городище Верхний Джулат открыты и археологически исследованы руины двух мечетей — большой соборной и малой квартальной (магальной). Магальная мечеть по площади невелика (в интерьере 39 кв. м), в северо-восточном углу она имела минарет (выявлено только кубическое основание), к сожалению, не сохранившийся; судя по наличию шести пристенных выступов — пилястр [см.: Милорадович О.В. 1963. С. 66–86. Рис. 1], делящих интерьер на две равные части, перекрытие здания было двухкупольным. Переход от квадратного помещения к куполу осуществлялся при помощи кирпичных тропов в углах. В южной стене находилась культовая ниша — михраб, но никаких следов декора в виде поливных изразцов не обнаружено; мечеть была не только небольшой, но и весьма скромной. Вопреки исследовательнице, можно полагать, что минарет был невысоким, пол мечети был глинобитным.

Относительно даты магальной мечети О.В. Милорадович писала: «Малая мечеть могла быть выстроена в пределах XIII столетия» [Милорадович О.В. 1963. С. 69]. Строительная техника, не привлеченная О.В. Милорадович, позволяет эту расплывчатую дату несколько скорректировать: отсутствие упоминавшейся «ганджинской» декоративной кладки и употребление только квадратного кирпича позволяет нам датировать строительство магальной мечети временем до 1319 г. — до похода Узбека в Азербайджан — и считать магальную мечеть одним из ранних кирпичных зданий золотоордынского периода Верхнего Джулата. Это время — конец XIII — первые два десятилетия XIV в.

Соборная мечеть представляла единый ансамбль с Татартупским минаретом, и по подсчетам О.В. Милорадович, имела площадь 198 кв. м [Милорадович О.В. 1963. С. 73. Рис. 13]. В южной стене находилась ниша михраба с остатками облицовочных кирпичей с бирюзовой поливой, пол был выложен квадратным кирпичом. Мечеть имела два входа: один — в западной стене против входа в Татартупский минарет и предназначенный для сообщения с последним, второй, главный, — в северной стене против михраба и оформленный в виде арочного портала. Эти строительно-архитектурные детали подчеркивают преимущественное значение

данной мечети. Неясным остается характер перекрытия соборной мечети, ибо никаких признаков наличия внутренних устоев нет. Обычно это каменные базы несущих деревянных столбов, члениющих интерьер на три-четыре продольных нефа. Такую картину мы видим в большой мечети Нижне-Джулатского городища XIV в. в Кабардино-Балкарии [Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. 1999. Рис. 2], в соборной мечети «четырехугольник» на городище Великие Болгары [Смирнов А.П. 1951. С. 206, 207. Рис. 132], в мечети Водянского городища Волгоградской области [Егоров В.А. 1976. С. 128. Рис. 1]. Особенно близка соборной мечети Верхнего Джулата большая кирпичная мечеть с кирпичным полом и гремья рядами каменных баз для деревянных столбов, раскопанная недалеко от г. Запорожья на Днепре [Довженко В.И. 1961. С. 177–193. Рис. 2]. В верхнеджулатской мечети каменных баз нет. Это заставляет предположить, что при ширине интерьера 10 м по осевой линии здания должны были стоять деревянные столбы, опиравшиеся на деревянные базы, до нас не дошедшие. В таком случае перекрытие мечети было бескупольным и представляло двускатную стропильную крышу, снаружи покрытую черепицей [Милорадович О.В. 1963. С. 79. Рис. 15]. Перекрытие соборной мечети Верхнего Джулата могло напоминать перекрытие соборной мечети 2-й половины XIII в. в Болгарах [Айдаров С.С. 1970. С. 54. Рис. 3].

Наши суждения о характере перекрытия верхнеджулатской соборной мечети заметно расходятся с выводами Е.И. Нарожного, который вполне реальным видит наличие здесь не «плоской кровли» (плоской она и не могла быть, речь идет о кровле двускатной), а купольного перекрытия, что и определило «своеобразие минарета: излишнюю вытянутость его пропорции». Для реконструкции купольного покрытия необходимо наличие устоев, которых в натуре нет, поэтому подобная реконструкция представляется более проблематичной, нежели реконструкция стоечно-балочной системы с деревянным потолком и двускатной крышей. Недоумение вызывает обвинение Е.И. Нарожным специалистов в том, что они не учитывают «остатки фундаментов между внешней (?) стенкой мечети и минаретом, равно как и заметные на минарете следы нарушенной кладки со стороны мечети». Эти утверждения ставятся в связь с версией о возможности азербайджанских истоков архитектуры большой мечети

Верхнего Джулата. Если бы Татартупский минарет действительно соединялся с мечетью какими-то стенами (что подразумевает Е.И. Нарожный), то как это противоречит вышеупомянутой «азербайджанской» версии? Но главное то, что таких стен между минаретом и мечетью не было, достаточно посмотреть публикацию О.В. Милорадович. В ЦГВИА хранится «Карта пограничной линии Российской Империи между Каспийским и Азовским морями земель близ линии лежащей» 1782 г., копия мной получена от Г.Ф. Федосеевой. На карте дано единственное изображение Татартупского минарета рядом с мечетью с полным входным проемом в сторону минарета. Никаких соединительных стен между ними нет. Подобная исследовательская «методика» и манипуляции Е.И. Нарожного не позволяют воспринимать его выводы всерьез, в том числе его несогласие с версией об «исключительно азербайджанских архитектурных истоках» [Нарожный Е.И. 1998. С. 8] минарета и мечети Верхнего Джулата.

Поскольку соборная мечеть связана с Татартупским минаретом, время ее сооружения можно синхронизировать со временем возведения минарета и отнести его к 20-м годам XIV в. Предлагаемая дата основана не столько на археологических материалах и стратиграфии, вполне убедительно датированных XIV в. и временем правления хана Узбека, т.е. 1-й половиной XIV в. О.В. Милорадович, сколько на анализе достоверных письменных источников в их соотношении с данными археологии. Думается, что такой подход позволяет в пределах, научно допустимых, сузить датировку и обозначить ее прямую связь с политическими событиями – борьбой Джучидов и Хулагидов. Иными словами, идет поиск возможных и наиболее приемлемых вариантов ответов на те вопросы, которые возникают в ходе изучения древностей эпохи Золотой Орды на Северном Кавказе. Сюда же относится и версия о южно-азербайджанской струе в культуре XIV в. Верхнего и Нижнего Джулатов.

Выше уже говорилось, что в старой литературе на Верхнем Джулате засвидетельствованы три минарета и, следовательно, три мечети [Güldenstädt J.A. 1787. S. 505; Записки во время поездки... 1829. С. 77, 78; Блаرامберг И. 1992. С. 132]. Два памятника выявлены и относительно изучены, дело будущих исследований – найти и раскрыть третью мечеть.

Рассмотренные выше памятники городища Верхний Джулат говорят об активном распространении ислама на южных окраи-

нах Золотой Орды в XIV в. и о проникновении ирано-азербайджанских архитектурно-строительных импульсов в притеречные районы улуса Джучи.

Важные данные о исламизации аланского населения района Эльхотовских ворот получены в 80–90-х годах минувшего столетия археологом Р.Ф. Фидаровым. На известном Змейском катакомбном могильнике X–XII вв. раскопан ряд катакомб (катакомбы № 142, 143, 144, 145), датируемых автором раскопок золотоордынским временем. Р.Ф. Фидаров датирует эти катакомбы XIII – первой половиной XIV в. и отмечает несопоставимость этих находок с материалами из ЗКМ домонгольского времени. По мнению Р.Ф. Фидарова, со второй половины XIII в. аланы Верхнего Джулата начинают воспринимать вероучение ислама и рядом с катакомбами появляются грунтовые мусульманские захоронения алан, и этот обряд вытесняет катакомбы. Аланское население Верхнего Джулата и в XIV в. численно преобладало [Фидаров Р.Ф. 2004. С. 16–30].

Этот материал не опубликован, но выводы Р.Ф. Фидарова представляются достаточно реальными и весьма перспективными для нашей темы. Столь поздний катакомбный могильник, заходящий в XIV в., выявлен впервые, и это есть открытие Р.Ф. Фидарова, которое необходимо опубликовать. Вместе с тем хотелось бы пожелать автору раскопок большей осторожности и корректности в приписывании ЗКМ населению Верхнего Джулата. Такая версия существует, но археологически она не доказана.



2. ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Археологическими исследованиями СКАЭ, наряду с описанными мусульманскими объектами, были найдены и ракопаны остатки четырех христианских церквей. Как нами отмечалось выше, И.А. Гильденштедт в 1771 г. видел на Верхнем Джулате две церкви, но в 1745 их было три. Об этом проезжавшие через городище русско-грузинские миссионеры писали: «ис которых две без глав, а одна с главою, токмо весьма обветшали и развалились» [Блиев М.М. 1967. С. 15. Прим. 1]. Теперь все они найдены. Не найденными остаются часовня и церковь, у которой «на стенах видно иконное писание», бывшие в середине XVIII в. «в той же горе» (Кабардино-русские отношения), их еще никто не искал. Эти памятники являются важными источниками не только эпохи господства Золотой Орды на Кавказе, но и истории золотоордынской культуры в целом. Особое значение имеет историческая интерпретация верхнеджулатских церквей, в предшествующих публикациях получившая, на наш взгляд, неверные оценки. Познакомимся с памятниками христианства Верхнего Джулата.

2.1. Церковь 1

Памятник открыт по лежащему на поверхности скоплению битых кирпичей и раствора, примерно в 300 м северо-восточней Татартупского минарета и поблизости к автотрассе. При зачистке этого мусора показала кладка стены. Раскопки выполнены О.В. Милорадович в 1959 г., отчет о раскопках опубликован Е.И. Крупновым в 1963 г. [Крупнов Е.И. 1963. С. 48–65]. Ниже изла-

гается указанная статья Е.И. Крупнова с несколькими купюрами.

Раскоп был заложен вокруг этой кладки на всей северной части холма. Площадь раскопа 104 кв. м. В дерновом слое был выявлен строительный мусор, состоявший из битого кирпича, кусков известкового раствора, обломков черепицы и глиняных сосудов. Иногда попадались целые кирпичи типа плинфы, квадратной формы, размером 23–24 x 23–24 см и толщиной в 4–5 см, и их половинки. По снятии дернового слоя обнаружили две полукруглые в плане кирпичные кладки здания – остатки двух апсид.

Дальнейшие раскопки привели к открытию небольшой бесстолпной церкви, ориентированной с запада на восток с небольшим отклонением к северу (около 15°). Первоначально церковь была выстроена в виде прямоугольного здания с одной полуциркульной апсидой, выступающей с восточной стороны. В дальнейшем к ней был пристроен с юга небольшой придел с одной апсидой, также обращенной на восток. Все это сооружение было обнесено оградой. Под всеми частями постройки сохранился фундамент из булыжного камня. От церкви уцелел кирпичный цоколь, а в двух ее углах – остатки кирпичных стен.

Внешние размеры церкви вместе с апсидой 7,7 x 5,6 м, без апсиды – 6,5 x 5,6 м. Внешний диаметр апсиды 3,5 м. По углам внутри здания в фундаменте стен имелись выступы (0,6 x 0,6 м), образующие вместе со стенами квадраты размером 1,4x1,4 м. Они придают внутреннему пространству церкви крестовидную форму. Северная и южная стороны креста в длину имели 3,35 м, западная – 2,8 м. Таким образом, раскопанный объект в плане представлял собой простейшую форму небольшого бесстолпного крестообразного христианского храма, по всей вероятности, с купольным покрытием.

Вход в церковь был с запада; от него сохранились два больших булыжника (0,8 x 0,55 м и 0,9 x 0,7 м), лежавших на расстоянии 10 см друг от друга на уровне цоколя. Фундамент церкви, сложенный из булыжных камней, скрепленных известковым раствором, сохранился полностью.

Высота самого фундамента и глубины его залегания не одинаковы. Северная часть здания (с апсидой), обращенная к крутому склону, укреплена значительно прочнее. Фундамент под северной стеной, северо-западным и северо-восточными углами зда-

ния тщательно сложен из булыжников более крупных размеров. Если глубина фундамента северной стены равнялась 1,8–1,9 м, то южной стены – только 0,9 м. Соответственно фундамент западной стены был углублен к северу на 1,8 м, тогда как в южном конце высота его равна 0,9 м. Ширина фундамента 0,8–0,9 м. Размеры булыжников в северо-западном углу 0,85–0,9 м.

Забутовка стен состоит из крупных камней, перемешанных с мелкими и крупными кусками кирпича. Для укрепления апсиды церкви сооружена специальная прямоугольная площадка из булыжников, выступающая за пределы апсиды больше в северной части. Длина площадки с севера на юг 4,5 м. Вся площадка густо обмазана на глубину 1,1 м известковым раствором до самого низа фундамента. Северо-восточный угол ее укреплен большими булыжниками (0,65 x 0,5 м и 0,4 x 0,45 м). Остальные булыжники самых разных размеров перемешаны с кусками кирпича.

Над этой прямоугольной площадкой высится полукруглый фундамент апсиды шириной 0,5 м и высотой 0,8 м. Поверх фундамента сохранилась кирпичная кладка. Кирпич квадратный однородный, как во всех частях здания, хорошо обожженный, типа плинфы*. Встречено несколько кирпичей, имеющих форму трапеции с основаниями в 22 и 24 см. Кроме целых кирпичей, очень часто в кладках употреблены их половинки. Кирпич красно-бурого цвета, очень прочный, изготовлен, как показал анализ, из покровных суглинков при низкотемпературном обжиге при температуре, равной 750°**. На некоторых кирпичах обнаружены отпечатки лап собаки и копыт мелкого рогатого скота, появившихся, очевидно, при просушке кирпича до его обжига.

Кирпичные кладки всюду на известковом растворе с толщиной швов до 4–5 см. Раствор светло-серый, прочный, с включениями мелкой гальки. Как показал химический анализ, известь, взятая для растворов, должна быть отнесена к маломagneзиальной, отягощенной содержавшимися в сырье примесями. По видимому, сырье представляло собой мергелизованный известняк. В растворах обнаружены органические вещества; кроме того, в растворы было добавлено цельное яйцо или казеин. Наполнителем в растворах являлись песок, битая галька (большая часть),

* Обмерено до 200 кирпичей.

** Анализы кирпича произведены в лаборатории физико-химических исследований Научно-исследовательского института новых строительных материалов Академии строительства и архитектуры СССР.

кварц и слюда. При микроскопическом анализе обнаружено, что между минералами встречается магматическое стекло, которое, вероятно, способствовало увеличению прочности раствора. Примерный состав растворов – на одну весовую часть сухой извести две с половиной весовых частей наполнителя*). Кирпичная кладка хорошо сохранилась на южной и западной стенах церкви в один-два кирпича в высоту и в два кирпича в ширину. Ширина цоколя, таким образом, равнялась 0,5 м. У апсиды кирпичная кладка шириной 0,4 м (в полтора кирпича) имела три-четыре ряда кирпичей в высоту. Закругление в этой кладке осуществлялось с помощью раствора, а местами кирпичом трапециевидной формы. В юго-западном углу церкви уцелела угловая часть стены в виде столба кубической формы высотой 0,6 м (восемь рядов кирпичей) и площадью 1,1 x 1,2 м. Кирпичи здесь, как и в других кладках, положены в шахматном порядке: над швом одного ряда в следующем ряду приходится кирпич. Использованы и половинки. В северо-западном углу церкви часть сохранившегося столба деформирована; огромный кусок столба завалился и сполз к северу в ограду. Совершенно очевидно, что такие кирпичные опоры, остатки которых обнаружены только в северо-западном и юго-восточном углах, стояли во всех четырех углах здания.

Это все, что сохранилось от стен церкви. Нет материальных остатков для уверенного заключения о куполе и кровле церкви. Но отсутствие столба внутри храма и наличие четырех угловых опорных столбов доказывает, что здание было однокупольным. Кроме того, при расчистке строительного завала почти у дневной поверхности был найден большой (0,6 x 0,65 м) кусок строительного блока, очевидно от купольного свода церкви. Целые кирпичи, половинки и их обломки сложены на растворе закругляющимися рядами.

Среди строительного мусора на разных участках раскопа найдены обломки черепицы двух видов: больших и меньших размеров. Среди больших черепиц – одна складывающаяся из двух кусков, трапециевидная, длиной 32 см, шириной 28 и 22 см, с вертикальными бортиками вдоль длинных сторон; посредине черепицы имеется выпуклое трехполушарное клеймо. Тесто

* Исследование образцов строительного раствора произведено в лаборатории научно-исследовательского отдела Центральных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры СССР под руководством проф. Н.П. Зворыкина.

плотное, черепица хорошо обожжена. Меньших размеров черепица обнаружена в обломках с небольшим выпуклым четырехконечным крестом.

В завале того же строительного мусора внутри церкви на глубине четвертого штыка обнаружены фрагменты штукатурки с фресковой росписью. Собрано более 100 фрагментов, но все они небольшие, самые крупные до 10 кв см. Роспись сохранилась плохо, на многих кусках она деформирована выступившими блестками солей.

На некоторых фрагментах сохранились лишь темные пятна подмалевок (рефть). На одном кусочке ясно виден глаз человека длиной более 5 см. На других – остатки невыразительного рисунка. На большей же части фрагментов заметны только пятна краски или полосы разных цветов; например, на красноватом фоне белая полоса, причем белая краска наложена белилами, а не способом пропуска. Имеются следы голубой краски, наложенной на черный подмалевок, и др. Красочный тон очень неплотный. Грунтом фресок является плохо тертая известковая масса; наполнители ее – гравий, редкие кусочки кирпича и едва заметные следы фибровых примесей. Грунт белый, двуслойный, оба слоя однообразного состава. Второй грунт, видимо, наложен на непросохший первый. Об этом говорит спайка между грунтами. Поверхность слоя под краску плотно притерта. Краска нанесена на штукатурку не очень сырую, так как краска не просочилась внутрь. Находки этих фрагментов доказывают, что внутренняя поверхность церкви была покрыта фресковой росписью.

В результате исследования штукатурки с росписью выяснилось, что известь, примененная в данных растворах, относилась к магнезимальной и тощей. Примерный состав растворов – на одну весовую часть сухой извести одна весовая часть наполнителя. Основным наполнителем является песок измельченных горных пород, а также в небольшом количестве необожженный известняк. В грунте под фресками обнаружены белковые вещества, содержащие фосфор, что свидетельствует о добавке в раствор казеина или яйца. При расчистке церкви в завале строительного мусора первых штыков был обнаружен квадратный кирпич с процарапанным изображением так называемого вавилоня. «Вавилоня» называются своеобразные графические чертежи в

виде вписанных один в другой трех уменьшающихся квадратов или прямоугольников. «Вавилоны», как говорит в своей статье, посвященной архитектурной математике древнерусских зодчих Б.А. Рыбаков [*Рыбаков Б.А.* 1957. С. 108], являлись расчетными таблицами (своего рода логарифмическими линейками), и их изображения древние зодчие закапывали в основании построенных ими зданий. «Вавилон» был как бы ядром плана; от него велись все первоначальные отсчеты. «Вавилоны», изображенные на кирпичах, черепицах и глиняных плитах, найдены в памятниках IX–XIII вв. – в Саркеле, древней Тмутаракани, на Старо-Рязанском городище и в Болгарии (в Преславе и Плиске). Все они якобы связаны с определенными зданиями. По Б.А. Рыбакову, с помощью «вавилонов» зодчий мог решить многие задачи на построение. Но в действительности, как справедливо утверждает К.Н. Афanasьев, «вавилоны» «как графики не определяют соразмерности сооружения, не устанавливают взаимозависимости его элементов» [*Афанасьев К.Н.* 1961. С. 243], а главное они неточны.

Еще один обломок кирпича с фрагментом «вавилон» также обнаружен в завале. На глубине 0,55 м от дневной поверхности у середины северной стены церкви найден клад, состоящий из семи железных крестов, лежавших когда-то, очевидно, в глиняном сосуде, от которого сохранились десять обломков стенок. Кресты разных размеров и форм, но все четырехконечные (византийско-кавказского типа), склепанные из двух плоских пластин с расширением на концах. Длина крестов от 11 до 16 см.

Обломки стенок сосуда красно-кирпичного цвета, прекрасного обжига, покрыты лощением. Поверхность сосуда была покрыта углубленным орнаментом в виде трех поясков, ограниченных желобками. По среднему поясу идет однорядная волна; в двух крайних – ряды отпечатков от шести поставленных косо зубчато-гребенчатых штампов. Такие сосуды в обломках нередко встречались на разной глубине культурного слоя городища Верхний Джулат. Еще один железный крест, аналогичный найденным в сосуде, обнаружен на глубине 0,7 м от дневной поверхности близ апсиды, два обломка креста – у западной стены церкви с внутренней ее стороны. Такие крупные железные пластинчатые кресты известны из раскопок и других средневековых памятников Северного Кавказа. Так, на р. Гиляч (верховья Кубани) Т.М. Минаевой найдены два таких же креста (длиной

15 см) в алтаре исследованной ею церкви X–XI вв. [Минаева Т.М. 1951. С. 294. Рис. 22,8]. Такие же кресты обнаружены В.А. Кузнецовым при зачистке Северного Зеленчукского храма X–XI вв. в 1960 г. Сохранились они и в ряде поздних ингушских и осетинских святилищ, например, в святилище у сел. Эрзи (Ингушетия) и в святилище Бахайтерах близ сел. Кумбулта (Северная Осетия) [Семенов Л.П. 1930. С. 370].

Под алтарем церкви находилось квадратное помещение со стенами, тщательно сложенными из кирпича на растворе (помещение А размером 2,45 x 2,45 м). Это, несомненно, крипта, т.е. подалтарная усыпальница. Пол крипты глинобитный, хорошо и ровно утрамбованный, но глиняной обмазки не обнаружено. Стены помещения толщиной в один лежащий плашмя кирпич сложены на растворе. Раствор употреблен настолько обильно, что выступает во многих местах швов, частично закрывая кирпичи, сложенные в шахматном порядке. Если не считать нескольких трещин, стены помещения прекрасно сохранились. Высота помещения 1,5 м. До высоты 0,7 м оно квадратной формы. С этой высоты стены постепенно переходят в свод. Кладка стен квадратной части помещения состоит из девяти рядов кирпича; с 10-го ряда в углах и с 18-го в середине стены переходят в парусный открытый свод (без скуфы). На высоте 1,5 м от пола помещение завершается открытым кругом из кирпичей, лежащих наклонно под углом 30°. Наклон кирпичей и образование круга осуществлено при помощи утолщения раствора. Купольная часть помещения А (на высоте от 0,7 м до 1,5 м от пола) состоит из 14 рядов кирпичей в углах и 5 – в стенах. Открытый круг был, очевидно, когда-то покрыт деревом, служившим его потолком и полом алтаря. При расчистке помещения А были обнаружены кусочки кленового дерева*. Вероятно, помещение А сообщалось с алтарем через люк в полу. Второй выход из помещения А находился в его северной стене. Из этой стены, на уровне пола крипты, через всю толщу фундамента северной стены церкви идет узкий кирпичный коридорчик, выступающий еще на 1,28 м за пределы здания к северу. Этот коридорчик имеет остросводчатый потолок и вход в виде стрельчатой арки.

Длина коридора 1,6 м до выхода за стену церкви и 1,3 м за ее пределы. Внутренняя ширина коридорчика 0,65 м. Пол гли-

* По определению палеоботаника Института археологии АН СССР Г.Н. Лисициной.

няный. Стены коридора на высоту кладки в 10 кирпичей вертикальные, с 11-го кирпича начинается свод. Высота коридора и дверей равна 1 м.

Коридор за пределами стены церкви заканчивается небольшой узкой прямоугольной пристройкой с глиняным полом, без потолка (помещение Г). Стены сложены из кирпича в один ряд на растворе; восточная стена сложена менее тщательно, в составе ее кладки много битых неровных кусочков кирпича. Длина помещения (внешняя) 1,6 м, ширина – 1,1 м, сохранившаяся высота – 0,7 м (в 10 кирпичей). В восточной стенке проделано отверстие шириной от 0,6 до 1 м. В образованном проеме лежал скелет мужчины; очевидно, для его погребения и была разобрана часть стены этого помещения. Голова и верхняя часть туловища находились в помещении, а нижняя часть – за его пределами. По-видимому, это помещение являлось наружным, притом потайным (подземным) выходом из алтаря через крипту к Тереку.

Важно отметить, что при расчистке крипты, коридорчика и северной пристройки, заваленных землей и строительным мусором, было обнаружено несколько человеческих скелетов, из которых только два лежат в анатомическом порядке. Когда земля из коридора была выбрана, был зачищен скелет человека, положенного на пол поперек входа в крипту головой на запад. При расчистке крипты сверху в неплотном слое строительного мусора, смешанного с землей, обнаружен наклонно лежавший вниз головой скелет человека, может быть, сброшенного в люк из алтаря. Среди строительного мусора, заполнившего крипту, было обнаружено много человеческих костей, в том числе пять черепов, разбросанных в беспорядке. Можно полагать, что все это – лишь жалкие следы той трагедии, которая, очевидно, разыгралась здесь в момент ограбления крипты и алтаря, а может быть, и в момент разрушения храма. Тайну эту не раскрыли и археологические раскопки.

В том же мусоре найдены серебряное височное кольцо и обломок края глиняного поливного сосуда зеленого цвета. Под упавшим кирпичным блоком на полу крипты оказалась целая красноглиняная, прекрасно лощеная чашечка с плоской ручкой в виде ковшика, относящаяся к церковной утвари. По форме она очень близка к поздним серебряным ковшикам, из которых запивали причастие. На обратной стороне ручки процарапан

крест. Внутри чашечки находилось серебряное витое височное кольцо, подобное найденному в строительном мусоре.

При расчистке помещения храма были обнаружены довольно крупные строительные блоки от рухнувших стен. Их осмотр показал, что одна сторона стены была ровно оштукатурена. В изломе ясно видно два слоя штукатурки, один толщиной в 1 см, другой – в 0,5 см. Это указывает на длительность существования храма. Все эти куски стен лежали на уровне фундамента, на 1 м ниже сохранившегося цоколя здания. Пола церкви проследить не удалось. Даже следов его не обнаружено.

С южной стороны к церкви несколько позднее был пристроен еще один придел с полукруглой малой апсидой. Его внутренняя длина – 3,6 м, ширина – 1,8 м, диаметр апсиды – 1,6 м. У апсиды сохранилась кладка на высоту четырех рядов кирпича. Кирпич такой же, как и в основном здании. Та же кладка на растворе. Ширина кладки апсиды – полтора кирпича (40 см).

Фундамент стен придела сложен из мелкого булыжника на растворе; глубина его 60 см. Булыжная кладка немного шире кирпичной. Западная стена придела имеет широкий входной проем, соединяющий придел с основным помещением церкви. В этом месте обнаружено погребение, нарушившее и фундамент стены. Сохранившаяся часть этой западной стенки представляет собой кирпичную кладку шириной в три кирпича, высотой до четырех рядов на неглубоком фундаменте из мелкого булыжника.

Вся церковь с ее южным приделом окружена прямоугольной оградой, также сложенной из кирпича на мелком булыжнике. Ограда сохранилась значительно хуже церковного здания. Ее размеры с севера на юг 12 м и с востока на запад – 12,5 м, высота мала и не везде одинакова. Восточная стена ограды находится на расстоянии всего 0,9 м к востоку от основной апсиды. Ограда имеет почти квадратную форму. Ее северный конец был укреплен тремя большими валунами (размером 65 x 25 см). Остальной фундамент сложен из более мелкого булыжника. В южном конце стены кирпичная кладка имела один ряд кирпичей в высоту и два кирпича в ширину. Западная стена ограды, так же как и восточная, сильно деформирована и сохранилась плохо. Северная ее половина сползла под уклон холма. Булыжный фундамент состоит из небольших камней размером от 15 до

20 см. Глубина его залегания 35 см. Под булыжником находится тонкий слой мелкой гальки. Поверх булыжного фундамента сохранилась кирпичная кладка на растворе в один-два кирпича в ширину и в один кирпич в высоту.

Южная стена ограды длиной 12,5 м вплотную подходит к южной апсиде и к южной стенке придела, образуя с ними одно целое. Эта стена сохранилась лучше других – до трех кирпичей в высоту и в два ряда кирпичей в ширину, сложенных, как и везде, на растворе. Под кирпичной кладкой залегал булыжный фундамент на глубину до 60 см (от нижнего уровня кирпича) с размерами камней до 35 см в диаметре. Под булыжником – тонкий слой гальки.

Северная стена ограды сверху и с боков была покрыта развалом булыжника. Кирпич не сохранился. Она отстояла от северной стены здания на 2,3 м. После расчистки завала выявилась кладка из более крупного булыжника с прослойкой кирпича. Особенно крупными камнями были укреплены западный и восточный концы стены. Основная часть фундамента высотой до 50 см состояла из более мелкого булыжника, скрепленного густым раствором. Вся стена имела наклон по склону холма.

Заканчивая внешнее описание храма, следует добавить, что во время вскрытия культурного слоя, на котором был воздвигнут храм, было найдено немало фрагментов керамики, кабаньих клыков, отдельных предметов оружия и быта (железные ножи, черешковые наконечники стрел, кольца и пр.). Особый интерес представляет найденное каменное яйцо из розового мрамора с просверленным продольным цилиндрическим отверстием. Диаметр яйца 5 см, высота – 6 см, диаметр отверстия около 1 см. Края отверстия сильно стерты от долгого трения. Это мраморное яйцо с отверстием является кистенем или боласом.

Подобный яйцевидный костяной кистень, с пропущенным через него железным стержнем с кольцом для привязывания его ремнем к рукояти, был найден среди русских находок при раскопках Саркела – Белой Вежи. На нем изображен княжеский знак [Сорокин С.С. 1959. С. 188. Рис. 32,2]. Такие кистени являлись, по мнению М.И. Артамонова, грозным оружием. «Кистени, как костяные, иногда со свинцовой заливкой в середине, так и металлические (бронзовые и железные) в большом количестве найдены в Белой Веже. Возможно, что те из них, которые отли-

чаются небольшой величиной, могли употребляться в качестве боласов» [Артамонов М.И. 1958. С. 76. Рис. 55]. Известно, что кистени как оружие ближнего боя широко применялись во всей Древней Руси (X–XIV вв.) вплоть до Новгорода.

В процессе раскопок в пределах заложенного раскопа были вскрыты гончарная печь и около 20 хозяйственных ям, заполненных керамикой и отдельными вещами (фрагменты стеклянных сосудов, браслетов и др.), которые по весьма близким аналогиям в керамике и могильном инвентаре из змейских катакомб, исследованных ранее СКАЭ, могут быть датированы, как и весь подстилающий храм аланский культурный слой, X–XII вв. Раскопками также установлено, что в ограде храма и за ее пределами существовало христианское кладбище.

Подводя итоги раскопкам холма на городище Верхний Джулат, следует сказать, что открытая постройка, оказавшаяся христианской церковью, исследована полностью. Сохранившиеся фундамент, части цоколя и стен дали полное представление о плане кирпичного строения; но они не дали никаких данных для реконструкции храма. Для такой реконструкции мы можем воспользоваться описанием этого здания, сделанным академиком Гильденштедтом, посетившим городище Верхний Джулат во время путешествия по Кавказу в 1773 г. [*Güldenstädt* J.A. 1787. С. 503–508]. Гильденштедт пишет, что он посетил место, где можно видеть разные руины, которые называются Татартуп. Этих руин насчитывается пять. Первая – мечеть; на расстоянии трех шагов от ее западной степы находится высокая башня, сложенная из кирпича, высотой примерно девять сажень (судя по дальнейшему описанию, это известный Татартупский минарет, высота которого действительно достигает более 20 м). В трехстах шагах от минарета на юго-запад – вторая башня, совершенно подобная ему, но сохранившаяся лишь до трех сажень. Несомненно, эти башни – остатки мусульманской мечети и основание минарета, вскрытые СКАЭ в 1958 г. Четвертое строение христианское, по-видимому, греческая церковь, которая находится выше описанной мечети в трехстах шагах на юго-восток. Она выстроена из кирпича и представляет собой четырехугольник со сторонами до трех сажень. На восток выступает алтарная часть овальной формы, которая имеет в ширину около двух сажень и в глубину не менее сажени. В основании этого пресбитериума имеется

продолговатое отверстие для доступа воздуха, а по сторонам от него маленькие ниши, в которых обычно хранили церковную утварь. В середине западной и южной стен в передней части храма имеются входы, равные человеческому росту. Крыша передней части храма представляла собой цилиндрической формы купол, в котором имелось на восток и на запад по отверстию, а вверху круглое отверстие шириной, по крайней мере, в сажень. Вся высота постройки от основания до высшей точки купола – 4 сажени. Основание под постройкой сводчатое. В пресбитериуме можно было заметить особое, довольно глубокое отверстие.

Внутренние стены были гладко оштукатурены и повсюду сохранили следы изображений. На северной стене по направлению к алтарю ясно видна покоящаяся на черной подушке голова с нимбом. Так имели обыкновение изображать усопшую деву Марию. На другом конце этой стены видна окруженная нимбом голова стоящего человека, который держит в руках черного ягненка и прижимает его к груди, как имели обыкновение изображать Иоанна Крестителя. Эти изображения были в 1/2 натуральной величины. В куполе можно было различить нижние половины изображений святых или священнослужителей в натуральную величину. На них ясно видно облачение, покрытое белыми крестами по красным епитрахиям. Все указывает на то, что эта церковь христианская и даже греческая [Güldenstädt J.A. 1787. Cit].

Пятая постройка, которая описана Гильденштедтом, находилась, по его словам, на расстоянии трехсот шагов к северо-западу от мечети в середине довольно значительной возвышенности. Она совершенно тождественна вышеописанной церкви, только меньше ее, больше разрушена и не имеет росписи по стенам. Если она не разрушена бесследно, ее еще предстоит отыскать.

Сопоставив исследованные развалины церкви с описанием Гильденштедта, легко представить одноапсидный кирпичный храм на булыжном фундаменте с высоким подкуполным барабаном в центре, внутри покрытым фресковой живописью.

Довольно сложной задачей является точная датировка исследованной церкви. Впущенная в культурный слой X – начала XII в., она, конечно, была сооружена позднее этого времени. Но когда именно?

Первоначально, отправляясь от формы квадратного кирпича-плинфы (уже известного нам на городище Верхний Джулат

по кладке основания Татартупского минарета и малой мусульманской мечети), мы считали, что открытый храм можно датировать раннемонгольским временем (второй половиной или концом XIII в.), а само кирпичное здание рассматривать как показатель существовавшего христианства, зависимого от грузинского культурного влияния на горцев Северного Кавказа, которое действительно хорошо прослеживается по культовым сооружениям XII–XIII вв. высокогорной полосы центральной части Северного Кавказа. Это тем более казалось вероятным, что в Грузии хорошо обожженный квадратный кирпич применялся в строительстве средневековой гражданской и церковной архитектуры, начиная с XI в. Больше того, квадратный кирпич со сторонами от 19 до 32 см только в XIX в. сменился в Закавказье продолговатым русским кирпичом, и потому старый кирпич был назван грузинскими историками «грузинским» [Гзелишвили И.А. 1948. С. 625].

Но дальнейшие разыскания по этому вопросу привели к выводу, что незакономерно называть средневековый квадратный кирпич только «грузинским». Известен он и в Малой, и в Средней Азии. Квадратный кирпич широко использовался не только в средневековом строительстве Грузии, но и в Армении [Кафадарян К.Г. 1952], и в Азербайджане [Якобсон А.Л. 1959. С. 91]. Такой кирпич (особенно тонкий – плинфа) хорошо был знаком зодчим феодального периода всего славянского мира [Рыбаков Б.А. 1948. С. 357]. Наконец, известно, что квадратный кирпич широко применяли хазары [Артамонов М.И. 1958. С. 24, 25] и особенно татаро-монголы. Из квадратного кирпича были выстроены здания и целые города в Нижнем Поволжье во время существования Золотой Орды. В городах Увек, Сарай-Берке, Биляр, Сувар сохранились здания, сложенные именно из такого кирпича [Баллод Ф. 1923. С. 37]. Из квадратного кирпича были сооружены и городские постройки XIV в. на месте гор. Маджары (близ нынешнего гор. Буденновска) и другие памятники.

От датирующих возможностей кирпича Е.И. Крупнов отказался и пришел к заключению, что «это просто средневековый кирпич, имеющий широчайшее распространение и применение в строительном деле во всех областях Восточной Европы и Южной Азии с IX по XV в., а кое-где, как в Закавказье, даже до XIX в.». [Крупнов Е.И. 1963. С. 63].

Во время раскопок церкви 1 в 1958 г. было установлено, что она окружена обширным христианским кладбищем. Погребения располагались под полом церкви (п. 47 в крипте), в пределах церковной ограды и придела с южной стороны (18 могил), за ее пределами (35 могил), на южном конце холма у дороги [14 могил; Милорадович О.В. 1963. С. 101. План на С. 88. Рис. 1]. Как свидетельствует автор раскопок, погребальный обряд типичный христианский: на спине, головой на запад, в деревянных гробах, от которых остались следы. «Заупокойная пища и специальный могильный инвентарь отсутствовали. При погребениях находились только мелкие вещи от одежды и украшения. «Исключение составляли три предмета – наконечник стрелы, пряслице, сосуд» [Там же. С. 101. С. 91. Рис. 4]. О.В. Милорадович подробно рассмотрела типологические аналогии этим предметам, особенно височным кольцам и серьгам в виде вопросительного знака и на этом основании датировала могильник XIII–XV вв. [Там же. С. 105]. Необходимо подчеркнуть, что ряд ближайших аналогий О.В. Милорадович привела из явно кабардинских курганных захоронений XIV–XV вв. (Белореченский, Бесленей, Константиновка, Кисловодск, Каррас, Чегем II и др.) и заметила, что такие височные кольца-серьги «на Северном Кавказе больше всего распространены в погребениях адыгов и, в частности, кабардинцев» [Там же. С. 103]. До XV в. все предгорное Предкавказье было освоено кабардинцами [Нагоев А.Х. 2000. С. 20–21]. Таким образом, исторический контекст подтверждает возможность предположения о том, что часть христианских захоронений у церкви 1 принадлежала кабардинцам. Косвенно в пользу данной версии свидетельствуют также результаты антропологического исследования небольшой (14 единиц) серии черепов из погребений Верхнего Джулата – в них преобладает «морфологический тип, характерный для местных автохтонных групп». Они относятся к европеоидной расе и не имеют каких-либо следов монголоидной примеси [Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. 1963. С. 120–121]. Следовательно, это не татаро-монголы, а более раннее аборигенное население кавказского происхождения [Алексеев В.П. 1974. С. 29].

Может возникнуть вопрос о реальности распространения христианства у адыгов в средневековую, доисламскую эпоху. Оснований для этого нет. Адыгское население Северо-Западного Кавказа подвергалось миссионерской пропаганде со стороны Византии с

VI в., когда были созданы две епископские кафедры, – Зихская и Никопсийская, подчиненные Константинополю [Адыгская (Черкесская) энциклопедия. 2006. С. 595–598]. Верхний Джулат был крупным населенным пунктом с пестрым этнически и конфессионально населением, что характерно именно для функций города. Поэтому присутствие на христианском кладбище у верхнеджулатской церкви 1 православных кабардинцев вполне возможно, хотя твердых аргументов для такого утверждения пока нет.

2.2. Церковь 2

Открыта летом 1962 г. на распахиваемом поле колхоза им. Легейдо станицы Николаевской в 1,2 км к югу от Татартупского минарета. Площадь раскопа 140 кв. м, раскопки этой и других церквей вел В.А. Кузнецов.

Первые два штыка по всей площади были заполнены битым кирпичом, черепицей и кусками серого известкового раствора. В этом слое строительного материала встречены три обломка плоской черепицы с бортиками и рельефными грузинскими буквами; еще шесть обломков черепицы с рельефными грузинскими буквами встречены на уровне третьего штыка в разных местах завала. Наиболее сохранившийся фрагмент содержит две четко читаемые буквы с титлом над ними и остатки третьей буквы. По заключению проф. А.Г. Шанидзе, надпись в сокращенном виде выглядела так, что означает «повелением», «по велению»... Таким образом, строительный характер надписи несомненен. Остальные знаки единичны и не дают возможности реконструкции, но их грузинское происхождение также не вызывает сомнений. По палеографическим признакам А.Г. Шанидзе датировал знаки XIII в., Т.В. Барнавели – концом XIII – началом XIV в*. Отметим также, что наряду с плоской черепицей обнаружено несколько обломков полукруглой в сечении калиптеры, закрывавшей швы в коньке и скатах черепичной крыши.

После удаления слежавшегося строительного мусора открылись остатки церкви, ориентированной по линии восток-запад и имевшей общую длину 15,40 м. Сохранились, да и то не везде,

* Выражаем искреннюю признательность палеографам А.Г. Шанидзе и Т.В. Барнавели.

лишь фундамент и нижние ряды кладки; наиболее сильно разрушена восточная часть церкви, в связи с чем конструкция апсиды не могла быть установлена.

Рассмотрим сохранившиеся части здания. Церковь состоит из двух разновременных помещений: собственно церкви и придела с запада. Судя по остаткам южной, северной и западной стен наос церкви представлял вытянутый прямоугольник с размерами в интерьере 7,80 x 3,90 м, т.е. с кратным соотношением длины и ширины. Северная стена в длину сохранилась на 6,80 м, южная – на 6,0 м; высота северной стены до 0,56 м, толщина 1,08 м. Стена покоится на фундаменте из валунов, положенных в два ряда и возвышающихся над уровнем пола. На них – кирпичная кладка в два слоя. Толщина раствора между кирпичами от 4,5 до 5 см. В системе кладки встречаются и булыжники. От южной стены сохранились только валуны фундамента. Высота над полом 0,34 м, кладка на известковом растворе. В интерьере стена прямая, но неровная (вследствие деформации при обвале?) снаружи; ширина ее в средней части 1,14 м, в западной части – 0,76 м, в восточной – 1,07 м. Отметим, что два валуна по поверхности, обращенной внутрь стены, были покрыты светло-зеленой глазурью. Поливная керамика на Верхнем Джулате не производилась, и полива здесь употреблялась лишь в декоре Татартупского минарета и соборной мечети, но иного цвета – бирюзового. Следовательно, к строительству указанных памятников зеленая глазурь отношения не имеет. Назначение ее пока остается неясным, а облитые глазурью валуны, вероятно, попали в кладку церкви при их вторичном употреблении.

Интересная находка сделана у южной стены на уровне фундамента. Это днище красноглиняного сосуда с нечитаемой надписью, оттиснутой по сырой глине до обжига, очевидно, штампом; следы его сохранились в виде точек, представляющих прямую линию выше надписи. Возможно, это имя мастера-гончара, но аналогий данному артефакту мы не имеем.

Западная стена сохранилась в высоту до 0,47 м, толщина ее 0,55 м. Цоколь стены сложен из тесаных песчаниковых блоков, на нем три ряда кирпичей. Толщина слоя раствора между кирпичами 5–5,5 см. В средней части стены имелся вход шириной 1,06 м. В некоторых местах на стене уцелели остатки серой известковой штукатурки.

Пол наоса покрыт таким же серым известковым составом, положенным на подстилку из камней и щебня. Толщина известкового покрытия пола 1,8 см. Почти вся восточная часть пола разбита и перекопана кладоискателями.

Северо-восточную часть помещения занимала упавшая внутрь северная стена, сложенная из кирпича на растворе. Длина упавшего участка стены 3,40 м, однако, следует учесть растяжку стены при падении и ориентировочной высотой ее считать 3 м. Других рухнувших суперструкций церкви не обнаружено. После удаления упавшей северной стены под ней обнаружилась пробитая в полу яма с рваными краями, частично выходившая за пределы упавшей стены. Размеры ямы 1,57 x 1,0 м, в заполнении найдены фрагменты керамики и строительный мусор (кусочки кирпича, раствор, угли). Яма была пробита кладоискателями до падения северной стены.

Самым интересным конструктивным элементом церкви оказался склеп, несомненно, первоначально вписанный в апсиду и находившийся под алтарем. Это такая же подалтарная погребальная крипта, какая была обнаружена в церкви 1. Крипта, как и стены церкви, сложена из жженого квадратного кирпича на известковом растворе. Толщина раствора между кирпичами 4 см. Камера крипты в плане четырехугольная, длина ее с запада на восток 1,93 м, с севера на юг – 1,85 м. На высоте 0,55 м от пола сделан переход от квадрата к кругу свода при помощи угловых парусов и постепенного наклона кирпичей в кладке стен путем утолщения слоя раствора. Образованный так сферический свод на высоте 1,40 м завершается круглым отверстием диаметром 0,75 м. Таким же отверстием завершался свод крипты в церкви 1. Подалтарная крипта в церкви XIII–XIV вв. Ццелари (Абхазия) имела сходный свод с люком, закрытым каменной плитой с железным кольцом посередине [Шервашидзе А.А. 1967. С. 55]. Кроме люка в своде крипта имела выход наружу в восточной стене. Проем шириной 0,53 м и высотой 0,63 м завершался стрельчатой аркой, тщательно сложенной из кирпича. Снаружи арка была облицована слоем раствора. Пол проема был устроен из монолитной плиты 0,48 x 0,32 м и поднят над полом камеры на 13 см, образуя ступеньку. От входа на поверхность вел дромос. Стены его сложены из кирпича в один ряд на растворе, с внешней стороны оштукатурены. В дромосе три ступени из каменных

плит; под каждой из них лежали в один ряд кирпичи на растворе, снаружи облицованные таким же раствором или штукатуркой. Глубина дромоса до пола перед входом 1,05 м, ширина – 0,75 м.

Камера крипты была на 0,80 м завалена землей и камнями. Особенно большие валуны закрывали вход в крипту. При разборке завала в разных местах камеры и на разных уровнях встречались разрозненные кости скелета, принадлежавшие взрослым и детям. Число их не устанавливалось. На полу камеры, покрытом слоем серого известкового раствора толщиной 8 см, лежали вытянуто на спине, головой на запад, три скелета взрослых людей. Черепа их имели общий индивидуальный признак – развитые надбровные дуги. Особенно крупный мужской скелет лежал у южной стены (длина его 1,80 м). Около черепа найден обломок бронзовой серьги. В северо-западном углу камеры расчищена груда костей от трех скелетов, сдвинутых при совершении позднейших захоронений. При разборке этой груды найдена сломанная берцовая кость с застрявшей в ней листовидной плоской железной стрелой. Черешок стрелы загнут (вероятно, при попытке вытащить ее из кости).

Таким образом, на полу крипты зафиксированы шесть погребений. Но первоначально их количество было больше – как говорилось выше, кости еще нескольких погребенных в перемешанном состоянии встречены в завале.

При расчистке дромоса в земле над нижней ступенью обнаружена поперечная пластинка от железного клепаного креста, 7,5 см длины. Пластинка, вероятно, была выброшена в дромос из камеры грабителями. Здесь же найден раздавленный камнями небольшой черноглиняный сосудик.

Рассмотрим помещение церкви. Оно было сложено из квадратного кирпича на известковом растворе. Перемерено 304 целых и сломанных кирпичей. Характерно разнообразие их размеров: длина кирпичей колеблется в пределах от 22 до 35,5 см, ширина от – 20 до 25 см. Не все зафиксированные кирпичи были квадратными – три были вытянутыми (35,5 x 20 x 7 см., 34 x 29 x 7 см, 33,5 x 20 x 8,5 см). Но это единичные экземпляры, тогда как остальная масса кирпичей (99 %) квадратной формы. Среди целых кирпичей (30 шт.) преобладали размеры: 25 x 24 x 5,5 см, 25 x 25 x 5 см, 25,5 x 24,5 x 5,5 см. Из множества обломков кирпичей, габариты коих не устанавливались, можно видеть наиболее часто встречаемую толщину: 5,5 см – 92 шт.; 5 см – 83 шт.; 6 см – 66 шт.

Стены покоились на фундаменте из двух рядов крупных булыжников. Глубина фундамента 0,30–0,35 м. Кладка фундамента шире стен в среднем на 3 см, образуя выступающий цоколь с внутренней стороны. В интерьере стены были оштукатурены, техника кладки стен хорошо была видна снаружи и внутри – полосы кирпичей чередуются с тесаными блоками и крупными булыжниками, обрамленными по бокам рамками из двух кирпичей на торце. Это смешанная кладка *opus mixtum*, широко распространенная в позднеантичное и византийское время в Малой Азии, на Балканах [Бобчев С.Н. 1952] и в ряде районов Кавказа, но дающая различные комбинации камня и кирпича. В нашем памятнике она имеет вполне декоративный вид. Интересно, что в восточном помещении эта техника кладки не применена.

Во время раскопок по всей площади помещения встречались битые кирпичи, обломки черепицы, куски раствора, угли. На глубине 0,57 м обнаружен слой белой известковой массы толщиной 5–6 см, занимающий преимущественно южную часть помещения. К северу он постепенно сходил на нет и исчезал. На том же горизонте в северной части помещения отмечены пятна золы и угля, найден обломок круглой черноглиняной жаровни с бортиком, украшенным косыми насечками.

На указанном горизонте выявились все детали планировки помещения, представляющего правильный квадрат со сторонами 4,55 x 4,55 м. Толщина стен от 0,35 м (западная) до 0,39 м (северная); высота сохранившихся стен колеблется от 0,40 до 0,58 м. В углах помещения находятся двойные квадратные выступы, благодаря которым четверик в плане имеет вид вписанного креста. Размеры угловых выступов одинаковы – по 0,50 м. В западной стене расчищены остатки входа шириной 1,86 м, заложенного кирпичом насухо.

После зачистки земляного пола на глубине 0,85 м. в северо-западной части выявилось пятно четырехугольной формы, ориентированное на линии 3–В. Это оказалась могила со следами истлевшего деревянного гроба. В ходе дальнейших раскопок под полом вскрыто еще пять погребений. Исследуемые одновременно с могилами, окружавшими церковь, они в соответствии с последовательностью получили номера 13, 17, 20, 21, 28 и 29.

Погребение 13. Скелет вытянут на спине, головой на запад, руки скрещены на тазе. Под скелетом отмечены кусочки древес-

ного угля. В ногах обнаружен обломок кирпича (23 x 5,5 см) попавший из слоя строительного мусора.

Погребение 17. Скелет вытянут на спине, головой на запад, руки скрещены на тазе. Встречались отдельные угольки. С правой стороны таза лежал кусок мела. Зафиксированы остатки древесного тлена, несомненно, от гроба. Около правого плеча скелета найдена глиняная чашечка цилиндрической формы, коричневая, со следами красной краски внутри [Каргер М.К. 1958. С. 477. Рис. 137 – аналоги]. Диаметр дна 4,8 см, высота 3,6 см. По определению антрополога Северо-Осетинского мединститута К.Д. Беслекоевой погребение женское.

Погребение 20. Скелет лежал вытянутым на спине, головой на запад, руки вдоль тела. Встречены отдельные угольки и остатки древесного тлена от гроба. Найдено шесть железных кованых гвоздей с шляпками, в сечении четырехгранные, длина гвоздей 9,5–10 см; железная скоба и две железных петли, служившие ручками гроба.

Погребение 21. Скелет лежал вытянутым на спине, головой на запад, руки на тазе. Встречены угольки и древесный тлен от истлевшего гроба. Ширина гроба 0,44 м, толщина досок 5 см. У левой руки лежал обломок кирпича (21 x 6,5 см), у черепа – два височных кольца из серебряной проволоки с сомкнутыми концами.

Погребение 28. Мужской скелет лежал вытянутым на спине, с вытянутыми руками, головой на запад. Находок не было.

Погребение 29. На глубине 1,10 м от южной стены обнаружена большая серо-желтая песчаниковая плита, уходящая под фундамент здания, длина ее 1,35 м, из-под фундамента плита выступала на 0,45 м. В середине плиты имелось углубление. После разборки части фундамента и расчистки выяснилось, что плита уходила под фундамент еще на 0,35 м. Таким образом, точная ширина плиты 0,80 м. Под нею оказалось мужское погребение в такой же грунтовой яме, как и предыдущие. Скелет лежал вытянутым на спине, руки вдоль тела, головой на запад. Череп раздавлен и повернут лицом к югу. Около него найден штампованный серебряный бубенчик, на груди скелета второй такой же бубенчик с серебряной цепочкой. У левого плеча найден бронзовый бубенчик. Важно отметить, что это погребение было перекрыто фундаментом здания. Следовательно, оно предшествовало строительству церкви.

В заключение описания раскопок этого помещения отметим найденные внутри него, но не относящиеся к погребениям, кусок штукатурки со следами красной и черной красок, ножку стеклянного бокала цилиндрической формы и высотой около 4 см, 30 фрагментов черно-серой керамики и 48 обломков плоской черепицы.

В ходе раскопок вдоль восточной стены помещения была оставлена бровка, имевшая в высоту 1,10 м. В ней выделялись следующие слои:

1. Нижний слой толщиной 0,30–0,35 м – желто-серый суглинок с примесью щебня и кусочков кирпича. В этом слое находились могильные ямы.

2. Слой светлосерого цвета, толщиной 10 см, насыщенный золой, древесными угольками с включением камешков и кусочков кирпича.

3. По структуре и характеру аналогичен предыдущему, но более светлый из-за примеси раствора. На расстоянии 1,82 м от северной стены этот слой становится чисто белым известковым, постепенно увеличиваясь в толщину. У южной стены он достигает мощности более 6 см. Указанный слой извести подстилала прослойка черно-коричневого цвета, насыщенная углем и золой.

4. Светлосерый слой, аналогичный второму слою. Насыщен раствором, углем, битым кирпичом. Посередине слоя наблюдалась темно-серая прослойка.

5. Слой строительного мусора толщиной 0,30–0,31 м насыщен большим количеством раствора, битым кирпичом, строительным камнем, угольками.

6. Верхний слой толщиной от 0,20 до 0,23 м – скорее всего связан с периодом запустения и разрушения церкви. Он включал массу битого кирпича (с почти целыми), щебень и раствор.

В целом описанные напластования можно разделить на предматериковый пласт (слои 1 и 2), содержащий погребения, и пласт строительного мусора (слои 3–6), хронологически соответствующий как времени строительства, так и времени разрушения здания.

Таковы результаты раскопок церкви 2. К этому добавим, что при раскопках вокруг церкви и внутри неё открыто 29 погребений в грунтовых ямах (не считая погребений в крипте). Все они совершены по христианскому обряду – головой на запад, вытя-

нуты на спине и без вещей. Разница наблюдалась только в положении рук – у одних погребенных они были вытянуты вдоль тела, у других скрещены на тазе. Особенно много могил обнаружено вдоль южной стены церкви. Некоторые погребения размещались одно над другим, причем скелеты нижнего яруса оказывались разрушенными и перемешанными.

Тридцатое погребение находилось в кирпичном саркофаге у северной стены церкви. Крыша саркофага располагалась на уровне кладки фундамента, что указывает на то, что саркофаг находился под землей. Длина его 2,40 м, ширина 1,15 м, высота 0,80 м. Сложен из такого же квадратного (25 x 25 x 5 см) кирпича, как и церковь. Крыша имела два слабо выраженных почти плоских ската, сложенных из двух рядов кирпича по 9 штук в каждом ряду и положенных под углом (что и создавало угол наклона ската). Все сооружение возведено на сером известковом растворе за исключением восточной стены, сложенной из пяти рядов кирпича насухо. В северо-западный угол в основание кладки был вложен серый блок из мягкого песчаника, размером 0,45 x 0,25 м. Несколько камней и булыжников подпирали восточную стену. В последней имелся пролом, скорее всего сделанный грабителями. Камера саркофага была заполнена землей с включением битого кирпича, кусочков раствора, штукатурки и угольков. На разных уровнях в земле встречены перемешанные кости ребенка и отдельные кости взрослого. В западной части камеры оказалось серебряное височное кольцо из толстой проволоки с несомкнутыми концами. На покрытом слоем серого раствора полу саркофага расчищены остатки мужского скелета, лежавшего вытянутым на спине, головой на запад. Череп был разрушен, никаких находок (за исключением упомянутого кольца) не оказалось. С внутренней стороны стены саркофага были оштукатурены.

Совершенно очевидно, что в саркофаге, как и в крипте, были захоронены представители местной социальной верхушки, тогда как рядовые члены христианской общины Верхнего Джулата размещались вокруг церкви в скромных грунтовых ямах. На Верхнем Джулате подобное погребальное сооружение встречено впервые, но в 1909 г. Г.Н. Прозрителев вскрыл кирпичный саркофаг со сводчатым покрытием в золотоордынском городе Маджары.

Внутри был обнаружен костяк, лежавший также вытянутым на спине, головой на запад – погребальный обряд идентичен (Прозрителев Г.Н. 1910. Снимок).

2.3. Церковь 3

В южной части городища и на расстоянии около 700 м к юго-востоку от церкви 2 на кукурузном поле нами было обнаружено всхолмление, вытянутое с запада на восток и усеянное битым кирпичом и раствором. Возможность открытия здесь еще одной церкви была весьма вероятной и всхолмление было разрезано двумя разведочными траншеями, ориентированными с юга на север. В западной траншее удалось найти кирпичную стену, после чего был заложен раскоп площадью около 150 кв м, открывший руины церкви. Здание покрывал слой строительного мусора толщиной 0,70–0,80 м, состоящий из битого кирпича, черепицы и кусков раствора и плотно слежавшийся. Из находок в слое строительного мусора отметим фрагменты полукруглой в сечении калиптеры, совершенно аналогичной калиптере из церкви 2, а также многочисленные обломки плоской черепицы – солены с бортиками, но с иными клеймами – в виде трёх круглых выпуклин, расположенных треугольником. Точно такие клейма на плоской черепице зафиксированы при раскопках церкви 1 в 1959 г. Строительных надписей на черепице здесь не обнаружено.

Церковь 3 невелика по размерам. Её длина (внешний обмер без пристроек) равна 9,0 м, ширина – 5,60 м, общая длина с пристройками 13,40 м. По своему плану она значительно проще церкви 2, так как состоит из одного помещения без крипты. Помещение (наос) прямоугольное, размеры в интерьере 4,60 х 4,0 м. С востока оно завершается разрушенной, но прослеживаемой по булыжной кладке фундамента апсидой. Довольно хорошо сохранились стены здания – северная, западная и южная, сложенные из квадратного кирпича и чередующихся валунов на прочном известковом растворе. Техника кладки стен аналогична технике кладки церкви 2. Средняя толщина раствора между кирпичами 3 см.

Основу кладки северной стены составляют четыре валуна значительных размеров: 0,48 х 0,46 м, 0,56 х 0,47 м и т.д. Промежутки между ними заложены кирпичом в один ряд. Размеры кирпича 26 х 26 см и 25 х 25 см при толщине 5 см. Высота сохранившегося участка стены 0,60 м, толщина стены 0,81–0,83 м. Стена возведена на фундаменте из булыжника так же, как в церкви 2. Судя по

сохранившимся пятнам штукатурки, интерьер помещения был облицован.

Южная стена по технике кладки ничем не отличается от северной стены. В нее также входили четыре валуна, разделенные кирпичами в один ряд. Высота стены 0,38–0,46 м, толщина 0,85 м; фундамент состоял из двухрядной кладки булыжника. На расстоянии 1,30 м от юго-западного угла в стене имелись следы входа шириной 1,0 м. Порог проёма был поднят на полом церкви на 0,28 м.

Западная стена была сложена из кирпичей в «перевязь» на булыжном фундаменте. С наружной стороны в кладку входили три валуна, разделённых прослойками кирпича. Высота стены 0,35 м, толщина 0,82 м. С внешней стороны стен штукатурка не отмечена. Видимо, экстерьер здания облицован не был.

Пол церкви был сплошь выложен стандартными кирпичами одинаковых размеров (24 x 24 см, 25 x 25 см), положенными рядами вплотную друг к другу. Вдоль стен кирпичная кладка пола обрамлена кирпичами, поставленными на торец. Сверху пол был покрыт слоем серого известкового раствора толщиной 1 см, сохранившегося в некоторых местах. Отметим также небольшой уклон пола с запада на восток, к алтарю.

Алтарная часть церкви была отделена своеобразной алтарной преградой: один ряд кирпичей положен плашмя, второй ряд из 13 кирпичей, поставленных на ребро. Ширина преграды 25 см, сложена на растворе, с лицевой (западной) стороны была оштукатурена. Высота алтарной преграды 21–23 см, размеры кирпичей 26 x 26 см, 25 x 25 см при толщине 4,5 см. Стоящие вертикально кирпичи были поставлены прямо на землю.

Как говорилось выше, апсида прослеживалась только по остаткам булыжного основания. Она была полуциркульной, с угловыми выступами – заплечьями с севера и с юга. Южный выступ имел ширину 0,63 м, ширина северного не устанавливалась. В северо-восточной части полукружия апсиды выявлена интересная деталь: кладка из булыжников, двух валунов и кирпичей, лежащих по прямой. Это остатки какой-то прямой стены, вписанной в апсиду. Длина стены 2,40 м, ширина – 0,40 м. Эта стена наводит на мысль о том, что апсида могла не быть выражена снаружи и была вписана в толщу прямой восточной стены, многочисленные примеры чему можно указать в церковном зодчестве

Грузии и Армении. Но от этой мысли приходится отказаться, так как рассматриваемая стена слишком тонка, а полуциркулярное основание выступающей апсиды прослеживается достаточно отчетливо.

При раскопках церкви в разных частях помещения найдены пять обломков клёпанных железных крестов (из них два у алтарной преграды), железный четырехгранный кованый гвоздь с круглой шляпкой и еще один обломок железного креста, случайно попавший в выброс. Этот крест имеет несколько необычную форму, ранее на Верхнем Джулате не встречавшуюся, и заостренный наконечник, вероятно, втыкавшийся в древко. Подобные кресты особо хорошей выработки нередко были выносными [Уварова П.С. 1894. С. 110. Рис. 83–85].

С западной стороны церковь имела две пристройки, именуемые нами склепом и мавзолеем. Склеп пристроен к западной стене церкви и сложен из тесаных песчаниковых блоков серого цвета без употребления кирпича и раствора. Размеры его внутри 2,70 x 2,70 м толщина южной стены (лучше сохранившейся) 0,42–0,50 м. Сооружение сильно разрушено и представить себе его объемы и характер перекрытия затруднительно. На его погребальное назначение указывал скелет (погребение 10), располагавшийся вдоль северной стены. Кости последнего были перемешаны и разбросаны, череп раздавлен. Находок нет.

С южной стороны к склепу примыкала вымостка из валунов и камней. Крайние камни с южной и западной сторон стояли на ребре. Размеры вымостки 2,70 x 1,23 м. Погребений под ней не оказалось она, вероятно, была выложена перед входом в склеп.

К склепу с запада был пристроен четырехугольный мавзолей, сложенный из квадратного кирпича на растворе, толщина слоя раствора 2–3 см. Размеры мавзолея 4,12 x 3,20 м. (наружный обмер), толщина стен различна: 0,24 м (восточная), 0,36 м (западная), 0,39 м (южная) и 0,42 м (северная). Восточная стена была сложена в один кирпич, остальные стены в полтора кирпича в ширину. В высоту стены сохранились от 0,48 м (северная) до 0,58 м (восточная). С внутренней стороны на стенах мавзолея сохранились следы штукатурки серого цвета, толщина слоя 1,0–1,5 см.

В юго-западном углу мавзолея расчищен входной проем, имевший ширину 0,73 м и двухступенчатый порожек. Высота ступеней: верхней 0,21 м, нижней 0,30 м. В западной стене про-

ема было сделано углубление для крепления дверной коробки, ширина выемки 8 см.

С восточной стороны к проему примыкала выступающая внутрь помещения пилястра, сложенная из полутора кирпичей. Размеры ее 0,37 х 0,17 м; пилястра в высоту сохранилась на 0,50 м, сложена она на растворе толщиной 3–4 см. С противоположной стороны (в северной стене) заметны следы второй выступающей пилястры, разрушенной и сравненной со стеной. Следует полагать, что пилястры поддерживали перекрытие мавзолея.

Характерно, что все стены мавзолея поставлены на землю без фундамента и цоколя. Примеры такой кладки кирпичных построек в золотоордынских городах не единичны [Лебедев В. 1958. С. 22, 25; Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. 1970. С. 153].

Внутри мавзолея расчищены 9 погребений, совершенных по христианскому обряду – вытянутыми на спине, головой на запад, с вытянутыми руками. Остановимся на тех погребениях, в которых содержался инвентарь.

Погребение 1. Женский скелет лежал в гробе, сделанном из половинок (12 см) кирпичей, пристроенном к восточной стене мавзолея. Никаких признаков перекрытия гроб не имел, пол его был выложен пятью кирпичами. Высота гроба от пола 0,26 м, длина 1,50 м, ширина 0,36 м. На стенках внутри и снаружи были остатки штукатурки. Положение скелета устанавливалось по костям ног и рук, большая же часть его была сдвинута в кучу в северо-западный угол. Здесь же лежали кости маленького ребенка, рядом с ними – череп женщины и красно-коричневый кувшин с ручкой и высоким горлом. Высота кувшина 12,5 см, на тулове два орнаментальных пояса, состоящих из трёх бороздок, между которыми заключены по три косых вдавления. Ещё один такой орнаментальный поясок расположен ниже венчика, а еще ниже – крутая трехрядная волна. Между бедренных костей лежали два железные кольца, у стопы правой ноги – круглая костяная пуговица с отверстием в центре, орнаментированная по поверхности кружками, а по боковой стороне прямыми линиями, образующими углы. Около черепа обнаружены серебряное височное кольцо с несомкнутыми концами и серебряная пуговица «желудь» с петелькой и треугольниками из зерни на поверхности. К юго-восточному углу гроба, но с внешней его стороны, был приклонен склепанный из двух железных пластин крест. Размеры

креста 24 x 8 см. Около западной стенки гроба найден еще один клепаный крест длиной 18,5 см, возможно, относящийся к погребению 3.

Погребение 2. Сдвинутый в кучу скелет лежал в северо-западном углу мавзолея. Здесь же находился коричнево-красный лощеный кувшин с ручкой. Корпус и горло украшены орнаментальными поясками из углубленных бороздок.

Погребение 4. Располагалось против входного проёма. У голени левой ноги обнаружена пластинка от клепаного креста, у левого плеча – кусок плоской черепицы с бортиком. Толщина черепицы 2 см, высота бортика 5 см (к инвентарю погребения не относится).

Погребение 6. Скелет подростка лежал вдоль южной стенки кирпичного гроба. В ногах найдены три круглые бронзовые бляшки.

С южной стороны церкви 3 (точнее рядом с вымосткой, прилегающей к склепу) обнаружен кирпичный саркофаг, аналогичный саркофагу у церкви 2. Саркофаг имел плоскую крышу, выложенную квадратным кирпичом в один ряд на известковом растворе, размеры кирпича – 27 x 27 x 5 см. Размеры крыши – 3,20 x 1,65 м, ориентирована по линии запад-восток.

После удаления крыши открылся саркофаг, перекрытый сводом из кирпичей, поставленных на ребро, связанных толстым слоем раствора и образующих над камерой два ската. В месте стыка скаты упирались друг в друга, благодаря чему держались достаточно прочно. Стены саркофага были сложены из половинок кирпича на растворе; длина его 1,75 м, ширина – 0,52 м. Камера заполнена землей с кусочками раствора и отдельными угольками; кроме того, здесь же оказались четыре бараньих астрагала. На земляном полу расчищен мужской скелет, лежащий вытянутым на спине, головой на запад. Находок в камере не обнаружено, но у северной стены саркофага (снаружи) на глубине 0,48 м обнаружен коричневый кувшинчик с ручкой и двумя орнаментальными поясками из углубленных бороздок.

На вскрытой вокруг церкви площади обнаружено еще 13 погребений, совершенных в грунте по христианскому обряду – вытянутыми на спине, с вытянутыми конечностями и головой на запад. Почти все они были без вещей. Лишь в погребении 2 найден железный четырехгранный гвоздь без шляпки, маленькая

бронзовая скоба, фрагмент височного кольца из витой серебряной проволоки и целое кольцо в полтора оборота, сделанное из такой же проволоки и с ушком на конце. В погребении 18 оказались: серебряное со следами позолоты височное кольцо в полтора оборота, на конце гроздь из четырех шариков и напаянное сверху ушко, серебряная пуговица «желудь» длиной 1,9 см; сверху имеет ушко, окруженное пояском зерни. Поперек «жолудя» идёт ещё один поясok из зерни, а ниже него опускаются пять треугольников, также заполненных зернью. Внизу «желудь» завершается четырьмя шариками, составляющими гроздь. Круглая штампованная серебряная пуговица типа бубенчика; горизонтальным рельефным пояском поверхность её разделена на две половинки, в каждую из которых заключено по четыре двойных концентрических кружка; еще два таких же кружка находились вверху и внизу пуговицы. В центр верхнего кружка вставлено ушко, нижнего – припаянный шарик.

Отметим также, что группа погребений с западной стороны мавзолея (погр. 14, 15, 17, 21, 22, 24) была обложена булыжником с северной и западной сторон. Погребения 14, 15 и 21 отделены друг от друга стенками из булыжников. Вымостка, заключающая в себе эти три погребения, в плане почти прямоугольная, размеры её 2,0 x 1,96 м. Средняя глубина залегания грунтовых погребений 0,45–0,48 м.

Таковы основные данные о верхнеджугатских церквях 2 и 3. Несомненно, оба памятника представляют собой комплексы, состоящие из разновременных частей. Какова их хронологическая последовательность?

Не вызывает особых сомнений последовательность создания комплекса церкви 3. Совершенно очевидно, что сначала была построена церковь, вокруг которой стал расти могильник (ни одна из могил церковью не перекрыта). Затем на расстоянии 2,70 м к западу от церкви был сооружен кирпичный мавзолей, стоявший отдельно. В третью очередь промежуток между западной стеной церкви и мавзолеем был занят сооружением, условно названным нами склепом, а участок перед склепом и мавзолеем с юга был вымощен. Общность строительного материала (камень баз применения кирпича) и кладки позволяет объединить хронологически склеп и вымостки. Наиболее поздним в комплексе является, по-видимому, кирпичный саркофаг, залегающий на

одном уровне с вымосткой и входным проёмом в южной стене церкви (имеем в виду уровень перекрытия саркофага). Нам представляется, что саркофаг синхронен погребениям 14, 15, 17, 19, 20, 21, 22 и 24, окружающим склеп и мавзолей, более поздним, чем они. Таким образом рост кладбища около церкви происходил в западном и юго-западном направлениях.

Обратимся к строительной стратиграфии комплекса церкви 2. И здесь мы можем уверенно говорить о разновременности строительства восточного и западного помещений. Об этом свидетельствует разная техника кладки (декоративная кладка с применением тесаных блоков в рамке из кирпичей отсутствует в восточном помещении), отсутствие перевязи между помещениями, несовпадение поверхностей южных стен обоих помещений, различный состав раствора – в западном помещении он был темнее, в восточном светлее. Какое из помещений было построено раньше?

В первой публикации говорилось, что западное помещение было построено раньше, а к нему несколько позже пристроили восточную часть комплекса с криптой [Кузнецов В.А. 1964. С. 109]. Основанием для такого заключения послужило то обстоятельство, что раствор южной стены восточного помещения в одном месте перекрывал южную стену западного помещения. Но это могло быть не только при строительстве, но и при ремонте стен на данном участке. Значительно более важными представляются иные детали. Так, весьма существенно то, что погребение 29 было перекрыто фундаментом западного помещения (см. выше). Отсюда представляется бесспорным, что могила 29 старше этого помещения, что когда она сооружалась, кладбище около церкви уже функционировало. Следовательно, восточное помещение комплекса, т.е. собственно церковь, было построено первым. Как и в церкви 3, вокруг него быстро возникает христианский могильник: погребения окружают церковь с востока, севера и юга, а с западной стороны появляется могила 29. В ходе строительства западного помещения она не была замечена (кстати, об этом свидетельствует и толстый слой извести, связанный с сооружением западного помещения и перекрывающий погребение 29) и частично оказалась под южной стеной.

Наконец, в пользу указанной последовательности строительства свидетельствует и то, что западное помещение не имеет вос-

точной стены – ею служит западная стена церкви. Совершенно очевидно, что если бы западное помещение было построено раньше и функционировало самостоятельно, оно имело бы все четыре стены. Такова хронологическая последовательность строительства.

Наиболее поздними следует считать погребения 13, 17, 20, 21 и 28 внутри западной пристройки и погребения 8, 9, 10, 11, 12, 18, 19, 22 и 23 вокруг неё. Как видим, и здесь на основании существующих материалов устанавливается рост кладбища в западном и юго-западном направлениях от церкви. Очень поздним, несомненно, является и погребение 7, перекрывающее кирпичный саркофаг у северной стены церкви. Оно указывает на то, что саркофаг не принадлежит к числу позднейших захоронений.

Коснемся еще одного аспекта, относящегося к западному помещению. Ранее оно считалось притвором церкви [Там же. С. 108]. Вряд ли эта интерпретация помещения верна. Притвор является компонентом церкви, а как показывают наличные материалы, на Верхнем Джулате не было принято хоронить в церквях – все погребения располагаются либо вокруг церкви – в группе и специальных погребальных конструкциях (мавзолеях, склепах, саркофагах), либо в погребальных криптах под алтарем. Исключений из этого правила нет. В западном же помещении мы имеем по крайней мере пять погребений, связанных с ним функционально (кроме погр. 29). Это противоречит интерпретации помещения как притвора – части церкви. В свете приведённых фактов правильнее считать западное помещение таким же специальным погребальным сооружением, как склеп и мавзолей, пристроенные с запада к церкви 3. Иными словами, это такой же мавзолей или мавзолей, но объединенный в один композиционно-пространственный комплекс с церковью. Входные проёмы в западных стенах мавзолея и церкви указывают на то, что через мавзолей ходили, и это ещё раз подчеркивает единство восприятия всего комплекса в целом.

2.4. Церковь 4

Случайно открыта во время пешей разведки в районе Эльхотовских ворот В.А. Кузнецовым и Т.Б. Тургиевым в 1959 г. На

дневной поверхности наблюдалось небольшое всхолмление, содержащее уже знакомый нам строительный мусор, типичный для золотоордынской застройки Верхнего Джулата: битые квадратные кирпичи, следы известкового раствора, несколько фрагментов черепицы. Возникло предположение, что здесь находится разрушенная постройка, хотя поначалу такая мысль казалась слишком смелой – на правом берегу Терека никаких следов правобережного Верхнего Джулата до тех пор не было. Расположенное несколько южнее у современной автотрассы Эльхотовское городище (осет. «Эльхоты ком») на четырех отдельно стоящих холмах дало археологический материал кобанского и аланского – дозолотоордынского времени [Кузнецов В.А. 2003. С. 19. Рис. 3].

Объект расположен примерно в 2,5 км к юго-востоку от с. Эльхотово и близ автотрассы и памятника защитникам Эльхотовских ворот в 1942 г. Исследовать его, по различным обстоятельствам, удалось в июле 1977 г. Здание, подобно другим памятникам Верхнего Джулата, стояло на булыжном фундаменте, стены были возведены из квадратного кирпича размером 24 x 24 x 5 см. В высоту стены сохранились до 0,55 м, хорошо прослеживалась кладка апсиды, и это позволило получить достаточно достоверную картину плана и некоторых важных деталей здания. Это типичная небольшая церковь-капелла, хорошо нам знакомая по многим аналогичным памятникам Западной (верхнекубанской) Алании XI–XII вв. – например, церкви на городище Амгата, ущелье р. Теберда; на поляне летней МТФ Ильичевского городища, р. Уруп [Кузнецов В.А. 2002. Рис. 3,2; рис. 15,1]; церкви т.н. «малых форм» на Нижне-Архызском городище [Кузнецов В.А. 1977. Рис. 19, 1–2] и др. [Каминский В.Н., Каминская И.В. 1996. С. 172–180]. Та же полуциркульная, обращенная на восток (с небольшим отклонением к северу) апсида, выступы-заплечья при переходе от апсиды к продольным стенам, вход в западной стене. Наконец, нельзя не отметить особо наличие в апсиде двуступенчатой солеи и в ее центре выделенное основание каменного престола, а в северной части солеи – сопрестолie. Престол выложен из кирпичей, размеры его 0,40 x 0,30 м, высота над полом 0,26 м; сопрестолie на расстоянии 0,53 м от престола, также кирпичное, шириной также 0,30 м, в апсиду выступает на 0,22 м. В интерьере церкви вдоль северной южной и западной стен на высоте 18 см от пола про-

ходит ступень шириной в кирпич (25–26 см), облицованная серой штукатуркой. Такой же штукатуркой были покрыты стены. Покрытие пола из известкового раствора. Длина здания 6,60 м, ширина 4,50 м, размеры интерьера 3,70 x 2,60 м.

Как видим, типологическое сходство церкви 4 с западноаланскими «малыми формами» очевидное и бьет в глаза. В архитектурных формах церковей Верхнего Джулата и особенно в церкви 4 преобладает каноническая схема, бытовавшая на обширной территории – все это обычно для небольших приходских церквей X–XII вв верховьев Кубани, Большой Лабы, Большого Зеленчука, Крыма, Черноморского побережья, Абхазии, Балкан – в ареале провинциально-византийской христианской архитектуры. Только в Абхазии подобных капелл с «открытой» (не вписанной в толщу восточной стены) апсидой известно около 100 [Бартольд В.В. 1963. С. 863]. В пределах указанной канонической схемы существуют различные частные особенности, но сохранение главных принципов очевидно.

Иное дело строительные материалы и техника кладки. Применение кирпича, черепиц, бетона в местном строительстве до XIII в. неизвестно, в раскопках аланских городищ X–XII вв. представлена иная строительная культура. Это определяет датировку церкви 4 тем же XIV в., возможно, его первой половины, как и описанные выше архитектурные памятники Верхнего Джулата.

С юго-восточной стороны церкви 4 располагалось христианское кладбище. Вскрыто 21 погребение. Могилы 11 и 21 со скорченными костяками дали небольшой материал кобанской эпохи. По-видимому, они относятся к могильнику кобанского поселения «Эльхоты ком» в 3 км юго-восточнее с. Эльхотово (рядом с автодорогой), основной культурный слой которого раннесредневековый. Кобанский слой относится к X–VIII вв. до н.э. [Чушиев Х.Т. 2007. С. 196–197], но памятник не исследован. Остальные захоронения совершены по христианскому обряду и без вещей. Е.И. Нарожный высказал интересную, хотя и труднодоказуемую мысль о том, что данный могильник оставлен аланами Придариалья, продолжавшими доминировать здесь и во время господства Золотой Орды, в том числе на Верхнем Джулате [Нарожный Е.И. 2008. С. 274–276]. Это находит подтверждение в антропологических материалах, не замеченных Е.И. Нарожным: серия черепов из мусульманских и христианских могильников Верхнего Джулата,

исследованная В.П. Алексеевым, не содержит следов монголоидной примеси и признана местной. Участие монголоидного элемента в сложении антропологического облика золотоордынских городов Северного Кавказа было минимальным [*Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский А.Т.* 1987. С. 217, 226].

Основным погребальным сооружением оказался подземный кирпичный склеп в 2,50 м юго-восточнее церкви. Склеп состоял из погребальной камеры и дромоса. Камера в плане квадратная, ее размеры 2,0 x 2,0 м; в сферическом своде на высоте 1,40 м от пола имелось круглое отверстие 0,45 x 0,45 м, ничем не закрытое. Переход от четверика к своду выполнен при посредстве угловых тропов, наклоном кирпичей внутрь камеры с утолщением слоя раствора наружу. Кирпич аналогичен кирпичу, из которого сложена церковь 4; стены и пол камеры были облицованы серым известковым раствором. В заполнявшей камеру земле обнаружены перемешанные кости нескольких погребенных. Их число и положение не поддавались определению. Никаких вещей не обнаружено.

С древней дневной поверхности в камеру вел дромос, сложенный из стандартного кирпича и также облицованный серым известковым раствором. Длина дромоса 2,10 м, в нем четыре ступени, ведущие к входу в камеру склепа. Входной проем очень узкий и тесный, высотой 0,93 м, завершался стрельчатой аркой [*Кузнецов В.А.* 2003. С. 145. Рис. 44].

Как уже отмечалось, «это первый автономно стоящий подобного типа склеп», конструктивно близкий аналогичному кирпичному склепу XIV – начала XV в. на Селитренном городище в Поволжье [*Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* 1972. С. 308–316], склепам – криптам в алтарной части верхнеджулатских церквей 1 и 2. Описываемый склеп близ церкви 4 пролил свет на вопрос о генезисе подалтарных крипт в апсидах церквей 1 и 2. Упомянутые крипты представляют типичный золотоордынский склеп, встроенный в апсиду церкви и ставший ее субструкцией. На примере верхне-джулатских крипт можно видеть, как произошло совмещение двух разных историко-культурных традиций – провинциально-византийской и золотоордынской. Следует подчеркнуть, что это погребальное сооружение, принятое в Ордынской мусульманской среде, было помещено на христианском кладбище. И это еще раз свидетельствует о культурном синкретизме и

интеграции различных по происхождению этнокультурных элементов в Золотой Орде.

О характере этих культурных традиций, переплетавшихся в строительстве Верхнего Джулата, выше уже говорилось. Наши наблюдения над техникой кладки мусульманских построек Верхнего Джулата свидетельствуют об участии в их строительстве мастеров из Азербайджана [Кузнецов В.А. 2002. С. 145]. Особенно это касается Татартупского минарета и применение «ганджинской» техники кладки, совершенно неизвестной в местной культуре дозолотоордынского времени. Наряду с применением «ганджинской» техники кладки в строительстве церкви 2 была применена черепица грузинского производства со строительной надписью «по велению» (Кого? К великому сожалению, имя повелителя не сохранилось). Ясно, что тяжелую черепицу, сделанную в Грузии, через горные перевалы на Джулат не везли. Ее делали на месте грузинские мастера черепичники. Речь идет именно о черепице, но не строительстве верхнеджулатских церквей грузинскими мастерами, как это казалось З.Ш. Дидебулидзе [Дидебулидзе З.Ш. 1983. С. 56], а также как «конструктивная позиция» В.Б. Виноградову и С.А. Головановой [Виноградов В.Б., Голованова С.А. 1981. С. 153]. Кроме упомянутых грузинских букв на обломках черепицы из завала церкви 2, других явных признаков грузинского присутствия на Верхнем Джулате нет.

2.5. Датировка архитектурных памятников Верхнего Джулата

Выше уже было высказано несогласие с датировкой Е.И. Крупновым церкви 1 XII в. [Крупнов Е.И. 1963. С. 65]. Предложенная Е.И. Крупновым дата явно не увязывалась с хронологией других архитектурных памятников Верхнего Джулата и искажала историческую перспективу. Учитывая важность данной проблемы, остановимся на ней несколько подробнее.

Датировку церкви 1 XII в. Е.И. Крупнов не связал с культурой эпохи Золотой Орды и писал: «Вне всякого сомнения, публикуемый храм связан не с грузинским, а с византийско-славянским, точнее, древнерусским церковным зодчеством... открытый на городище Верхнего Джулата является источником, освещающим

культурные связи Кавказа с Древней Русью» [Крупнов Е.И. 1963. С. 63, 65]. Аргументы ученого следующие: наличие выступающей апсиды, соразмерность в плане со ссылкой на К.Н. Афанасьева, ряд древнерусских типологических аналогий (преимущественно на Украине), мнения нескольких консультантов-археологов о том, что «тип небольшого одноапсидного храма доживает в древнерусской архитектуре до XIII в.» [Там же. С. 64]; далее «наличие в верхнеджугатском храме подалтарной крипты также подтверждается балканскими и древнерусскими аналогиями [Там же. С. 65]. Крипту Е.И. Крупнов посчитал «обычной в храмах в древней Руси и всего славянского мира» [Там же. С. 54]. Все сказанное имело прямое отношение к определению датировки церкви 1 непременно дозолотоордынским временем. Налицо были и конъюнктурно-идеологические соображения, распространенные в то время и не имеющие отношения к научному исследованию. Об этом приходится говорить, так как ошибочные положения Е.И. Крупнова стали находить место в некоторых исторических трудах (см., напр., Гутнов Ф.Х. 1989. С. 27).

Аргументация Е.И. Крупнова отводится нами по следующим причинам:

1) стратиграфия указывает на то, что памятник построен позже XII в. – в ходе раскопок под фундаментом церкви было открыто 28 ям с керамическим материалом X–XII вв. и гончарная печь того же времени, перекрытая северной стеной. Следовательно, стратиграфические данные свидетельствуют о строительстве церкви после XII в.;

2) типологические параллели композиции внутреннего пространства не дают оснований для датирования церкви 1 именно XII в. – эти параллели могут быть указаны как для более раннего, так и для более позднего времени. В частности, одна из основных аналогий, используемых Е.И. Крупновым и О.В. Милорадович, – Боянская церковь в Болгарии, – согласно последним исследованиям болгарских специалистов датируется в своей ранней части не XII, а X в. [Стойков Г. 1965. С. 126]. Для более позднего времени отметим аналогичную по плану церковь конца XIV – начала XV в. в Тквири на р. Рион, кстати также сложенную из камня и кирпича [Такайшвили Е.С. 1961. С. 284–300];

3) анализа техники кладки в работе Е.И. Крупнова мы не находим. Вместо него даётся пространный экскурс о времени бытования квадратного кирпича на территории Восточной Ев-

ропы, Средней Азии, Закавказья и т.д., что приводит автора к выводу о бесполезности кирпича как датирующего материала [Крупнов Е.И. 1963. С. 63]. Применительно к Северному Кавказу с этим трудно согласиться. В данной связи подчеркнём, что в аланских памятниках домонгольского времени употребление жжёного кирпича совершенно неизвестно; массовое производство и употребление кирпича здесь начинается с золотоордынской эпохи, т.е. не раньше второй половины XIII в. [Кузнецов В.А. 1971. С. 192]. Следовательно, наличие кирпича даёт нам нижнюю дату и позволяет использовать этот строительный материал для установления относительной хронологии, а последняя противоречит датировке кирпичной церкви 1 XII в.

То же самое можно сказать о кровельной черепице. Черепица, найденная в церкви 1 и над погребениями под полом большой мечети Верхнего Джулата (относящейся к XIV в.), совершенно одинакова;

4) привлекаемый Е.И. Крупновым для датировки церкви 1 вещественный материал не убеждает в её принадлежности к XII в., скорее наоборот. Так, каменный яйцевидный кистень, сопоставляемый с кистенем из русского слоя Саркела, стратиграфически связан не с церковью, а с подстилающим её культурным слоем X–XII вв. [Крупнов Е.И. 1963. С. 60]. Железные клёпанные кресты на Кавказе бытуют очень давно (что отмечает и Е.И. Крупнов) и не являются узко датируемым материалом. Обломки сосуда красно-кирпичного цвета с лощением и волнисто-чеканным орнаментом, черепки поливной тарелки зеленого цвета, серебряные витые височные кольца, красноглиняная чашечка-ковшик, несомненно, относятся к золотоордынскому периоду* и стратиграфически увязываются с церковью, а не со слоем X–XI вв.

Все сказанное убеждает в том, что церковь 1 (а с нею и церкви 2 и 3) не может быть датирована временем раньше XIII в., а существующая в литературе дата XII в. ошибочна.

Как следует датировать церкви Верхнего Джулата?

* Аналогичные витые кольца есть в погребениях XIII–XIV вв. христианского могильника у церкви 1 (О.В. Милорадович. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. МИД СССР. № 114. С. 105. Рис. 5,14). Поливная зеленая тарелка идентична декоративным тарелкам Таратупского минарета XIV в. (О.В. Милорадович. Ук. соч. С. 98) и в крипту попала случайно. Керамика красно-кирпичного цвета и высококачественного обжига характерна для золотоордынского слоя городища.

Строительство их в золотоордынскую эпоху не вызывает сомнений. В пользу данного вывода чётко свидетельствуют перечисленные выше факты и прежде всего массовое применение квадратного «мамайского» кирпича, стандарты которого вполне типичны для золотоордынских городов [Смирнов А.П. 1953. С. 251], и черепицы с грузинскими буквами конца XIII – начала XIV в. (по Т.В. Барнавели). Но наши аргументы этим не исчерпываются.

Церкви Верхнего Джулата не могут рассматриваться изолированно от его мусульманских памятников – мечетей и Татартупского минарета, ибо их сближают «черты определенных традиций в строительной технике, объединяющей все данные памятники», как то справедливо замечено О.В. Милорадович. На первом месте в числе этих традиций назовем одинаковые строительные материалы в христианских и мусульманских зданиях (кирпич, черепица, раствор, штукатурка) и идентичную технику кладки. Эти факторы нельзя не учитывать при датировке церквей Верхнего Джулата. Но все известные нам мусульманские памятники этого города относятся к XIV в.; самым изученным и эталонным среди них является Татартупский минарет, обоснованно датированный О.В. Милорадович временем хана Узбека

Коснёмся некоторых особенностей архитектуры церквей Верхнего Джулата. Характернейшей чертой церквей 1 и 2 являются сводчатые подалтарные крипты. Эта черта вполне четко выделяет упомянутые церкви среди синхронных (да и более ранних) памятников зодчества Кавказа. В настоящее время мы можем указать лишь две кавказские параллели: церковь XIII–XIV вв. с подалтарной криптой в Цкелари (упоминалась выше) и церковь Байрым в сел. Верхний Чегем в Балкарии со сводчатым склепом под восточной частью здания. Фрагменты керамики и отдельные предметы из этой крипты, помещённые в отчете П.Г. Акритаса, могут быть отнесены к XI–XIV вв. Но крипты Цкелари и Байрыма в конструктивном отношении отличны от крипт Верхнего Джулата и речь здесь может идти лишь о применении одного принципа, выраженного в различных конструктивных вариациях. В более северных районах Золотой Орды и других золотоордынских городах церкви с подобными криптами неизвестны и пока они остаются локальной особенностью Верхнего Джулата.

Когда Е.И. Крупнов готовил свою публикацию о церкви 1, никаких аналогий подалтарной крипте в золотоордынских памятниках не существовало. Теперь положение изменилось. В 1969 г. на Селитренном городище (Старый Сарай) А.Г. Мухамадиевым и Г.А. Федоровым-Давыдовым исследован упоминавшийся подземный склеп, сложенный из жженого кирпича и по всем основным показателям совпадающий с криптами верхнедзулатских церквей (квадрат в плане, переход от квадрата к кругу при помощи угловых парусов, низкий вход с арочным завершением и т.д.). [Мухамадиев С.Е., Федоров-Давыдов Г.А. 1972. С. 308–316]. Удивительно, что авторы публикации не обратили внимания на крипты Верхнего Джулата, дающие возможность провести между ними прямую связь. Эта последняя настолько очевидна, что склеп Селитренного городища воспринимается как наши крипты, вынесенные на кладбище отдельно от церкви, но предназначенные для погребения мусульман, а не христиан.

Внутри склепа найдены пять захоронений и клад из 23 серебряных татарских монет XV в. На этом основании А.Г. Мухамадиев и Г.А. Федоров-Давыдов датируют склеп 30-ми годами XV в. С этой датой трудно согласиться, ибо монеты в данном случае указывают лишь на то время, когда склеп перестал функционировать (в своём отчете авторы высказывают более правильное суждение: «В 1430-х годах вход в склеп замуровали. Перед закладкой у входа внутри склепа положили мешочек с 23 серебряными монетами»). Следовательно, склеп строился и погребения в нём совершались несколько ранее, очевидно во второй половине XIV в.

Эта ближайшая аналогия криптам верхнедзулатских церквей, выявленная на территории Золотой Орды, дает достаточно надёжную дату, противоречащую дате Е.И. Крупнова. Она вновь убеждает в том, что обе верхнедзулатские церкви с криптами следует датировать XIV в.

Коснёмся планировки внутреннего пространства церкви 1 и мавзолея церкви 2. И для того, и для другого характерны квадратная конфигурация помещений и наличие угловых выступов – по одному (церковь 1) или два (церковь 2). Е.И. Крупнов искал типологические параллели на Руси и в архитектуре славянского мира. Но они есть гораздо ближе – в материалах

золотоордынских городов. В 1959–1960 гг. А.Е. Алихова на кладбище гор. Мохши исследовала кирпичный мавзолей 1, дающий в плане тот же вписанный крест с парными выступами в углах [Алихова А.Е. 1973. С. 229. Рис. 3]. Разница между мавзолеем Мохши, мавзолеем церкви 2 и церковью 1 Верхнего Джулата состоит лишь в том, что крестообразная планировка интерьера в Мохше выражена и снаружи, тогда как в названных памятниках Верхнего Джулата этой особенности нет – снаружи постройки были четырехугольными.

Мавзолей 1 гор. Мохши датирует монета, чеканенная в Сарае при Тохтамыше (1378–1396). Это наиболее ранняя из трёх найденных здесь монет (две другие русского князя Василия II, (1424–1462). На основании монетных находок А.Е. Алихова датировала мавзолей 1 Мохши началом XV в. [Там же. С. 233], хотя, следует заметить, строительство его в конце XIV в. исключать нельзя.

Приведем ещё одну, не менее показательную типологическую параллель, особенно близкую плану мавзолея церкви 2. Это широко известный на Северном Кавказе Брагунский мавзолей у сел. Плиево (Республика Ингушетия). Его плановое построение – квадратное помещение с вписанным внутрь крестообразным пространством и двойными выступами в углах [Щеблыкин И.П. 1928. С. 296; Кодзоев Н.Д. 2002. С. 74] – полностью соответствует плану мавзолея церкви 2 и очень близко плану церкви 1. Весьма характерно, что Брагунский мавзолей имеет подземную субструкцию – крипту с круглым в плане входным люком. Разница в том, что Брагунский мавзолей украшает на фасаде портал; он сложен из тесаного камня (кстати, объёмы и система перекрытия позволяют представить вероятные объёмы и перекрытия церкви и мавзолея церкви 2 Верхнего Джулата). Брагунский мавзолей имеет точную строительную дату, написанную по арабски на фасаде: 808 г. хиджры, что соответствует 1405–1406 гг. [Давров Л.И. 1966. С. 130].

Следовательно, есть все основания отнести установившуюся дату церквей Верхнего Джулата – XII или начало XIII в. – и датировать их XIV в., связав в единый историко-культурный комплекс с мусульманскими архитектурными памятниками Верхнего Джулата. Как было отмечено выше, О.В. Милорадович датировала Татартупский минарет (а вместе с ним и большую

мечеть) временем хана Узбека. Мне представляется, что эта дата, приемлемая для соборной мечети и Татартупского минарета, для золотоордынского строительства Джулата в целом должна быть несколько раздвинута. Открытие А.П. Руничем плиты со строительной надписью хана Джанибека на городище Маджары [*Ртвеладзе Э.В.* 1970. С. 253–254] свидетельствует о том, что и при преемнике Узбека Джанибеке (1342–1357) в золотоордынских городах Северного Кавказа продолжалась строительная деятельность, начавшая приходить в упадок лишь после смерти Джанибека и в связи с разгоревшейся в Орде межфеодалной борьбой. Периодом активной застройки Верхнего Джулата нужно считать время с начала и до 60-х гг. XIV в. и к этому времени относить и строительство церквей 1 и 2, несомненно, функционировавших продолжительное время.

О последнем свидетельствуют окружающие церкви христианские кладбища. Прежде всего укажем, что столь характерные кирпичные саркофаги у стен церквей 2 и 3 в золотоордынских памятниках не редкость и относятся к XIV в. Таков уже упоминавшийся выше саркофаг из Маджар, раскопанный Г.Н. Прозрителевым и аналогичные кирпичные саркофаги Увека, помещенные в книге Ф.Л. Баллода [*Баллод Ф.* 1923. С. 109]. Что касается грунтовых погребений, то незначительное количество вещей из них может быть датировано также XIV в. Таковы височные кольца из серебряной проволоки из погребения 21, штампованные бубенчики из погребения 29 (могильник у церкви 2). Поскольку могильник возник позже церкви, погребения следует датировать не только XIV, но и XV в., на что указывают стратиграфические данные (например, погребение 7, перекрывшее саркофаг XIV в. (у церкви 2). Окончательно в существовании захоронений XV в. вокруг церквей 1 и 2 убеждает бронзовая монета, чеканенная в Золотой Орде потомками хана Абдулаха в конце XIV – начале XV в. и связанная с погребением 70 около церкви 1 [*Милорадович О.В.* 1963. С. 101]. Наличие отверстия для подвешивания монеты позволяет датировать могилу 70 XV в.

Из этих фактов мы вправе сделать важный вывод о том, что вопреки существующим представлениям, жизнь в Верхнем Джулате не прекратилась после нашествия Тамерлана в 1395–96 гг. и продолжалась в XV в. Кстати сказать, подобные наблюдения сделаны и на золотоордынских городищах Поволжья [*Муха-*

матиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. 1972]. Относительно же Джулатов-Верхнего и Нижнего – добавим, что ни в «Книге побед» Низама-ад-дина Шами, ни в «Книге побед» Шерефа-ад-дина Али Йезди (основных источниках о нашествии Тамерлана) нет свидетельств о разрушении городов «области Джулат»; сказано только, что Тамерлан по берегу Терека пришел в Джулат, где «дал там войску провиант и устроил (ему) новый порядок» [СМОИЗО. 1947. С. 119, 175], т.е. перегруппировал. Видимо, население этих городов подчинилось Тамерлану без боя и было пощажено завоевателем.

Мы рассмотрели вопрос о датировке церквей 1 и 2. Время строительства церкви 3 определяется её строительными материалами и техникой кладки. Первые идентичны строительным материалам церквей 1 и 2, одинаковы даже клейма на черепицах. Техника кладки церкви 3 соответствует технике кладки мавзолея церкви 2, а также соборной мечети и основания Татартупского минарета (декоративное обрамление каменных блоков кирпичом). Это дает нам основание считать церковь 3 синхронной церквям 1 и 2 и время её строительства также отнести к первой половине (до 60-х гг.) XIV в. Эта дата подтверждается датируемым материалом из могильника у церкви 3.

Выше было сказано, что кирпичный саркофаг относится к XIV в., а немногочисленные находки из погребений имеют ближайшие соответствия в опубликованном О.В. Милорадович могильнике у церкви 1 (височные кольца, бубенчики, пуговицы костяные и «желуди» и т.д.), относящиеся к XIV–XV вв. Между прочим заметим, что пуговицы типа «желудь» задолго до монгольского нашествия производились в Волжской Болгарии, где они считаются чисто местным украшением [Смирнов А.П. 1951. С. 122. Табл. IV. С. 69–70], тогда как в средневековых памятниках Северного Кавказа они неизвестны. Поэтому данный элемент материальной культуры мы вправе считать не только привнесенным извне, но и указывающим на определенные связи Верхнего Джулата с городами Поволжья в эпоху господства Золотой Орды.

Каково происхождение церквей Верхнего Джулата и с какими культурными импульсами извне их можно связать? В христианском зодчестве Северного Кавказа домонгольской эпохи подобных памятников нет, и мы не можем видеть в них резуль-

тат местного имманентного развития. Нужно подчеркнуть, что архитектура Золотой Орды как историко-художественное явление пока изучена слабо, в основном на материале Крыма и Волжской Болгарии, и это, естественно, сужает возможности исследователя. Лишь в последнее время этот вопрос стал основным в монографии Э.Д. Зиливинской [Зиливинская Э.Д. 2011].

Здесь мы вновь вернемся к не раз упоминавшейся статье Е.И. Крупнова, Исходя из неверной датировки церкви 1 XII в. и не связывая её с культурой эпохи Золотой Орды, Е.И. Крупнов попытался раскрыть этот памятник на фоне архитектуры славянского мира, в первую очередь Руси [Крупнов Е.И. 1963. С. 63, 65; Крупнов Е.И. 1968. С. 296].

Нетрудно заметить, что следуя за этим выводом, мы должны были бы признать древнерусское происхождение церквей 2 и 3. В таком случае было бы возможно говорить о целой русской христианской колонии на Верхнем Джулате, существовавшей (по Е.И. Крупнову) в конце XII или самом начале XIII в. В этой связи возникает вопрос: как могла Русь, отрезанная с XI в. от Кавказа половцами и ведшая с ними тяжелую борьбу, сохранять такие действенные контакты с глубинами Предкавказья тогда, когда пала значительно более близкая к Руси Тмутаракань?

Но дело, конечно, не только в этом трудноразрешимом вопросе. Есть прямые факты, противоречащие точке зрения Е.И. Крупнова. Рассмотрим их. Характерной особенностью джулатских церквей 1 и 2 является наличие подалтарных усыпальниц-крипт. Касаясь крипты церкви 1 Е.И. Крупнов писал: «... это, несомненно, крипта, т.е. подалтарная усыпальница, довольно обычная в храмах Древней Руси и всего славянского мира...»; «...наличие в верхнеджулатском храме подалтарной крипты также подтверждается балканскими и древнерусскими аналогиями» [Крупнов Е.И. 1963. С. 54, 65].

Однако ни одной древнерусской аналогии Е.И. Крупнов не привел. Действительно ли крипты обычны для храмов Древней Руси? Нет. Единственная известная нам в специальной литературе древнерусская крипта находится под Малой Пятницкой церковью быв. Борисоглебского монастыря близ Полоцка и представляет подземную камеру под всем зданием, кроме алтаря [Воронин Н.Н. 1956. С. 10], что заметно отличает её от наших крипт. Других крипт в древнерусском зодчестве нам неизвест-

но. В Болгарии есть несколько подцерковий, иногда называемых «костницами». Их три: Боянская церковь (нижний этаж Калояновой церкви XIII в.), Бачково и церковь Асеня II в Станемаке; [Грабарь А.Н. 1922. С. 103–132; Бобчев С.Н., Динолов Л.И. 1960]. Но надо заметить, что вопрос о назначении нижних глухих этажей Боянской и Асеновской церквей окончательно не решен – есть мнения о том, что они были предназначены либо для обороны, либо для хранения казны и ценностей, выполняя функции ризниц [Грабарь А.Н. 1922. С. 128; Цапенко М.И. 1953. С. 144]. Как видим, крипты не типичны и для Болгарии, причем функциональное назначение тех, которые известны, допускает и иные толкования.

Изучая вопрос о происхождении верхнеджулатских церквей, наряду с криптами нельзя не обратить внимание на другую их выразительную черту – технику кладки. Имеем в виду смешанную декоративную кладку с сочетанием камня и кирпича, о которой не раз говорилось выше, при помощи которой сложены церковь 3 и мавзолей церкви 2, а также ряд мусульманских памятников Верхнего Джулата. Эта декоративная кладка нам неизвестна ни в древнерусских, ни в балканских памятниках, где практиковались иные комбинации камня и кирпича [Бобчев С.Н. 1952; Мавродинов Н. 1955. С. 154. Рис. 110; Покрышкин П. 1906. Рис. 20]. Самые близкие аналогии она имеет в Закавказье. В Грузии она применена в стенах XII–XIII вв. крепости Нарикала (Тбилиси*), в стенах разрушенного дворца XII в. в Гегути [Беридзе В. 1967. Табл. 131], на участках стен храма XI в. Бочорма, ремонтировавшихся в более позднее время [Чубинашвили Г.Н. 1959. С. 421], наконец, она открыта при раскопках старого Тбилиси в районе «Ганджис-кари» (Ганджийские ворота) [Джапаридзе О.М. 1955. Рис. 1–3, табл. 1]. Не менее показательные аналогии встречаем в зодчестве феодального Азербайджана. Здесь наиболее типичны крепостные стены Ганджи XII–XIII вв., что и дало некоторым азербайджанским специалистам основание именовать эту систему кладки «ганджийской» [Джапаридзе О.М. 1949. С. 45; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. 1963. С. 50. Рис. 35], в действительности же распространенной и в Грузии). На территории Зо-

* Зафиксировано В.А. Кузнецовым при личном посещении Нарикалы в апреле 1971 г. См. также: Памятники архитектуры Грузии. Альбом. Л., 1973. Табл. 6.

лотой Орды такая система кладки известна еще на городище Нижний Джулат (в основании минарета; раскопки Г.И. Ионе в 1962 г.), т.е. в непосредственном соседстве с Верхним Джулатом. В более северных районах она неизвестна, и это даёт нам право считать данную систему кладки южной, генетически связанной с Азербайджаном или Грузией [Зиливинская Э.Д. 2011. С. 45; Зиливинская Э.Д. 2012. С. 30].

Итак, наличие подалтарных крипт и декоративная система кладки противоречат версии о древнерусском происхождении церкви Верхнего Джулата, а последняя отчётливо указывает на совершенно иные, южные связи изучаемых памятников, что убедительно подтверждает и черепица церкви 2 с грузинскими строительными надписями. Кажется, мы вправе считать, что в строительстве верхнеджулатских церквей (и мусульманских памятников) активно участвовали азербайджанские и грузинские мастера, вероятно, приглашенные в качестве пленников во время одного из золотоордынских походов в Закавказье*.

2.6. Вопрос о подалтарных криптах. Католичество на Северном Кавказе XV в.

Пытаясь исторически осмыслить и проанализировать достаточно сложный вопрос об интерпретации церкви Верхнего Джулата, мы вновь вернемся к столь характерной их особенности, как крипты, представленные в двух из четырех памятников. Наличие подалтарных крипт делает церкви 1 и 2 особым явлением в средневековом зодчестве Северного Кавказа. Появление крипт на Верхнем Джулате означает не только конструктивные изменения в архитектуре зданий, но и особую роль церквей 1 и 2 как мавзолеев, связанных с социальным требованием захоронения избранных лиц (несомненно, принадлежавших к верхушке местного общества) именно под алтарем – в самой почитаемой части церкви. Для Северного Кавказа это нечто новое, отражающее новые представления о связи захоронения с церковью и её алтарём и, очевидно, особые литургические требования и нормы. Иначе говоря, мы можем усматривать здесь

* Что могло иметь место или при походе Узбека в 1319 г., или при нашествии Джанибека в 1356 г. Более вероятным нам представляется первый вариант.

следы определенных изменений в общественной идеологии по сравнению с предшествующим периодом.

Выше говорилось о том, что крипты не свойственны древнерусскому и болгарскому зодчеству. Из этого факта вытекает, что принадлежность Верхнего Джулата православной христианской церкви маловероятна.

Обычай сооружать церковь над могилой мученика или «борца за веру» возник в раннехристианское время. К.О. Гартман указывает, что при строительстве раннехристианских базилик «старались, чтобы престол находился над гробницей какого-нибудь мученика (confession, позднее крипта)» [*Гартман К.О.* 1936. С. 107]. Примером такой базилики является базилика Рождества Христова, построенная в 330 г. в Вифлееме (Палестина). В 335 г. под ней была сооружена крипта с двумя ходами [*Кондаков Н.П.* 1905. С. 83–84; *Weigand E.* 1911]. По крайней мере с VI в. крипты появляются в базиликах Византии и Италии (напр., церковь св. Анны в Трапезунде, Санта Аполлинаре ин Класе в Равенне и собор Сан-Фоска на о. Торчелло близ Венеции. Последние представляют маленькие сводчатые помещения под престолом [*Гартман К.О.* 1936. С. 127; *Безобразов П.В.* 1916. С. 48].

Специально изучавший мартирии А. Грабар отмечает распространение крипт «впоследствии» на западе [*Грабар А.* 1922. С. 106]. Действительно, крипты получают довольно широкое распространение в Италии, Франции, Германии, Чехословакии в XII–XIII вв., с каролингского времени превращаясь в просторные помещения – не только усыпальницы, но и настоящие подземные церкви. Таковы, например, крипты св. Лаврентия в Гренобле, св. Павла в Жуарре, аббата Сутерия в Сен-Дени (Франция), в церкви св. Михаила в Фульде (Германия), в церкви св. Войцеха в Старом Болеславе, крипты Козьмы и Демьяна и св. Мартина под собором в Пражском граде (Чехия) [*Кожин Н.А., Сидоров А.А.* 1940. С. 44; С. 36. Рис. 48; С. 41, 107; *Маца И.Л.* 1959. С. 24, 40]. В Италии, кроме названных выше, есть еще целый ряд церквей с криптами [*Reallexicon.* 1966. С. 878–892. Рис. 7–15], перечень которых я опускаю. Из этого не претендующего на полноту обзора мы видим, что за исключением единичных примеров в Византии церкви с криптами присущи прежде всего латино-католическому христианскому миру (подцерковные склепы в памятниках Херсонеса не являются криптами).

Само собой разумеется, что проводя параллель между появившимися в XIV в. криптами на Северном Кавказе и европейско-католическими криптами, мы далеки от мысли ставить между теми и другими знак равенства. Они различны и в плановом, и в объемном построении, не говоря уже о деталях и размерах. Здесь важно другое – единая идея и единые конфессиональные принципы, положенные в основу европейских и наших крипт – погребение выдающихся лиц под алтарем церкви – идея, воплощённая при помощи разных конструктивных решений. Последнее в церквях Верхнего Джулата куда скромнее – наши крипты представляют довольно обычные золотоордынские кирпичные склепы, сформировавшиеся под воздействием среднеазиатской или азербайджанской мусульманской архитектуры* и встроенные в алтарную часть церквей.

Рассмотренные точки соприкосновения с латино-католическим зодчеством, дошедшие до Северной Осетии безусловно в сильно трансформированном виде, получают интереснейшее подтверждение в письменных источниках. Кратко остановимся на них.

Как известно, с 60-х гг. XIII в. началась торговая экспансия Генуи и Венеции в Северное Причерноморье. Следом за итальянским купцом и солдатом шёл католический миссионер. В Причерноморье и прилегающих к нему районах Восточной Европы возникают католические кафедры. В начале XIV в. в Султании создается католическая кафедра для армян, принявших унию с Римом [Петрушевский И.П. 1970. С. 249. Прим. 75].

В 1315 г. было учреждено католическое епископство в столице Золотой Орды Сарая, а в 1320 г. в крымском гор. Кафе была открыта особая епархия во главе с францисканцем Иеронимом [Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. С. 119; Соколов Н.П. 1963.

* См., напр.: Мавзолеи XI–XII вв. в Узгене, характерный переход от четверика к своду при посредстве кирпичных парусов (Б.П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.;Л., 1939. Рис. 8) 4 и планы тех же мавзолеев КБ. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948. Рис. 28). Объёмная композиция и архитектоника склепов-крипт восходит к среднеазиатским квадратно-купольным киоскам (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 121. Рис. 33). В Азербайджане см. мавзолеев шейха Бабалы конца XIII в., где в сводчатый подземный склеп ведет каменный дромос с четырьмя ступенями (М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Ук. соч. С. 155. Рис. 152).

С. 443–445]. По политическим мотивам и в первую очередь в связи с ожесточенной борьбой с иранскими Хулагидами золотоордынский хан Узбек старался поддерживать хорошие отношения с римским папой [Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. С. 119], в котором видел возможного союзника. Благоприятным политическим положением не замедлили воспользоваться итальянские коммерсанты и миссионеры: в 30-е гг. XIV в. усилиями Франческо да Камерино обращаются в католичество черкесские князья Верзахт и Миллен [Там же. С. 119, 120]; в гор. Матреге на Таманском полуострове возникает архиепископство во главе с францисканцем Жаном де Зики (т.е. Зихом).

В 1358 г. он доложил, что влияние его центра распространилось до Дербента. Генуэзская экспансия в глубь Северного Кавказа стимулировалась стремлением выйти на берега Каспийского моря, откуда открывались морские пути к устьям Волги, Узоя и в Иран. По свидетельству Джироламо Серра, генуэзские купцы из Кафы уже в 1266 г. достигли Дагестана и начали торговлю с окрестными народами через Каспий [Richard J. 1963. С. 606–611; Криштопа А.Е. 1970. С. 111–114; Мурзакевич Н. 1837. С. 18–19]. Около 1363 г. в архиепископстве Матреги выделяется «епископство Каспийских гор», охватившее часть Дагестана (Кайтаг) и к 1392 г., по сведениям ордена францисканцев, насчитывавшее до 10 тыс. человек, обращенных в католичество. В XIV в. в Дагестане возникают, а по булле папы Бонифация IX в. – в начале XV в. – еще существуют католические кафедры в пунктах Chomek, Thuma, Tarchu, Dergweli, Michacha. На Каспийском море создается усилиями Антуана Рекканы генуэзский флот. Есть сведения о том, что католические центры в Дагестане функционировали до середины XV в.

Естественно, что промежуточная между Таманью и Дагестаном территория не могла не интересовать итальянцев: коммуникации между этими базовыми пунктами проходили через Северный Кавказ. Известно, что генуэзцы эксплуатировали залежи серебряной руды в горах Кавказа и ходили вверх по Кубани [Де ла Примоде. 1850. С. 96; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. С. 80], (где действительно существует Кубано-Худесское серебро-свинцовое месторождение). Есть любопытные сведения (правда, не проверенные) о генуэзской дороге, шедшей от Анапы через Прикубанье и далее по Тереку к Каспийскому морю. На этом пути генуэзцы имели фактории и складские пункты [Фелицын Е.Д. 1899. С. 24].

Трудно допустить, чтобы этот путь по Тереку миновал такой крупный населенный пункт, каким был в XIV в. Верхний Джулат. В письменных источниках мы имеем на этот счет определенные указания.

В 1329 г. было учреждено католическое епископство в кавказском городе Семиската, отождествляемом Ф.К. Бруном с Шемахой. В 1330 г. епископ Семискаты Фома Манказол был рекомендован хану Узбеку, как делавший много прозелитов (новообращенных) «между аланами Кавказа» [Брун Ф.К. 1871. С. 380]. Не останавливаясь здесь на неясном вопросе о местонахождении Семискаты и отметим лишь то, что ее отождествление с Шемахой кажется довольно спорным, ибо она отстоит слишком далеко от области расселения алан. Видимо, Семискату следует искать где-то ближе к центральным районам Кавказа. Вполне возможна и другая версия – Семиската это действительно Шемаха, а в переводе Бруна допущена неточность и вместо «аланы» нужно читать «албаны» – название древнего населения Азербайджана. Но эти сомнения снимаются другим источником.

В начале XV в. на Северном Кавказе побывал попавший в плен к Тамерлану немецкий дворянин Иоанн Шильтбергер. Следуя из Дербента в Татарию Шильтбергер в 1410 г. [Брун Ф.К. 1870. С. 148] посетил гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают Святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют*. [Путешествие. 1867. С. 1–33; Richard J. 1998. С. 254].

Итак, по Шильтбергеру в начале XV в. на Джулате существовала католическая христианская кафедра, принадлежавшая известному ордену кармелитов.

Как отмечает А.А. Семенова, кармелитские миссии были форпостами европейского проникновения на Восток, «это лишь небольшой эпизод грандиозного наступления римской католи-

* В тексте Ж. Ришара Джулат обозначен как Setzulet, но в примечании 103 поясняется, что это Екатериноград на Тереке, где находится Нижний Джулат, однако, указание на гористый характер местности побуждает видеть здесь скорее Верхний Джулат; кроме того, на Нижнем Джулате отсутствуют христианские памятники.

ческой церкви на Восток» [Семенова Л.П. 1962. С. 109]. Тем не менее вопрос о достоверности сведений Шильтбергера не случаен. Известно, что воспоминания Шильтбергера были записаны с его слов позже путешествия и требуют строго критического отношения к себе [Полиевктов М.А. 1938. С. 173]. К сказанному добавим, что в начале XIX в. Ю. Клапрот в описаниях путешествия на Кавказ опубликовал предания черкесов о том, что церкви Татартупа были построены франками, поселившимися среди татар [Klaproth J. 1823. С. 161]. Это ценное фольклорное свидетельство, соответствующее данным письменных источников и довольно точно отразившее самую суть исторических событий (под «франками», «фиренгами» горцы обычно имели в виду итальянцев – генуэзцев и венецианцев) [Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. С. 86–87].

Как видим, вырисовывается картина, далеко не соответствующая основным выводам Е.И. Крупнова. Анализ археологического материала и письменных источников позволяет изменить существующую датировку XII в. и датировать все три церкви Верхнего Джулата первой половиной XIV в. (до 60-х гг.), связав их с мусульманскими памятниками в единый историко-культурный комплекс. Возможно, что верхнеджулатские церкви были сооружены в 30-х гг. XIV в. во время миссионерской деятельности епископа Фомы Манказола.

Анализ такой характерной архитектурной особенности церквей Верхнего Джулата, как крипты, позволяет отказаться также от их интерпретации как произведений древнерусского зодчества. Не исключено, что наличие крипт, свидетельствующее о распространении на Верхнем Джулате ритуала захоронения почитаемых лиц под алтарем, указывает на появление этого обычая под влиянием итальянских католических миссионеров. Доступные нам в настоящее время письменные источники XIV–XV вв. и общий исторический контекст эпохи итальянской деятельности на Кавказе вполне соответствуют высказанным предположениям. Подтверждает их и итальянский импорт XIV–XV вв., выявленный на Северном Кавказе [Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. С. 86–90; Левашева В.П. 1953. С. 173, 174, 192, 193; Кетбиева М.З. 2010. С. 182–183 и т.д.]

Мы далеки от мысли считать церкви Верхнего Джулата построенными католическими миссионерами и произведениями

латино-католического зодчества. Миссионеры могли быть только заказчиками, но не исполнителями.

Количество итальянских миссионеров и купцов на Верхнем Джулате могло быть незначительным, и они не оставили почти никакого следа в чисто местной культуре, под которой мы подразумеваем культуру эпохи Золотой Орды. Церкви Верхнего Джулата, обслуживавшие слабую по своим возможностям и влиянию католическую кафедру, строились явно руками местных кавказских мастеров, о чем говорят декоративная закавказская техника кладки и грузинские надписи на черепице. Как и вся материальная культура Золотой Орды, эти памятники представляют собой синкретическое явление, сочетающее различные по происхождению культурные элементы. Только с таких позиций они могут быть правильно поняты и раскрыты.



3. ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ ГОРОДИЩА

Здесь в первую очередь следует упомянуть остатки жилого дома с каменными основаниями стен (не сохранились), раскопанного О.В. Милорадович в 1961 г. [Милорадович О.В. 1963. С. 95–99]. Размеры здания 18 х 6 м, оно состояло из двух помещений: помещение 1 – 28 кв. м, помещение 2–4 кв. м. Фундаментная кладка из булыжника разных размеров, без применения связующих растворов. В кладке северной стены на одном из валунов был высечен «вавилон» – квадрат в квадрате. В центральном квадрате чашечное углубление – лунка. Обращает на себя внимание то, что в плане помещения расположены не в притык на одной осевой линии, а смещены. Складывается впечатление не одновременного сооружения помещений: сначала было построено помещение 1 с входом в южной стене, затем к нему пристроили помещение 2. По заключению О.В. Милорадович, дом сгорел во время пожара: на глинобитном полу лежали сгоревшие дубовые плахи перекрытий [Там же. С. 96. Рис. 28]. В статье О.В. Милорадович дано более подробное описание дома и нескольких находок из него, а также довольно неуверенное датирование XIII в. [Там же. С. 98].

Исследованное О.В. Милорадович жилище, (при всей его очень плохой сохранности и ограниченности полученной информации), тем не менее дает возможность представить обычное жилье обитателей Верхнего Джулата. К сожалению, мы можем говорить только о плане постройки, достаточно примитивной: фундамент из крупных валунов, положенных прямо на землю и без раствора (следовательно, стены были непрочными), отсутствие черепицы от перекрытия, земляной холодный пол, открытый очаг в виде углубления в полу помещения 1 и т.д.

Присутствие в жилище глиняного детского горшка, очевидно, свидетельствует о пребывании в каждом помещении отдельной патриархальной семьи.

В 1962 г. в северо-западной части городища, примерно в 150 м к югу от Татартупского минарета, был заложен раскоп площадью 400 кв. м, рассчитанный на выявление остатков зданий в этом центральном участке города, поблизости от Большой мечети и Татартупского минарета, христианской церкви 1. Раскопки вел В.А. Кузнецов [Кузнецов В.А. 1964. С. 107–111].

На глубине 0,20 м по всей площади раскопа обнаружилась почти сплошная булыжная вымостка в один ярус. Местами она выбрана, видимо, во время каких-то строительных работ. В соседстве с мечетями и церковью эта вымостка рассматривается нами как остатки центральной городской площади. Возможно, она была рыночной: известно, что около церквей и монастырей в европейское Средневековье возникали ярмарки, к городской площади тяготели городские ратуши [Дживелегов Л.Г. 1904. С. 86]. Но на всей площади раскопа кроме вымостки ничего не обнаружено. Индивидуальные находки: железный серп, обломок железного ключа от замка, обломки ножей, костяная пластинка с циркульным орнаментом, обломки кирпичей толщиной от 4 до 5 см и т.д. Стратиграфически этот материал соответствует уровню мостовой и позволяет датировать ее XIV в.

Под вымосткой оказался могильник. Вскрыто 28 захоронений на глубине до 0,68 м. Вытянутые костяки головой ориентированы на запад, северо-запад, инвентаря почти нет. Погребальных сооружений не наблюдалось, но ряд костяков сопровождался с северной стороны булыжной «стенкой» в один ряд. На Верхнем Джулате такая особенность обряда встречена впервые.

В качестве аналогии можно привести кочевнические подкурганые захоронения, раскопанные Т.М. Минаевой, – это половецкие погребения конца XI в. [Минаева Т.М. 1960. С. 175. Рис. 16], но данная этническая атрибуция установленной считается не может. Бесспорно лишь то, что могильник хронологически предшествовал городской площади и, возможно, должен быть датирован дозолотоордынским временем, скорее всего XII в. – в этом отношении мы близки к дате Т.М. Минаевой.

Отметим также довольно редкие для Верхнего Джулата погребения с керамикой (погребение 20 под городской площадью

и погребение 1 у стен церкви 3). Возможно, это не случайная деталь погребального обряда. В связи с этими сосудами XIV в. следует сказать, что за время раскопок СКАЭ на Верхнем Джулате был собран огромный материал по керамике XIII–XIV вв.; достаточно значительная коллекция фрагментов происходит из раскопок 1962 г. городской площади – 26 128 экз., этот массовый материал в сравнении с керамикой Маджар должна была проработать практикантка МГУ О.А. Дудко. Она успешно проработала и классифицировала поливную керамику XIV в. из Маджар [Дудко О.А. 1963. С. 106–119], но на этом, к сожалению, ее работа оборвалась и не возобновилась, керамика Верхнего Джулата осталась непроработанной. После работы Дудко появились статьи Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов Г.А. 1964. С. 266], что подразумевает использование данных О.А. Дудко. О том же и о полосчатом лощении, как аланском элементе в золотоордынской керамике, писала С.К. Михальченко [Михальченко С.К. 1973. С. 121]. По Михальченко, алано-болгарское влияние на керамику Золотой Орды – одно из главных [Там же. С. 131].

Стало также очевидным, что разница между керамическими комплексами Маджар и Верхнего Джулата объясняется активным влиянием Хорезма на гончарное производство Маджар [Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. 1971. С. 127–139], чего не было на городище Верхний Джулат.



4. К ВОПРОСУ ОБ ОБЛАСТИ ДЖУЛАТ

В среднем течении Терека, на расстоянии до 30 км друг от друга, располагались два крупных золотоордынских центра: Нижний Джулат у гор. Майский (Кабардино-Балкарская Республика) и Верхний Джулат у сел. Эльхотово (Республика Северная Осетия-Алания). Что их объединяло вплоть до одинаковой номинации «Джулат» и когда она возникла?

Впервые вопрос об области Джулат затронули в своей публикации нижнеджулатской мечети И.М. Чеченов и Э.Д. Зиливинская. Они писали: «В конце XIII–XIV вв. Нижний Джулат являлся крупным городским центром богатого района, где располагались и другие населенные пункты, такие как Татартуп, городище Хамидиевское, Терекское и др. Именно это район следует отождествлять с «областью Джулат» персидских источников, где в 1395 г. 200-тысячная армия Тамерлана «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов» [Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. 1999. С. 202].

Представляется, что отождествление среднего Притеречья с «областью Джулат» с включением в нее Нижнего и Верхнего Джулата является вполне обоснованным и конструктивным. Обратимся к соответствующим источникам.

Наиболее раннее упоминание Верхнего Джулата–Татартупа, связанное с казнью русского князя Михаила Тверского 22 ноября 1318 г. в Орде, согласно исследованию В.А. Кучкина, относится к локализации летописного яского гор. Тютякова [Кучкин В.А. 1966. С. 178–182]. Следует, однако, отметить, что в летописи фигурирует именно Тютяков (Дедяков), а не Джулат, а сам исследователь на данной идентификации не настаивает, хотя и признает, «что этот город следует искать примерно в том районе,

где находятся Нижний и Верхний Джулаты» [Там же. С. 182]. Но этот район есть как раз интересующая нас область Джулат. Если принять эти осторожные рассуждения, область Джулат в Среднем Притеречье была в составе золотоордынских земель уже в самом начале XIV в. Весьма важную информацию предоставляет нумизматика. Так, Ц.М. Гваберидзе свидетельствует об обнаружении в сел. Карагач Сигнахского района Грузии клада серебряных хулагидских монет. Одна из монет чеканена монетным двором Карджин в 750 г. хиджры, т.е. в 1349–1350 гг. Всего, по Ц.М. Гваберидзе, известно 5 таких монет. Сел. Карджин существует в Северной Осетии и сегодня, находится в южной оконечности Эльхотовских ворот – в нескольких километрах от Верхнего Джулата. О нем Ц.М. Гваберидзе пишет, что Джулат и Маджары были важными городами в период монгольского господства: «В этих городах функционировали монетные дворы, в которых чеканились монеты Джучидов. В Джулате в 692 г. хиджры (1292–1293) и в 696 г. хиджры (1296–1297)», [со ссылкой на E. Zambaur. 1968. С. 89]. Таким образом, гор. Джулат, следовательно, и область Джулат были известны уже в самом конце XIII в. После того, как по Гваберидзе, восстановилось функционирование древнего пути с юга Кавказа на север через Рокский перевал, началась чеканка монет сперва в Алагире в 1338–1339 гг., затем в Карджине в 1348–1350 гг. Алагирский монетный двор середины XIV в. давно известен нумизматам [Тизенгаузен В.Г. 1887. С. СIII), но В.Тизенгаузен почему-то Алагир помещал в Сомхети, хотя в Грузии такого населенного пункта нет [см. также: Гваберидзе Ц.М. 1977. С. 117–125]. Однако к локализации монетных дворов в ордынское время в Алагире и Карджине следует относиться с большой осторожностью, тем более что А.В. Пачкалов пришел к заключению об отсутствии надежных свидетельств «в пользу существования монет Джулада» и отнес версию о монетном дворе Джулата к разряду мифических [Пачкалов А.В. 2008. С. 846]. Оставим решение этой проблемы нумизматам.

Письменные источники подтверждают существование ордынской области Джулат в XIV в. Упоминание о ней есть в «Книге побед» автора XV в. Низам-ад-дина Шами. В ходе войны между ханом Золотой Орды Тохтамышем и среднеазиатским эмиром Тимуром состоялась решающая битва на равнине междуречья Терека и Куры. Это крупное историческое событие, обозначив-

шее крах Золотой Орды, по Шерефу-ад-дину Али Йезди, состоялось 15 апреля 1395 г. [Тизенгаузен В.Г. 1941. С. 176]. Перед сражением Тимур «спустился по берегу реки» (Терек), «отправился к Джулату, дал там войску провиант и устроил (ему) новый порядок», т.е. перегруппировал [Тизенгаузен В.Г. 1884. С. 119]. Какой из двух Джулатов имеется в виду, – определить невозможно, и поэтому следует считать, что речь идет об области Джулат.

В 1410 г. на Северном Кавказе побывал уже упоминавшийся Иоанн Шильбергер. Следуя из Дербента в Татарию, он посетил «гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство» [*Путешествие Ивана Шильбергера*. 1867. С. 31–33]. Следуя этому источнику, мы видим Верхний Джулат, расположенный в гористой местности и имеющий четыре христианских храма и христианские кладбища. Ситуация на Верхнем Джулате полностью соответствует показаниям И. Шильбергера и ясно свидетельствует о том, что представления некоторых современных историков относительно жесточайших разрушительных последствий вторжения Тимура на Северный Кавказ преувеличены. Тимур громил Золотую Орду, но как становится видно, не трогал ее города, если они не оказывали сопротивления. В частности, после нашествия Тимура в 1395 г. не был разрушен г. Маджары на Куме, жизнь продолжалась и в области Джулат: здесь действительно обитало немало христиан. Присутствие епископов вполне возможно.

Есть отдельные сведения и факты, позволяющие говорить о продолжении жизни на Верхнем Джулате не только в XV в., но и позже. Изменялся состав населения, изменялось название города. Если самое раннее название городища, согласно русской летописной версии, «Тютяков», то в самом начале своей истории он назывался по имени его владельца – монгола Тютяка. Аналогично происхождение названия г. Маджары на р. Куме (монгольское имя Маджар). В свое время В.Г. Тизенгаузен обратил внимание на встречающееся на древних монетах XIV в. названия городов Джулад, Махмудабад и Маджары на джучидских и Алагир – на джучидских и хулагидских монетах [Тизенгаузен В.Г. 1887. С. СIII]. Джулат на территории, подвластной Джучидам, есть только на Северном Кавказе. Но почему он Махмудабад, кто этот неизвестный Махмуд? В дагестанской хронике XIV в. «Тарихи Дербенд-наме» Джулат и Татар-Туп названы Кичи-Маджар и

Уллу-Маджар. Относительно Татартупа говорится: «последнее название происходит от того, что после разрушения города большую часть его новых обитателей составляли татары, выходцы их Крыма» [*Тарихи Дербенд-наме*. 1898. С. 32]. В новом издании «Дербенд-наме» этот фрагмент выглядит немного иначе: «Малый Маджар (Маджар-и-Кучек) и Большой Маджар (Маджар-и-Бозорг), Джулад и Шехр-и-Татар» [*Оразаев Г.М.-Р.* 1993. С. 18]. В русской архивной записи от 5 ноября 1753 г. говорится о деревне в Татартупском ущелье, где живут татартупские «обреки», из кабардинского народа беглые» [Кабардино-русские отношения. С. 196].

Представляется очевидным, что подобная вариативность географических названий отражает неустойчивый характер местной политической ситуации и этнокультурной обстановки в регионе. Рассмотрение данных вопросов не входит в наши задачи. Главное для нас то, что представление о значительности местности Джулат прочно вошло в историческую память народов Северного Кавказа с эпохи господства Золотой Орды.

Заканчивая рассмотрение наших материалов о городище Верхний Джулат, следует изложить несколько замечаний и первичных выводов, в дальнейшем подлежащих проверке и уточнению.

Первое. Наличие на городище дозолотоордынского культурного слоя аланского времени не вызывает сомнений и определяется обнаруженными археологическими объектами (гончарная печь, около 20 хозяйственных ям) и отдельными артефактами (фрагменты керамики X–XII вв.), но вышеназванный культурный слой исследованию не подвергался, его характер, мощность, более детальная хронология, соотношение с золотоордынским слоем остаются неясными, как и возможность обнаружения его катакомбного могильника.

Второе. Сравнение имеющихся археологических материалов двух синхронных золотоордынских памятников Предкавказья – городищ Верхний Джулат и Маджары, показывает их хорошо выраженные локальные историко-культурные отличия. Последние четко фиксируются в таком массовом археологическом материале, как керамика – в Маджарах масса поливной керамики, которой нет на Верхнем Джулате, в Маджарах нет позднеаланской керамики и т.д. Это города с разной ориентацией в торгово-экономической и культурно-политической сфере, и это требует объяснения. В качестве возможного варианта может быть хро-

нологическая разница: Маджары возникали в первой половине XIII в., Верхний Джулат – в первой половине XIV в.; Маджары ориентированы на Среднюю Азию, Верхний Джулат – на Закавказье – Иран (Э.В. Ртвеладзе).

Третье. В Маджарах до сих пор не выявлено ни одной христианской церкви. Неизвестны они и в Нижнем Джулате, тогда как в Верхнем Джулате их четыре. Это побуждает предположить, что Верхний Джулат был христианским центром на юге Золотой Орды. Здесь находился центр ордена кармелитов на Северном Кавказе. Синкретический характер архитектурных форм верхнеджулатских церквей с подалтарными криптами делает их уникальным явлением в архитектурной летописи Золотой Орды.

Четвертое. Сказанное побуждает обратить особое внимание на факт концентрации на территории одного золотоордынского города не только христианских церквей, но и мусульманских мечетей (их было три, но третья еще не найдена). Следовательно, в Верхнем Джулате одновременно существовали и действовали две конфессиональные общины – христианская и мусульманская, гарантом чего должна была быть сильная власть. Вновь подтверждается вывод о веротерпимости, практиковавшейся в Золотой Орде.

Пятое. Городища Нижний Джулат, Верхний Джулат и Маджары характеризуют не только культуру, жизнь и быт наиболее южной провинции Золотой Орды, но и уровень социально-экономического и военно-политического состояния этой провинции накануне двух крупных, судьбоносных исторических событий – вторжения Тимура (Тамерлана) и разгрома Золотой Орды на Тереке в 1395 г. Эти грандиозные для Северного Кавказа события вскрыли неустойчивость и слабость государственной системы Золотой Орды, после поражения 1395 г. пришедшей к полному развалу и возникновению огромного политического вакуума на Северном Кавказе.

Эти важнейшие факторы сыграли свою роль в формировании как современной этнополитической карты Северного Кавказа, так и в формировании (заключительном этапе этногенеза) современных народов нашего региона.

Шестое. Это замечание касается появившихся в печати попыток широкой исторической интерпретации результатов археологических исследований городища Верхний Джулат. Речь

идет о статье Р.Ф. Фидарова, опубликованной в 2011 г. [Фидаров Р.Ф. 2011. С. 4–25]. Разумеется, в подобных попытках ничего одиозного нет, если они аргументированы и научно корректны. Выше мы уже приветствовали важное открытие Р.Ф. Фидаровым в аланском катакомбном могильнике X–XII вв. у станицы Змейской катакомб XIII–XIV вв. с мусульманскими погребениями. Но ЗКМ нельзя столь прямолинейно приписывать населению аланского города в Верхнем Джулате. Может быть, это было так. Но с таким же успехом это может быть и не так. Вопрос далеко не ясен, тем более это касается попыток Р.Ф. Фидарова аланское городище Верхний Джулат заявить как «один из крупнейших городских центров Алании» [Там же. С. 9], «священный город аланов» [Там же. С. 11, 13], «достойный претендент на звание столицы средневекового Аланского государства» [Там же] и т.д. Эти идеи не новы, в свое время их высказывал Ф.С. Гребенец, писавший, что «по какому-то стечению обстоятельств равнина, занимаемая станицей Змейской, и городище Татар-Туп, находящиеся друг от друга на расстоянии двух-трех верст, без сомнения с самых отдаленных времен служили широким полем деятельности» для бесчисленных древних народностей и что «с Татар-Тупом тесно связана история почти всех кавказских народов» [Периодическая печать Кавказа. 1989. С. 293, 295, 296].

Представляется, что Р.Ф. Фидаров, имеющий заслуги в области северокавказской археологии, оказался не в меру увлечен историческими реконструкциями, не имеющими реальных оснований, и впал в беспочвенное фантазирование. Дело в том, что существование аланского-дозолотоордынского городища, перекрытого золотоордынским строительством и культурным слоем, представляет для нас большую, нерешенную археологическими методами проблему. Мы почти ничего об этом памятнике не знаем, сенсационные построения и выводы Р.Ф. Фидарова сформулированы на песке и научного значения не имеют.

Верхний Джулат во всех его материальных ипостасях ждет новых, более совершенных исследований.



Литература

- Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006.
- Айдаров С.С.* Архитектурное исследование руин соборной мечети в Великих Болгарах // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Алексеев В.П., Беслекоева К.Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР. № 114. М., 1963.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. Краниологические исследования. М.: Наука, 1974.
- Алемань Агустин.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.
- Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1936.
- Алихова А.Е.* Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. 2.
- Альтман М.М.* Исторический очерк города Ганджи. Баку, 1949. Ч. I.
- Аржанцева И.А., Деоник Д.В.* Зилги – городище начала I тыс. н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. М.: Наука, 1989.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА СССР. М., 1958. № 62.
- Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб., 1895.
- Афанасьев К.Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.
- Баллод Ф.* Приволжские Помпеи. М., 1923.
- Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
- Безобразов П.В.* Трапезунд, его святыни и древности. Пгд., 1916.
- Беридзе В.* Грузинская архитектура. Тбилиси, 1967.
- Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
- Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Орджоникидзе, 1961.
- Бобчев Сава Н.* Смесената зидария в римските и ранновизантийски строежи. София, 1952.

Бобчев Сава Н., Динолов Любен Иор. Бачковската костница. София, 1960.

Бретаницкий Л.С. Архитектурные школы и проблемы стиля в зодчестве средневекового Азербайджана (XII–XV вв.) // Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960.

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.

Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии // Труды I АС в Москве. М., 1871. Т. II.

Брун Ф. О странствованиях царя-пресвитера Иоанна // Записки Импер. Новороссийского университета, год третий, том пятый. Одесса, 1870.

Вейденбаум О. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

Виноградов В.Б., Голованова С.А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедакова) // «Мацне» (Известия АН Груз. ССР). 1981. 2.

Волкова Н.Г. Маджары (из истории городов Северного Кавказа) // КЭС. М., 1972. Вып. V.

Воронин Н.Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII века) // Архитектурное наследство. М., 1956. 6.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009.

Гартман К.О. История архитектуры. М., 1936. Т. I.

Гваберидзе Ц.М. О новом монетном дворе в Северной Осетии // Нумизматический сборник, посвященный памяти Д.Г. Капанадзе. Тбилиси, 1977.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский А.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., Наука, 1987.

Гзелишвили И.А. Опыт датировки «грузинского кирпича» в памятниках материальной культуры г. Тбилиси // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. IX. № 9–10. Тбилиси, 1948.

Горепекин Ф.И. По горам Терской области: Краткий путеводитель. Владикавказ, 1910.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджары в 1907 г. // Труды XIV АС. М., 1911. Т. III.

Грбавър А. Болгарския церкви – гробници // Известия на Българския археологически институт. София, 1922. Св. I. Т. I.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджары // СА. 1, 1971.

Гребенец Ф.С. Курганы в окрестностях станицы Змейской (Терского казачьего войска) // СМОМПК. Тифлис, 1915. Вып. 44.

Гребенец Ф.С. Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1912 г. // Известия Кавказского отделения МАО. Тифлис, 1915. Вып. IV. Отд. II.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.;Л., 1950.
Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв). Л., 1937.

Гурвич Д.М. В.Н. Татищев и русская археологическая наука // СА. XXVI. 1956.

Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989.

Дедебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X–XII веках. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Де ла Примоде. История Черноморской торговли в Средних веках. Одесса, 1850. Ч. I.

Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.;Л., 1939.

Джапаридзе О.М. Отчет о раскопках в Ганджискари // МАГК. Тбилиси, 1955. Вып. I.

Джафарзаде И.М. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949.

Джгамая Д.К. Производство строительной керамики в феодальной Грузии // Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1969.

Дживелегов Л.К. Торговля на Западе в Средние века. СПб., 1904.

Дзидзигури Шота. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси: Мерани, 1971.

Дидебулидзе З.Ш. К вопросу об исторической интерпретации Верхнеджулатской церкви // Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1975. Вып. III.

Довженко В.И. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього Середньовіччя // АП УРСР. Київ, 1961. Т. 10.

Дудко О.А. Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. Изд. МГУ, 1963.

Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. 4.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976/

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XIV вв. // Исторические записки. 1938. 3.

Зиливинская Э.Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: Автореф. докт. дисс. ... М., 2012.

Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мечети Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII.

Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1.

Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Астраханский университет, 2008.

Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. СПб., 1992.

Исаенко А.В. О военно-социальном значении облавных охот в эпоху империи Чингис-хана // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. М., 1992. I.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. II.

Каминский В.Н., Каминская И.В. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 1996. № 2.

Каргер М.К. Древний Киев. М.;Л., 1958. Т. I.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1833. Т. IV.

Караулов М.А. Терское казачье войско в его прошлом и настоящем. Владикавказ, 1972.

Карпини Плано. История монголов / Перев. А.И. Малеина. СПб., 1911.

Карта пограничной линии Российской Империи между Каспическим и Азовским морями земель близ линии лежащей. 1782.

Кафадарян К.Г. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952.

Кетбиева М.З. Италия и Китай в Дигории // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: Тезисы докладов. Магас, 2010.

Кодзоев Н.Д. Мавзолей Бога Каш. // Вестник археологического центра. Назрань, 2002. Вып. II.

Кожин Н.А., Сидоров А.А. Архитектура Средневековья. М., 1940.

Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Дзулата // Записки Горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д., 1928. Т. II.

Кондаков Н.П. Иерусалим христианский. Исторический очерк и памятники. СПб., 1905.

Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.

Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. I.

Кружлов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА. 1937. III.

Крупнов Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. 1949. 27.

Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь: Сб. статей в честь 60-летия акад. Б.А. Рыбакова. М., 1968.

Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗ КНИИ. Нальчик, 1948. Т. IV.

Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джукат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР 1963. № 114.

Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.

Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.

Кузнецов В.А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. // КС ИА. 1964. Вып. 98.

Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Верхнего Джуката (вопросы генезиса и времени строительства) // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 2002. № 8.

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003.

Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 году // КСИА. 1961. Вып. 84.

Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические раскопки в Северной Осетии в 1959 г. // КС ИА. 1961. Вып. 86.

Кучкин В.А. Где искать ясский город Тютяков? // ИСО НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963.

Лавров Л.И. «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946. 4.

Лавров Л.И. Топонимические заметки // КЭС. 1980. VII.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X–XVII вв. М., 1966. Ч. 1.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.

Лебедев В. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

Левашева В.П. Белореченские курганы // ТГИМ. 1953. Вып. XXII.

Любимова Т.Н. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана // Памятники культуры. М., 1961. Вып. 3.

- Мавродинов Н.* Византийская архитектура. София, 1955.
- Маца И.Л.* Архитектура Чехословакии. М., 1959.
- Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. III.
- Милорадович О.В.* Кабардинские курганы // СА. 1954. XX.
- Милорадович О.В.* Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.) // КС ИА. 1963. Вып. 96.
- Милорадович О.В.* Средневековые мечети городища Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР. 1963. № 114.
- Милорадович О.В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР. 1963. № 114.
- Минаева Т.М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА СССР. 1951. № 23.
- Минаева Т.М.* Городище близ аула Кубины в Черкессии // ИСО НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. XXII. Вып. IV.
- Минаева Т.М.* Золотоордынский город Маджар // МИСК. Ставрополь, 1953. Вып. 5.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
- Михальченко С.Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. 3.
- Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1887.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. 1970. 3.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии: Сб. статей, посвященных 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972.
- Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльфа, 2000.
- На развалинах городища Татар-Туп (археологические экскурсии в окрестностях ст. Змейской // Газ. «Терские ведомости». № 137 от 27 июня 1914 г. Сведения о курганах ранее сообщал в своем письме в РАО И.А. Бартоломей в 1850 г. (см. его: «Минареты «Татар-Туп» близ Змиевской станицы Терской области» // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. СПб., 1855. Т. I.
- Нарожный Е.И.* Вновь о мечетях Верхнего Джулата (Северная Осетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1.
- Нарожный Е.И.* Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья: Автореф. докт. дисс. ... Воронеж, 1998.
- Нарожный Е.И.* Средневековые погребения Эльхотовского могильника (некоторые аспекты истории алан Восточного Придарьяля в XIII–XIV вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологиче-

ских культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Владикавказ, 2008.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Н...Н. Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.: Типография С. Селевановского, 1829.

Ногмов Ш. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958.

Оразаев Г.М.-Р. Дербенд-наме (Румянцевский список) // *Шихсайдов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.

Орбели И.А. Мусульманские изразцы. Пгд., 1923.

Пачкалов А.В. Нумизматика Джулата // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Иристон, 1989. Кн. 4.

Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагидов (1256–1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970.

Покрышкин П. Православная церковная архитектура XII–XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Прозрителев Г. Раскопки, произведенные близ гор. Св. Креста Ставропольской губ. Прасковейского уезда председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителевым 18–19 сентября 1909 года на месте развалин древнего хозарского г. Маджары // ТСУАК. Ставрополь, 1910. Вып. II.

Проценко Ю. Заметка о куфических надписях в ауле Арзия и в развалинах Маджар, а также о ширванских древностях // Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис, 1882. Т. I. Вып. 1.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. М., 1958. Т. VI.

Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1426 год // Записки Императ. Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. I. Вып. I.

Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР. 1963. № 114.

Романова Г.Б. К вопросу об арабских куфических надписях из Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX.

Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. и ее связей со Средней Азией. Автореф. канд. дисс. ... Л., 1975.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА. 1973. № 1.

Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. 1970. № 3.

Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Сафаргалиев М.Г. Где находился золотоордынский город Деяково? // УЗ МПИ. Саранск, 1956. Вып. 4.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. IV.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928–1929 гг. // ИИНИИ. Владикавказ, 1930. Вып. II–III.

Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Семенова Л.А. Орден кармелитов как орудие проникновения европейцев в Иран // Ближний и Средний Восток: Сборник статей. М., 1962.

Сланов А.А. Дарьяльская крепость // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. М., 21–25 апреля 2014 г. М., 2014.

Смирнов А.П. Волжские Болгары. М., 1951.

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела–Белой Вежи // МИА СССР. 1959. № 75.

Стойков Г. Архитектурни проблеми на Боянската църква. София, 1965.

Такайшвили Е.С. Тквирская церковь в Мингрелии и ее древности // Х в. Пгд., 1916. Т. IV. Вып. III.

Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

Тизенгаузен В.Г. Проект программы для изучения Кавказа с нумизматическими целями // Труды V АС в Тифлисе. М., 1887.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Вып. II.

Уварова П.С. Христианские памятники. МАК. 1894. Вып. IV.

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 г. // СА. 1964. № 1.

Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых гетуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. V.

Фидаров Р.Ф. Мусульманские погребения алан XIII–XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. № 1.

Фидаров Р.Ф. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7.

Френ Х. Монгольский город Укек на реке Волге // ТСУАК. Ставрополь, 1911. Вып. I.

Хан-Магомедов С.О. Архитектура Дагестана. М.: Изд. «Ладья», 1998–2005. Вып. 1–6.

Хан-Магомедов С.О. Дербентская крепость и Даг-Бары. Архитектура Дагестана. М.: Изд. «Ладья», 2002. Вып. 5.

Цапенко М.И. Архитектура Болгарии. М., 1953.

Цитланадзе Л.Г. Культура племен горной части Центрального Кавказа в VI–I веках до н.э. по археологическим памятникам: Автореф. канд. дисс. ... Тбилиси, 1967.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959.

Чишиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 1.

Шервашидзе А.А. Цкелари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.

Шихсаидов А.Р. О происхождении христианства и ислама в Дагестане // УЗ Дагестанского филиала АН СССР. «Институт истории, языка и литературы». Махачкала, 1957. Т. III.

Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИ. Владикавказ, 1928. Вып. I.

Щеблыкин И.П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943.

Якобсон А.Л. Раскопки на городище Орен-калы 1958 г. // МИА СССР. 1959. № 67.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА СССР. 1950. № 17.

Fedorov-Davydov German A. Städte der Goldener Horde an der unteren Wolga. München, 1984.

Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge. St-Peterburg, 1787. Т. I.

Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Georgien. Paris, 1823. Т. II.

Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. London, 1965.

Reallexicon zuz byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1966. Bd. I.

Richard Jean. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIII–XV siècles). Ecole Française de Rome. Palais Farnese. 1998.

Richard Jean. Les missionnaires latins chez les Kaitak du Daghestan (XIV–XV siècles) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. III.

Weigand E. Die Geburtskirche von Bethleem. Strassburg. 1911.

Wilber D.N. The Architecture of Islamic Iran. Princeton-New-Jersey, 1955.

Wulzinger K. Byzantinische Bandenkmalen zu Konstantinopel. Hannover, 1925.

Zambaur E.D. Die Münzprägungen des Islams. Weisbaden, 1968.



Список сокращений

- АС – археологический съезд
ИИ НИИ – Ингушский научно-исследовательский институт
ИСО НИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КС ИА – Краткие сообщения Института археологии АУ СССР
КС ИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЭС – Кавказский этнографический сборник
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАГК – Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАО – Московское археологическое общество
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края
СА – Советская археология
СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СЭ – Советская этнография
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТСУАК – Труды Ставропольской Ученой архивной комиссии
УЗ КНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
УЗ МПИ – Ученые записки Мордовского педагогического института
ХВ – Христианский Восток
ЮТАКЭ – Юго-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЗКМ – Змейский катакомбный могильник

ИЛЛЮСТРАЦИИ





Рис. 1. Фрагмент карты Георга Трайтеля 1774 г.
 В Большой Кабарде помещены: на р. Кума – разоренный город Маджары,
 на р. Буйвола – разоренный город Хаха (Chascha), в Малой Кабарде
 на р. Терек – разоренный город Джулат (Sucat)

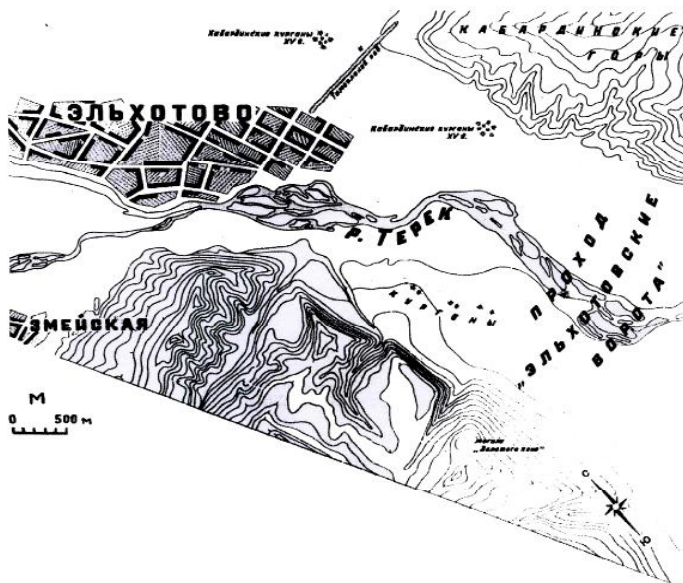


Рис. 2. Эльхотовские ворота.
Топографическая ситуация, съемка топографа А.В.Сашина

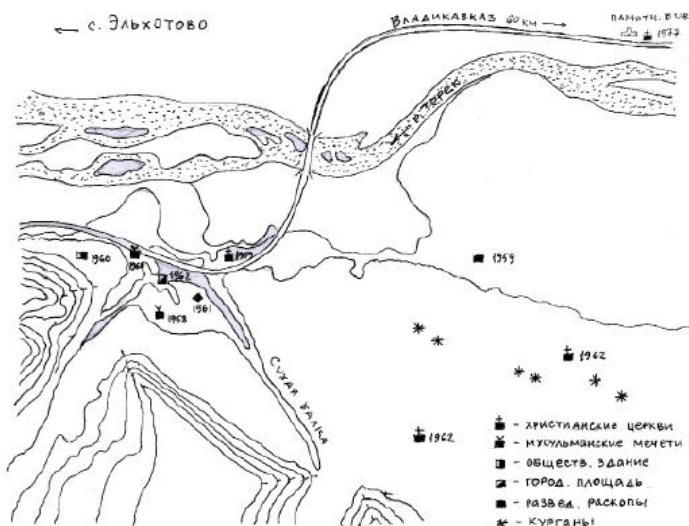


Рис. 3. Схема.
План городища Верхний Джулат и размещение памятников, исследованных СКАЭ

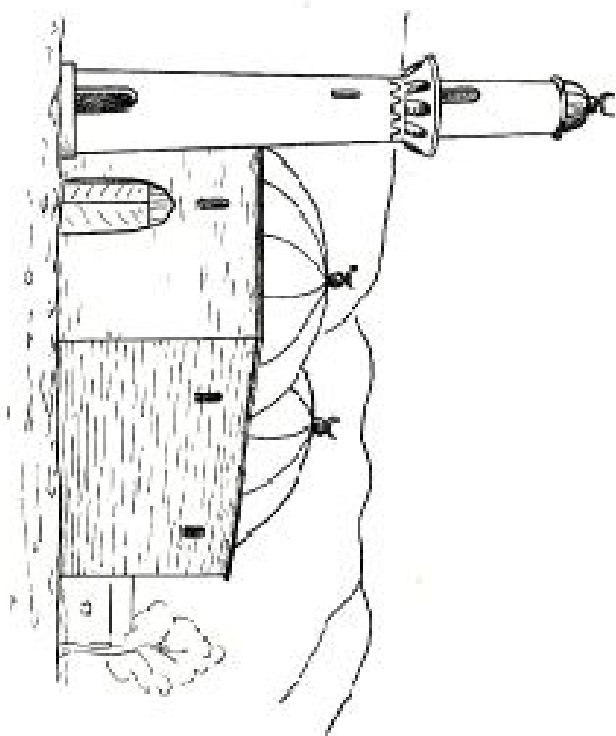
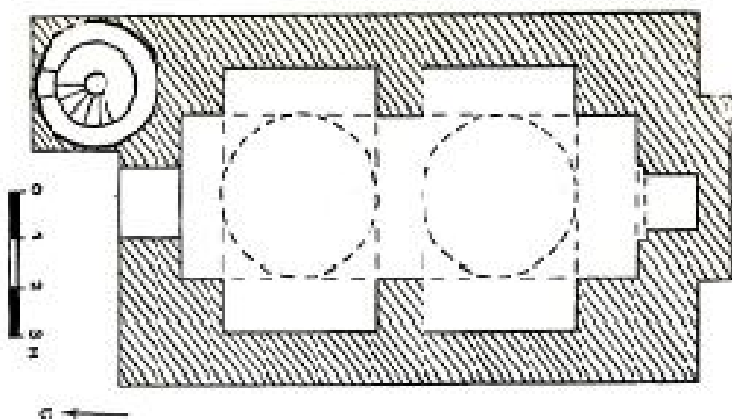
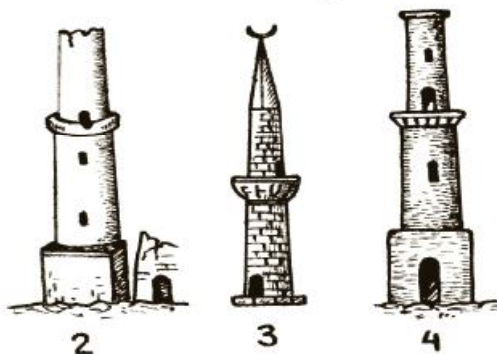


Рис. 4. Малая мечеть.
Реконструкция плана и объема с миниретом.
Выполнено В.А.Куряцковым



1



2

3

4

Рис. 5. Татартупский минарет:

1 – снимок 1958 г., 2 – рисунок на карте «Пограничной линии Российской империи» 1782 г.; справа руины мечети, 3 – рисунок на карте «Дорога через Кавказ от Екатериноградской станции до Тифлиса» 1831 г., 4 – рисунок В.И.Долбежева 1882 г.

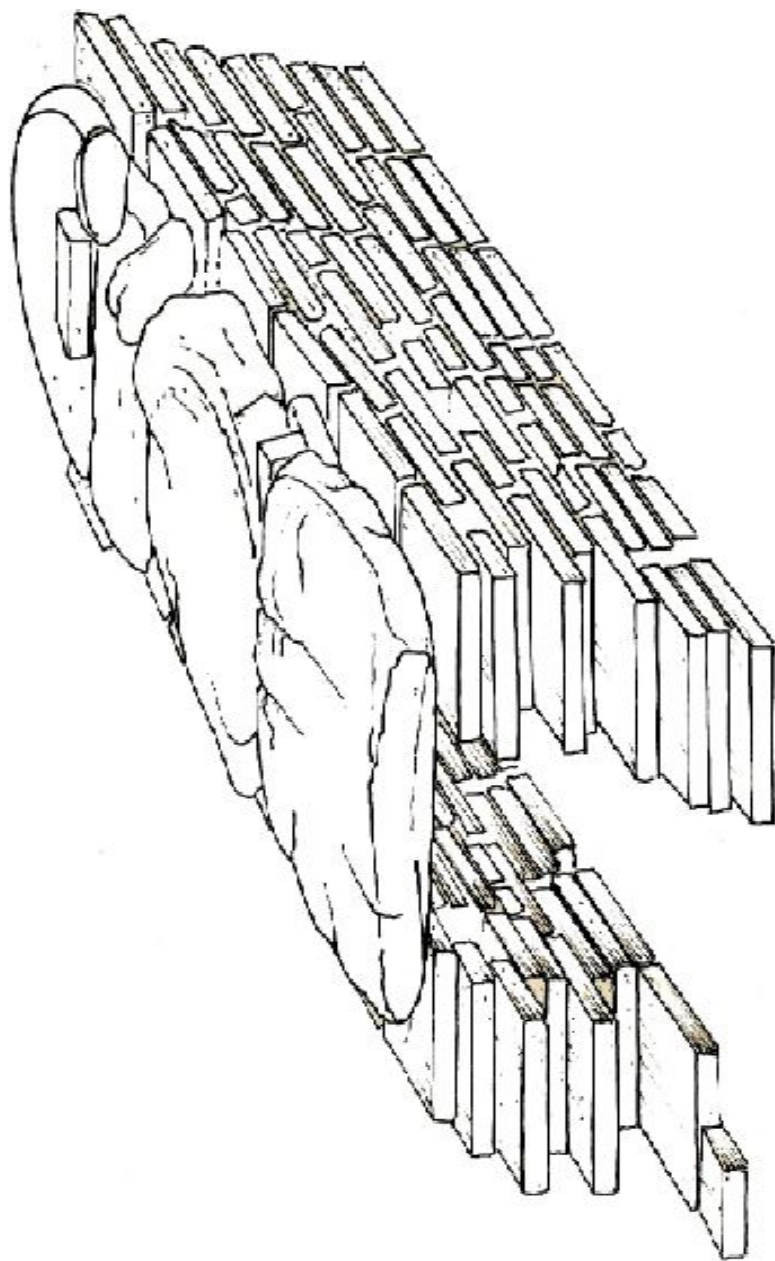


Рис. 6. Мусульманский могильник около Большой мечети:
 Могильное сооружение – гробница с оградленным погребением 10.
 Раскопки Р.Ф. Фидарова

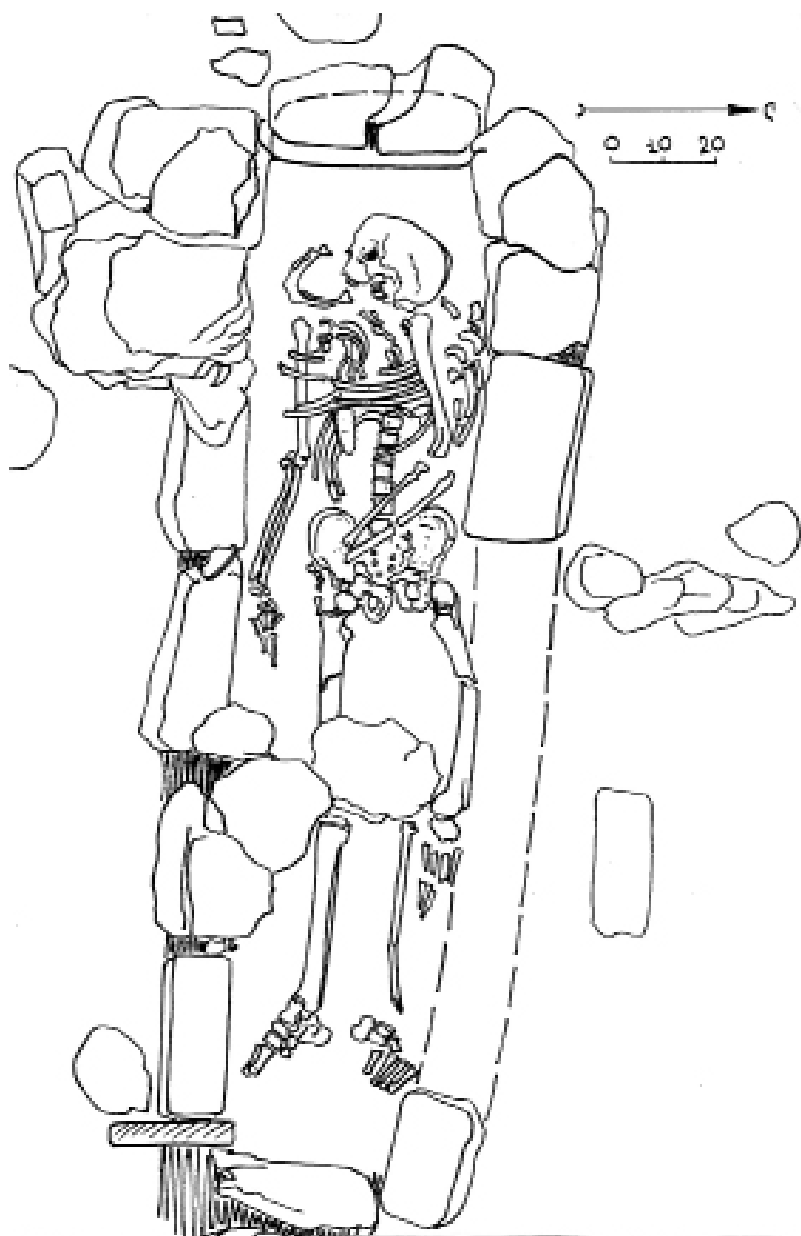
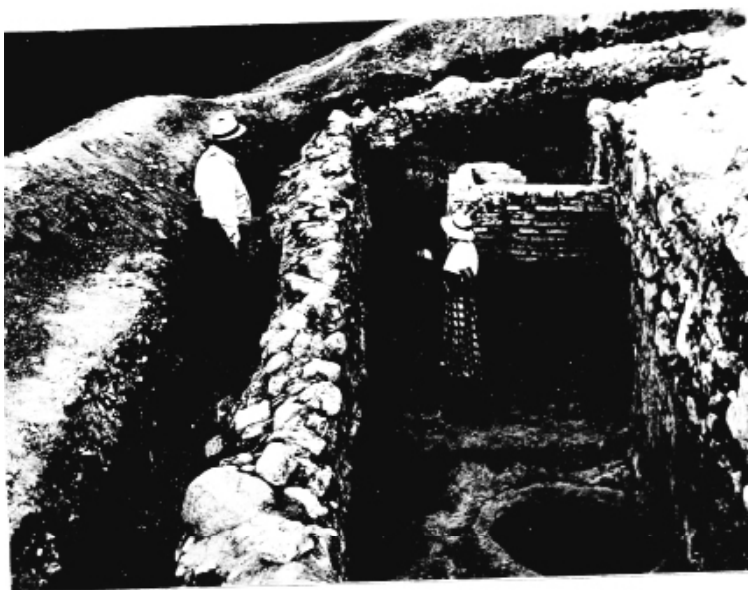


Рис. 7. Мусульманский могильник около Большой мечети.
 Погребение 11. Раскопки Р.Ф. Фидарова в 1984 г.



1



2

Рис. 8. Церковь 1:

*1 – остатки гончарного горна X–XII вв. в северо-западном углу;
2 – О.В. Милорадович и Е.И. Крупнов на раскопе,
на переднем плане ямы X–XII вв.*



1



2

Рис. 9. Церковь 1:

1 – О.В. Милорадович и Е.И. Крупнов в приделе.

На переднем плане ямы X–XII вв.;

2 – железные кресты, найденные в горшке у северной стены церкви



Рис. 10. Церковь 1:
Аланские лощеные кувшины X–XII вв. из подстилающего культурного слоя

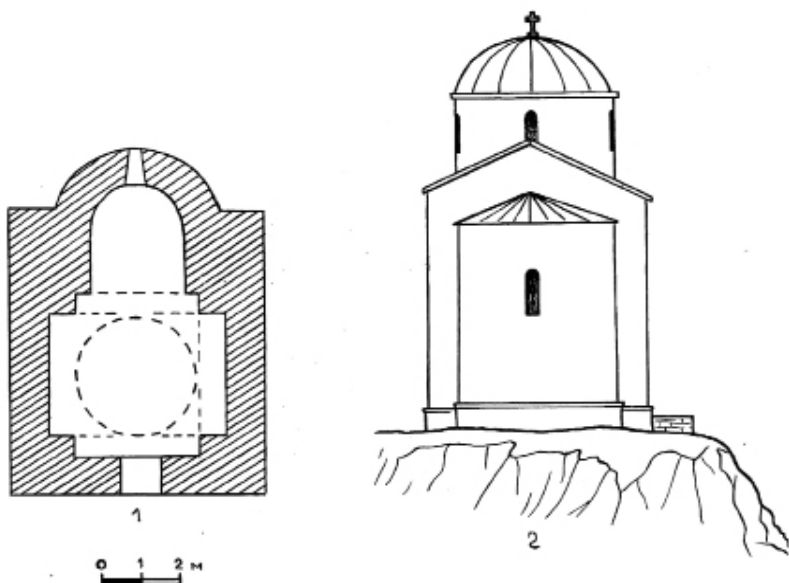


Рис. 11. Церковь 1:
1 – план; 2 – объем. Реконструкция В.А. Кузнецова



Рис. 12. Керамика:
1 – красноглиняный пифос XIV в., раскопки О.В. Милорадович в 1959 г.;
2 – аланский темносерый пифос.
Случайная находка В.А. Кузнецова на правом берегу Терека



Рис. 13. Отдельные предметы:

1-3 – серебряные пуговицы и височное кольцо;

4-5 – серебряные височные кольца; 6 – костяная пуговица из погребения 25 у церкви 1;

7 – костяная резная пластинка, городская площадь, квадрат 18;

8 – костяная резная пластинка, городская площадь, траншея 3;

9 – житель Верхнего Джулата, графическая реконструкция Л.Т. Яблонского

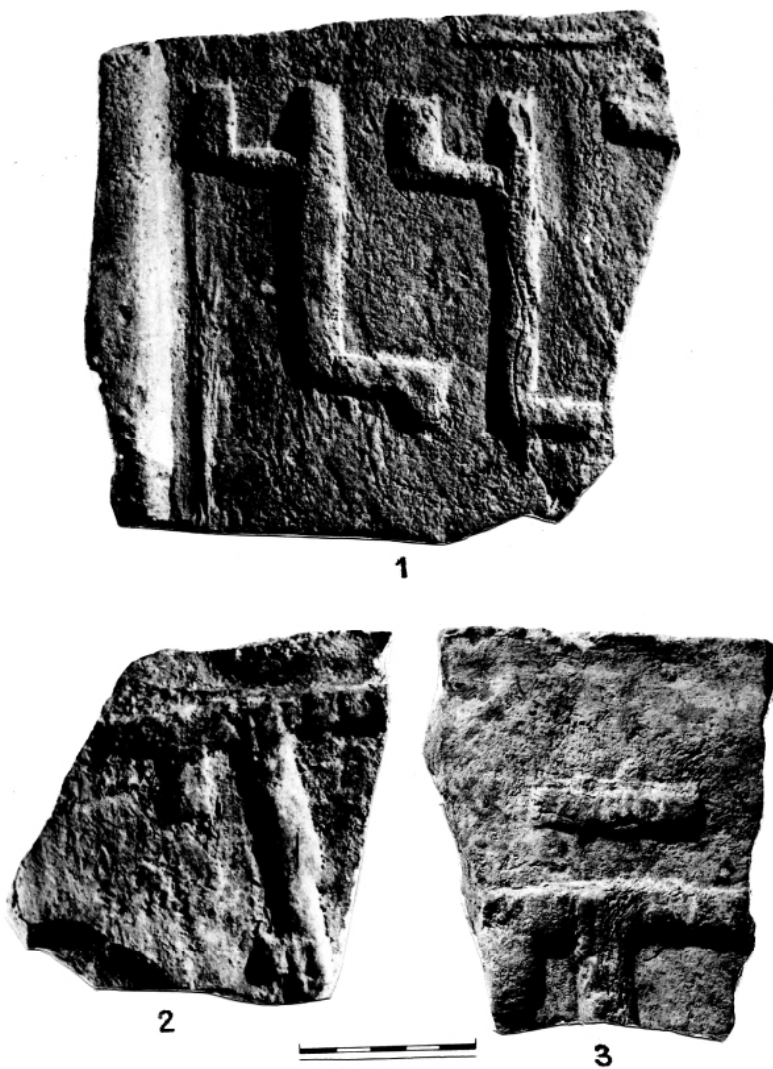


Рис. 14. Церковь 2:
 1–3 – обломки черепицы с грузинскими буквами из строительного завала.
 Раскопки В.А. Кузнецова в 1962 г.

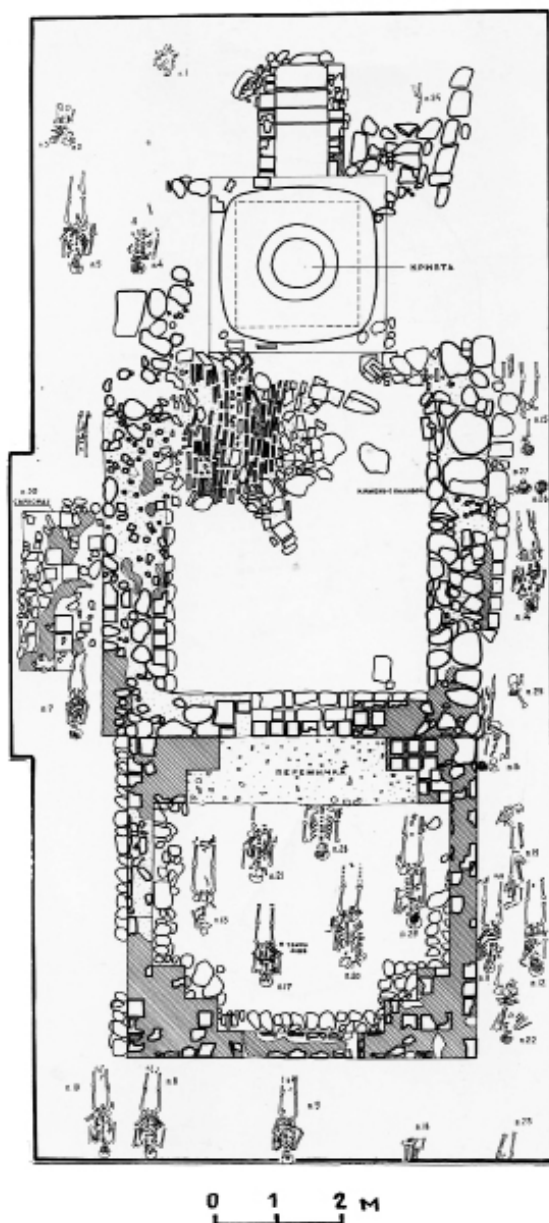
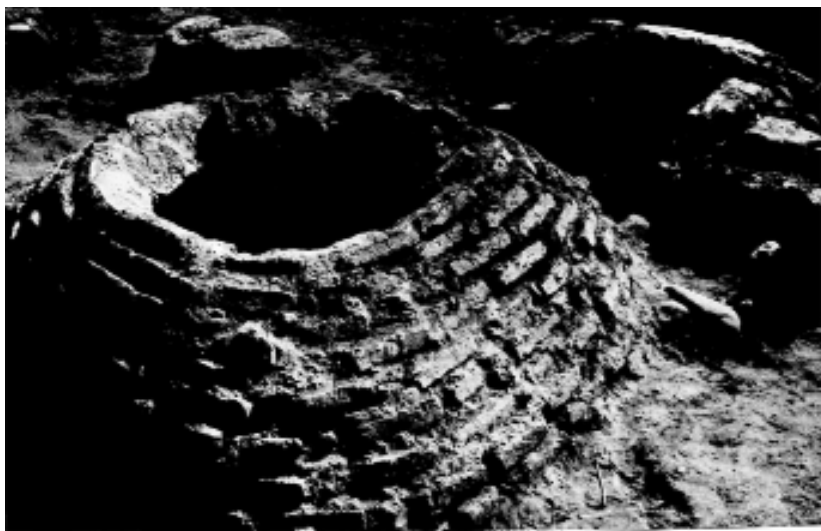


Рис. 15. Церковь 2, план.
Заштрихованы участки раствора



Рис. 16. Церковь 2 по окончании раскопок.
Вид с востока на запад. На переднем плане крипта



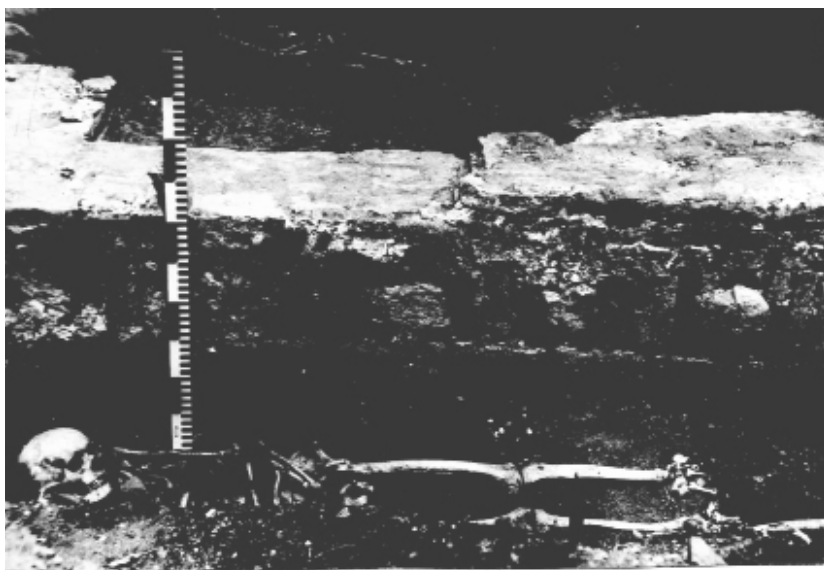
1



2

Рис. 17. Церковь 2:

1 – верхняя часть крипты; 2 – сдвинутые костяки на полу крипты



1



2

Рис. 18. Церковь 2:

*1 – южная стена притвора, «ганджинская» кладка стены и погребение 11;
2 – кирпичный саркофаг у северной стены*

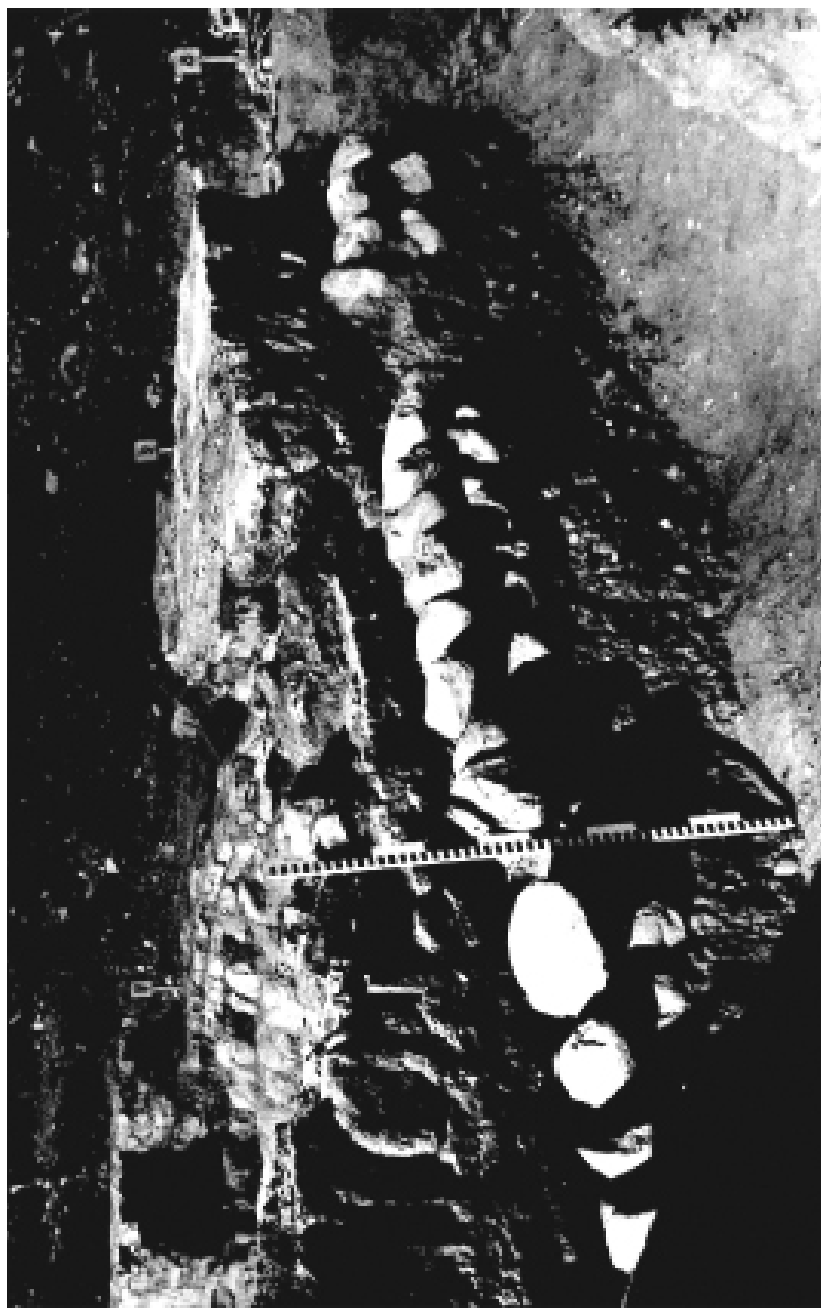


Рис. 19. Церковь 2:
Фундамент северной стены притвора



1

רַחֲמֵי שְׁמַיָּהוּ

2

Рис. 20. Церковь 2:
1 – днище красноглиняного сосуда с нечитаемой надписью,
найдено у южной стены церкви; 2 – прорись надписи

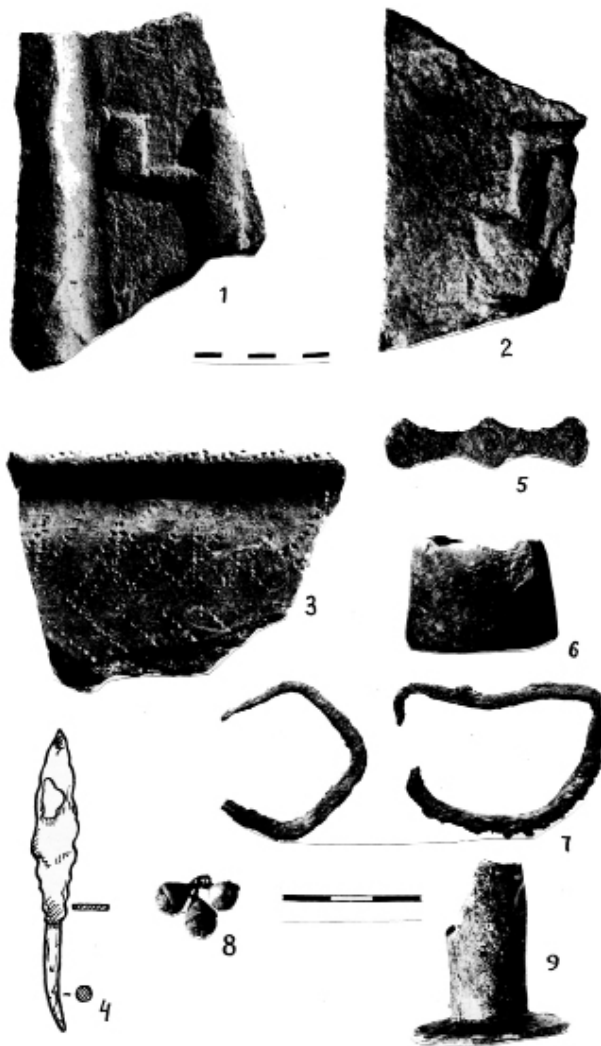


Рис. 21. Церковь 2, находки:

- 1–3 обломки черепицы; 4 – наконечник стрелы из крипты;
 5 – фрагмент железного клепаного креста из дромоса крипты;
 6 – глиняная чашечка, погребение 17; 7 – железные нетли, погребение 20;
 8 – серебряные и бронзовая пуговицы, погребение 29;
 9 – ножка стеклянного сосуда, притвор

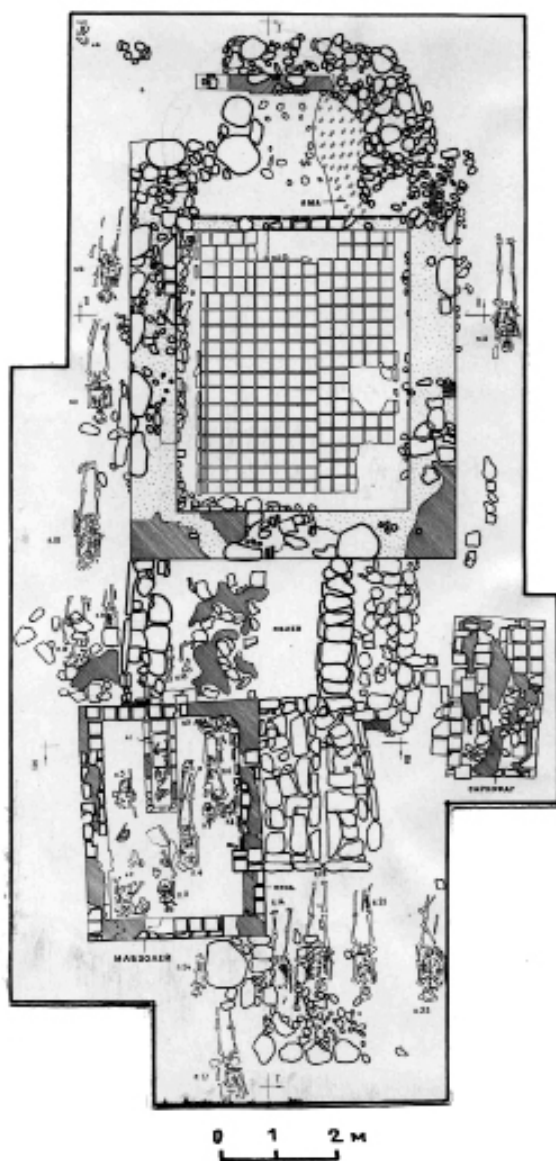
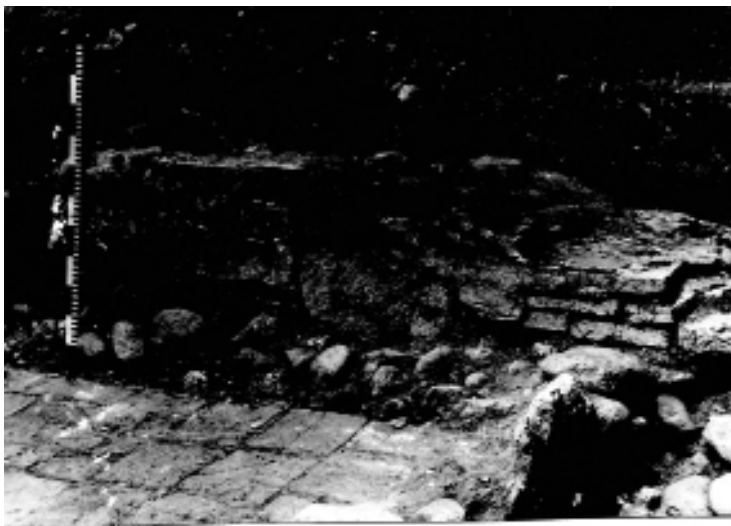


Рис. 22. Церковь 3, план.
Заштрихованы участки раствора



Рис. 23. Церковь 3 по окончании раскопок.
Вид с запада на восток. На переднем плане – склеп и мавзолей

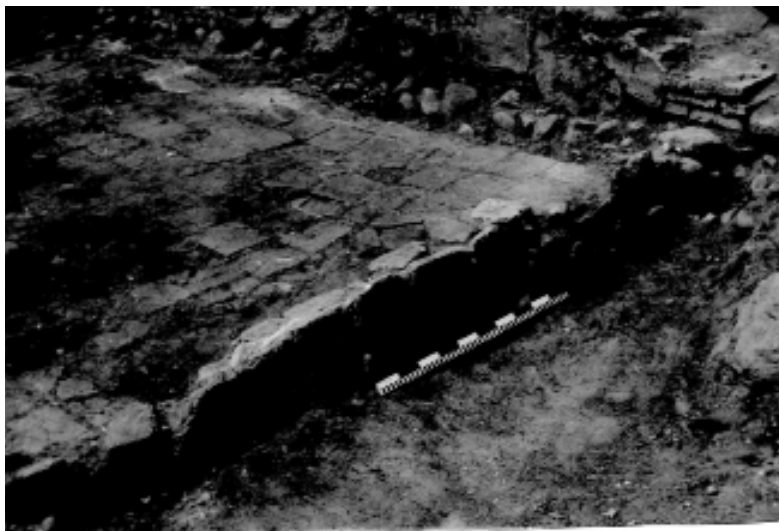


1



2

Рис. 24. Церковь 3:
 1 – остатки северной стены и кирпичного пола;
 2 – остатки разрушенной апсиды



1



2

Рис. 25. Церковь 3:
 1 – кирпичная алтарная преграда;
 2 – вымостка пола из кирпичей



1

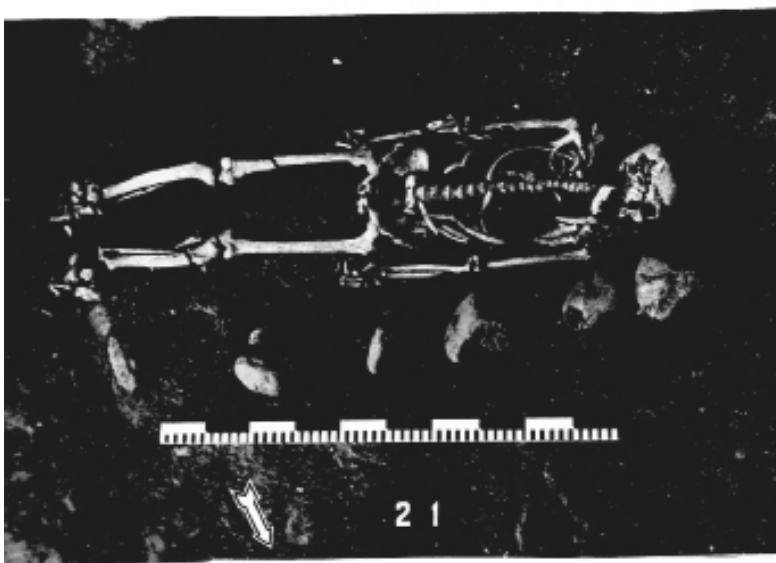


2

Рис. 26. Церковь 3:
1 – мавзолей; 2 – кирпичный саркофаг, вид сверху



1



21

2

Рис. 27. Церковь 3:
 1 – кирпичное перекрытие саркофага в начале расчистки;
 2 – христианское погребение 21

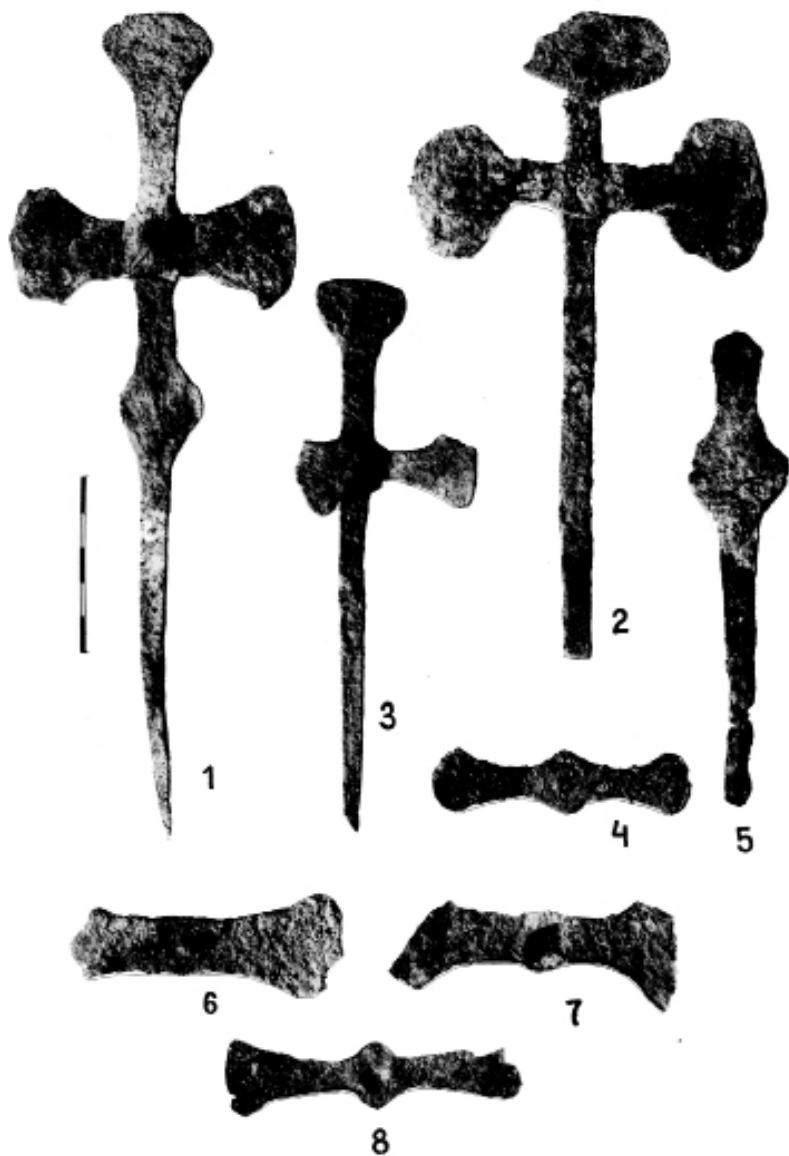


Рис. 28. Железные пластинчатые кресты:
 1 – церковь 3, погребение 1; 2 – церковь 3, погребение 3; 3 – церковь 2, выброс;
 4 – церковь 2, крипта; 5 – церковь 3, западная стена; 6–7 – церковь 3,
 алтарная преграда; 8 – церковь 3, погребение 4



Рис. 29. Керамика:

1 – кувшин из погребения 1, церковь 3; 2–3 – красноглиняные кувшины XIV в.

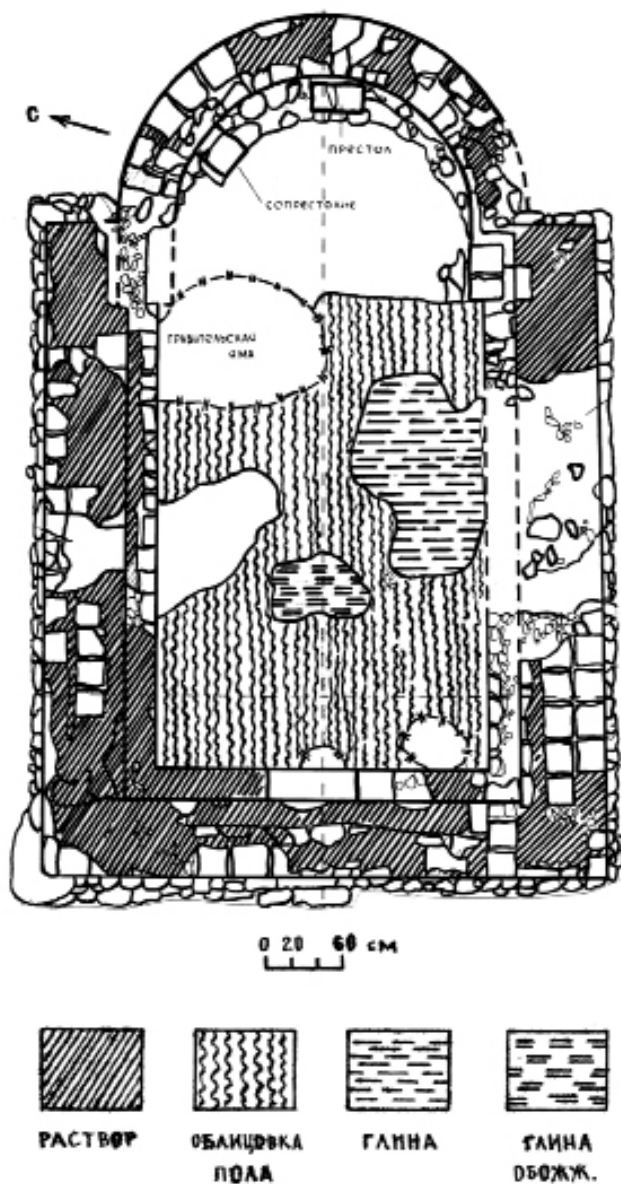
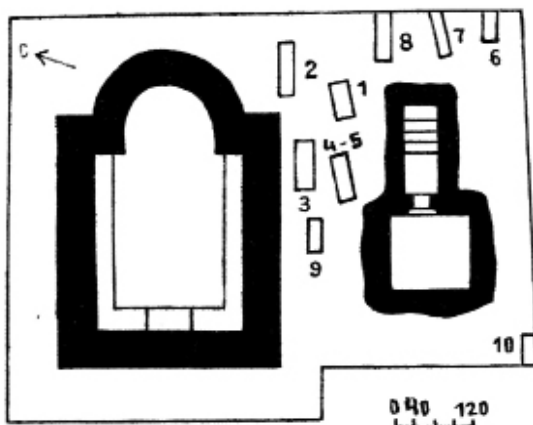


Рис. 30. Церковь 4, план



1



2

Рис. 31. Церковь 4:

1 – общий вид с востока на запад;

2 – ситуационный план раскопа, слева церковь, справа склеп.

Цифрами обозначены могилы верхнего яруса



Рис. 32. Церковь 4,
Фундамент и кладка апсиды



Рис. 33. Церковь 4:
Остатки престола с штукатуркой

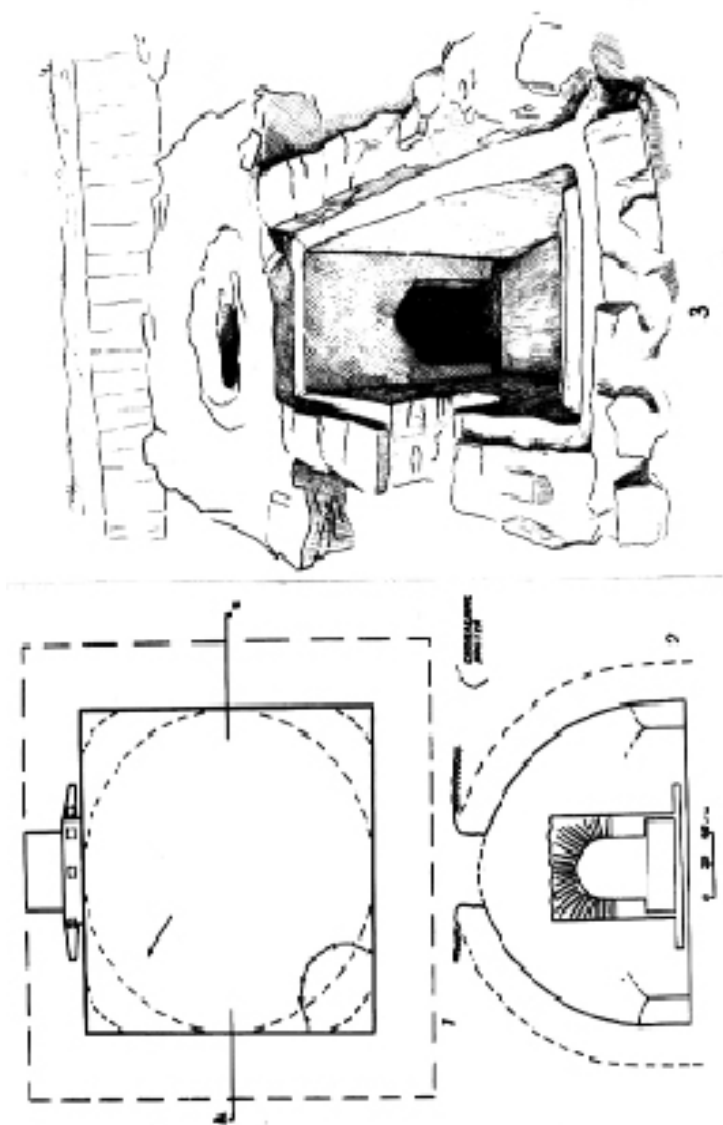


Рис. 34. Церковь 4, отдельно стоящий склеп:
 1 – план; 2 – поперечный разрез по А-Б; 3 – общий вид с дорожкой

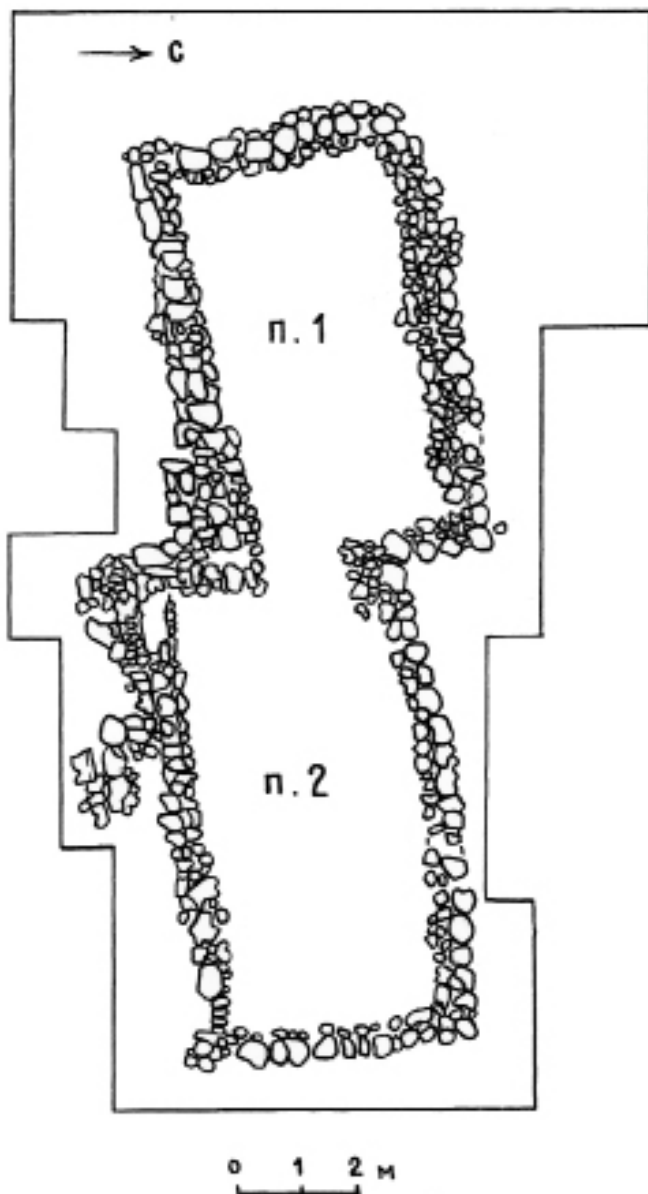


Рис. 35. План жилища.
Раскопки О.В. Милорадович в 1961 г.



Рис. 36. Жилище.
Общий вид с востока на запад. Раскопки О.В. Милорадович в 1961 г.



1



2

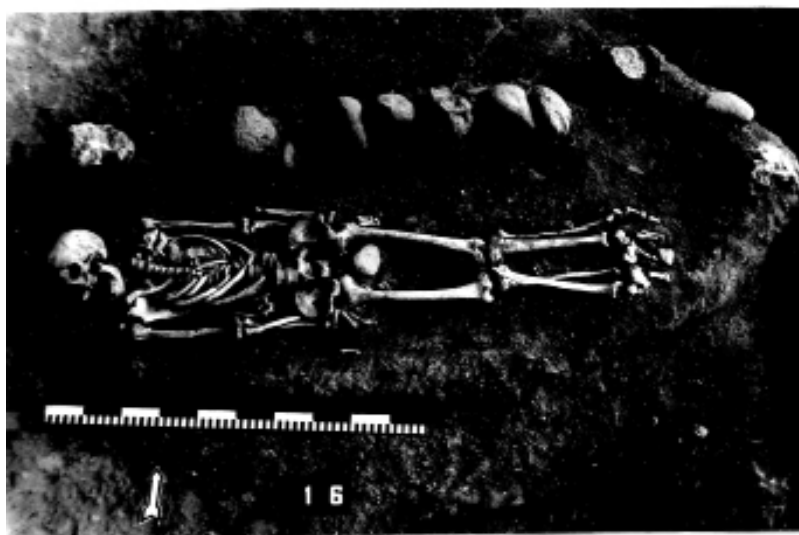
Рис. 37. Жилище, находки:
 1 – фундаментный камень с «вавилоном» и лунками;
 2 – глиняный детский горшок-тувак из жилища



Рис. 38. Городская площадь, булыжная вымостка. Раскопки 1962 г.

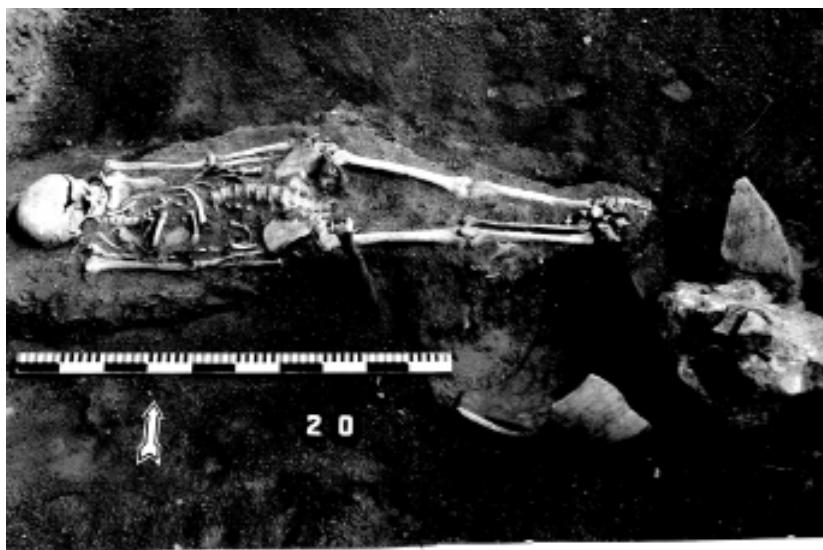


1



2

Рис. 39. Городская площадь:
1 – общий вид; 2 – погребение 16 под вымосткой



1



2

Рис. 40. Погребения с керамикой:
1 – погребение 20 под городской площадью; 2 – погребение 1 у церкви 3



Рис. 41. Индивидуальные находки (Без масштаба):
 1–2 – ножи; 3–4 – наконечники стрел; 5–7 – гвозди; 8 – скоба;
 9 – лопатка с ручкой; 10 – цилиндрический замок;
 11–12 – пластины от клепаных крестов;
 13 – ступка аптечная, XIII в. 1–12 – железо, 13 – бронза.

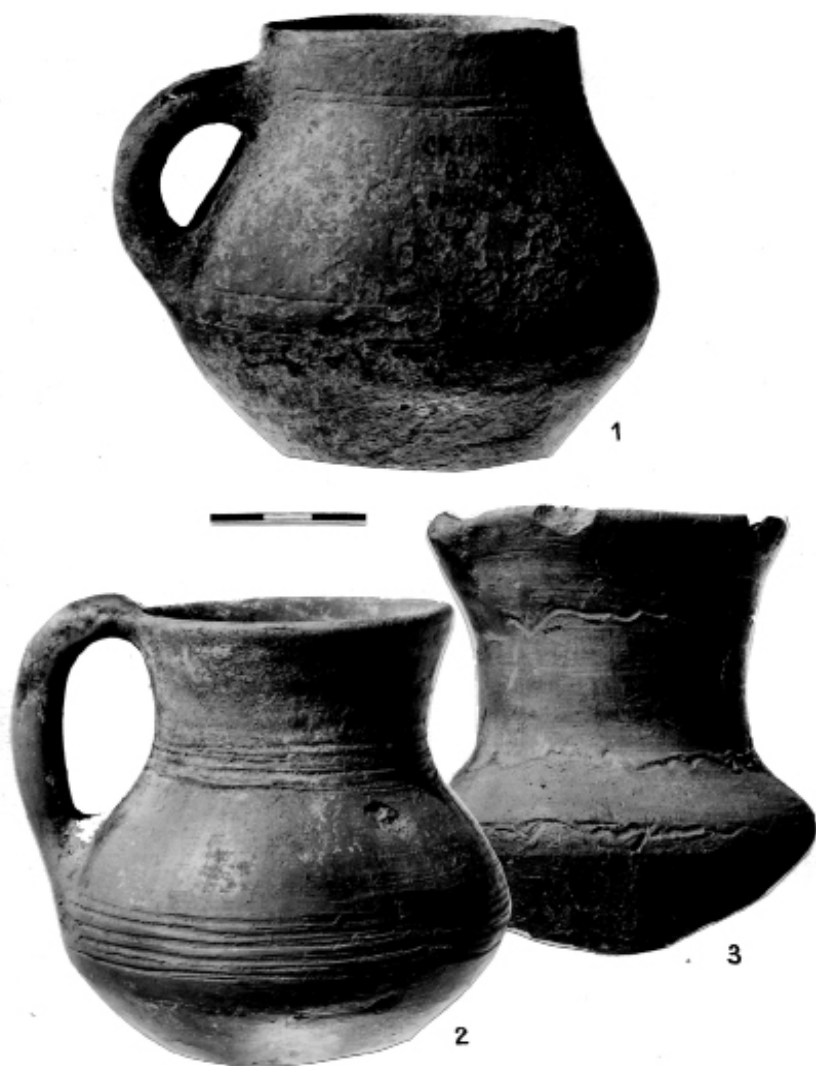


Рис. 42. Красноглиняные кувшины XIV в.
1 – раскоп III, 1962 г.; 2 – раскоп III, 1962 г., мавзолей, п. 2



1



2

Рис. 43. Верхний Джулат:
 1 – Е.И. Крупнов, акад. М.Н. Тихомиров и проф. А.И. Пронштейн
 у входа в Татартунский минарет, 1958 г.;
 2 – Е.И. Крупнов и В.А. Кузнецов на раскопе, 1960

Оглавление

От автора	5
Введение	8
1. Мусульманские памятники	13
1.1. <i>Малая мечеть</i>	13
1.2. <i>Татартупский минарет</i>	14
1.3. <i>Большая мечеть</i>	17
1.4. <i>Исламизация Северного Кавказа в эпоху Золотой Орды и Верхний Джулат</i>	26
2. Христианские памятники	47
2.1. <i>Церковь 1</i>	47
2.2. <i>Церковь 2</i>	61
2.3. <i>Церковь 3</i>	69
2.4. <i>Церковь 4</i>	77
2.5. <i>Датировка архитектурных памятников Верхнего Джулата ..</i>	81
2.6. <i>Вопрос о подалтарных криптах. Католичество на Северном Кавказе XV в.</i>	90
3. Другие объекты городища	97
4. К вопросу об области Джулат	100
Литература	106
Список сокращений	116
Иллюстрации	119

Научное издание

В.А. Кузнецов

ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ

*К истории
Золотоордынских городов
Северного кавказа*

Художественное оформление

И.Х. Кушховой

Компьютерная верстка
и техническое редактирование

И.Х. Кушховой

Корректор

Л.О. Тамазова

ISBN 978-5-91766-084-4



9 785917 660844

Подписано в печать 06.11.2014

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Palatino Linotype

Усл. печ. л. 9,3. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 108

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8(8662) 42-50-94